

СОДЕРЖАНИЕ

Новые документы	2
Правовая страница командира	
<i>Д.Е. Зайков.</i> Порядок проведения проверок в целях противодействия коррупции в военных организациях: проблемы правового регулирования.....	7
<i>О.Л. Зорин.</i> Проблемные вопросы обеспечения безопасности военной службы и необходимость их правового регулирования.....	15
Социальная защита военнослужащих и иных лиц	
<i>С.А. Нидер.</i> Дифференциация жилищных прав военнослужащих в зависимости от доступной им в соответствии с законодательством формы их реализации.....	23
Военные аспекты гражданского и жилищного права	
<i>В.М. Шенишин.</i> К вопросу о реализации участником накопительно-ипотечной системы своего права на использование целевого жилищного займа: как при этом еще не оказаться должником (анализ определения Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2018 года № 202-КГ18-2).....	30
Военно-уголовное право и процесс	
<i>Д.С. Чукин, С.И. Муфаздалов.</i> Объекты с биометрическими данными как предмет преступления, предусмотренного статьей 327 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	37
<i>С.В. Гончарова, Л.Б. Прудникова, В.М. Шенишин.</i> Особенности оценки объективных признаков воинских преступлений.....	42
Международное право, военные проблемы международного права	
<i>Н.А. Синяева, Р.А. Каламкарян.</i> Роль Российской Федерации и ее Вооруженных Сил в обеспечении универсальной системы военной безопасности.....	52
<i>О.Ю. Петров.</i> Предотвращение опасной военной деятельности, предупреждение инцидентов и происшествий на море при осуществлении военного мореплавания (краткий анализ современных положений международного права).....	61
<i>Ю.Н. Румянцева.</i> Россия и Международный уголовный суд: перспективы сотрудничества.....	68
Точка зрения	
<i>А.В. Кудашкин.</i> Военное право: понятие и содержание, дискуссия о соотношении отрасли права и законодательства, предмет исследования.....	75
<i>А.Г. Асеев, В.М. Большакова, П.Ю. Наумов, А.Н. Кононов, О.В. Бабарыкин.</i> К новой реформе правоохранительных структур? (комментарий к проекту закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти»).....	79
<i>М.Д. Эситашвили.</i> К вопросу о возможности использования опыта некоторых иностранных государств в совершенствовании отечественного законодательства о секретных изобретениях.....	85
<i>О.А. Овчаров.</i> К истории становления правового института военного духовенства в России. Часть 2.....	90
Сведения об авторах, аннотации и библиографические списки	96

Научно-практический журнал
«Право в Вооруженных Силах –
Военно-правовое обозрение» /
«Военно-правовое обозрение.
Теория и практика»

№ 4 (273) апрель 2020 г.

Издается с июля 1997 г.

Главный редактор
Кудашкин А.В.

Заместитель
главного редактора
Белов В.К.

Выпускающий редактор
Тюрина О.А.

Администратор
Грекова Е.А.

Компьютерная верстка
Зулькарнаев А.Б.

Издание зарегистрировано
Министерством РФ по делам
печати, телерадиовещания и
средств массовых коммуникаций.

Регистрационные номера
ПИ № ФС77-66682
от 27.07.2016 /
ПИ № ФС77-75989
от 19.06.2019

Учредитель и издатель:
Коллектив редакции;
ООО «Центр правовых
коммуникаций»

Адрес редакции и издателя:
105082, г. Москва,
пл. Спартаковская, д. 14, стр. 3,
эт. 2, ком. 9, офис 27

Адрес в Интернете –
<http://www.opklex.com>
E-mail: pvsypo@mail.ru

Администратор сайта
Белов В.К.

ISSN 2219-5947

Подписной индекс 72527

Выходит ежемесячно
Распространяется только
по подписке, цена свободная

© Редакция журнала
«Право в Вооруженных Силах –
Военно-правовое обозрение»

© ООО «Центр правовых
коммуникаций»

Материалы, использованные
в журнале, могут быть
использованы в других изданиях
только с разрешения редакции.
Редакция консультаций
по телефону не дает, переписку
с читателями не ведет.

Редакция не ограничивает
авторов в возможности
высказывания на страницах
журнала своего мнения, которое
может не совпадать
с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 20.03.2020

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»

143405, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный квартал, дом 2.

Скорректирован перечень дополнительных выплат военнослужащим, проходящим военную службу по призыву

Внесены изменения, предусматривающие установление военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, следующих выплат:

- ежемесячной надбавки за командование (руководство) воинским подразделением;
- ежемесячной надбавки за выполнение задач, непосредственно связанных с риском для жизни и здоровья в мирное время;
- ежемесячной надбавки за работу со сведениями, составляющими государственную тайну.

Военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, при увольнении с военной службы предусматривается вы-

плата единовременного пособия в размере одного оклада по воинской должности.

Действие указанного ниже Федерального закона распространено в отношении военнослужащих, проходящих военную службу по призыву в Вооруженных Силах Российской Федерации, с 1 января 2019 г., а в отношении военнослужащих, проходящих военную службу по призыву в других войсках, воинских формированиях и органах, – с 1 января 2020 г.

Источник: Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» от 1 марта 2020 г. № 40-ФЗ.

Закреплен порядок доставки военной корреспонденции в российские воинские формирования на территории Сирии

Ратифицировано российско-сирийское межправительственное соглашение о сотрудничестве в области военной фельдъегерско-почтовой связи. В нем закреплен порядок доставки военной корреспонденции фельдъегерями Минобороны России в воинские формирования Российской Федерации, дислоцированные на территории Сирии.

Источник: Федеральный закон «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Сирийской Арабской Республики о сотрудничестве в области военной фельдъегерско-почтовой связи» от 1 марта 2020 г. № 28-ФЗ.

Крымчане, служившие в украинской армии, получили право на присвоение статуса ветерана военной службы

Указанный ниже Федеральный закон предоставляет статус ветеранов военной службы лицам, проходившим военную службу в частях и организациях Вооруженных сил Украины на территории Крыма и постоянно проживавшим там на день его принятия в состав России.

Статус ветерана военной службы присваивается названным гражданам

при условии наличия наград и 20-летней продолжительности военной службы.

Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Источник: Федеральный закон «О внесении изменения в статью 5 Федерального закона «О ветеранах»» от 18 февраля 2020 г. № 19-ФЗ.

Взносы на капремонт, уплачиваемые членами семей военнослужащих, являющимися получателями компенсационных выплат, учитываются в составе расходов на содержание и ремонт объектов общего пользования многоквартирного дома (МКД)

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2019 г. № 12-П абз. 2 и 3 п. 4 ст. 24 Федерального закона «О статусе военнослужащих» были признаны частично не соответствующими Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в них положения в силу своей неопределенности допускали различный подход к решению вопроса о включении взносов на капремонт в состав расходов на содержание и ремонт объектов общего пользования в МКД, подлежащих компенсации членам семей погибших (умерших) военнослужащих.

С учетом правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации необходимые изменения внесены в ряд законодательных актов, в том числе по вопросам социальных гарантий военнослужащим, предусматривающие включение взносов на капремонт в состав расходов, подлежащих компенсации указанным категориям граждан.

Источник: Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 1 марта 2020 г. № 29-ФЗ.

Установлена надбавка за сложность в Росгвардии

Сотрудникам войск национальной гвардии Российской Федерации, участвующим в охране общественного порядка в Москве, Санкт-Петербурге, Московской и Ленинградской областях, установлена ежемесячная надбавка к окладу в размере до 100 % месячного оклада.

Надбавка устанавливается за сложность выполняемых задач. Порядок выплаты надбавки определяется директором Росгвардии – главнокомандующим войсками национальной гвардии Россий-

ской Федерации.

Источник: Постановление Правительства Российской Федерации «О ежемесячной надбавке к месячному окладу за сложность выполняемых задач военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции» от 22 января 2020 г. № 29.

Контрактникам при переезде на новое место службы в связи с направлением и назначением не на воинские должности полагаются подъемное пособие и суточные

Внесено изменение в Федеральный закон «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» с учетом правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выражен-

ной в постановлении от 22 марта 2019 г. № 15-П. Судом были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации положения данного Закона, служащие основанием для отказа в предоставлении

подъемного пособия при переезде на новое место (к месту) службы в другой населенный пункт тем военнослужащим, которые без приостановления им военной службы назначены на должности преподавателей, не являющиеся воинскими.

Внесенные Законом изменения распро-

страняются на правоотношения, возникшие с 1 января 2012 г.

Источник: Федеральный закон «О внесении изменения в статью 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»» от 1 марта 2020 г. № 38-ФЗ.

Нарушение правил несения пограничной службы или боевого дежурства, не повлекшее причинения вреда, не является преступлением

Разграничена уголовная и дисциплинарная ответственность за нарушение правил несения боевого дежурства или пограничной службы. Исключена уголовная ответственность за указанные нарушения, если они не повлекли, но могли бы повлечь причинение вреда интересам безопасности государства. За такие деяния военнослужащих будут привлекать к дисциплинарной ответственности.

Кроме того, поскольку в настоящее время призыв на военную службу в пограничные органы не ведется, из числа возможных наказаний за нарушение правил несения пограничной службы исключено содержание в дисциплинарной воинской части.

Источник: Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 340 и 341 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 18 февраля 2020 г. № 22-ФЗ.

Материнский капитал может быть направлен на строительство жилого дома на садовом участке. Новые меры поддержки семей при рождении (усыновлении) первого ребенка

Названным ниже Федеральным законом предусмотрена возможность направления части средств материнского капитала на строительство (реконструкцию) либо на компенсацию затрат на построенный объект ИЖС на садовом земельном участке. Ранее строительство жилого дома было возможно только на земельном участке, предоставленном для ИЖС. В настоящее время такое строительство возможно в том числе и на садовом земельном участке.

Указанным Законом установлено право на дополнительные меры господдержки женщин, родивших (усыновивших) первого ребенка, начиная с 1 января 2020 г., а

также мужчин – усыновителей первого ребенка, не воспользовавшихся ранее мерами дополнительной господдержки, если решение суда об усыновлении вступило в силу начиная с 1 января 2020 г.

Законом также предусматривается введение дифференцированного размера материнского капитала, в зависимости от рождения (усыновления) первого, второго, третьего или последующих детей.

Источник: Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала» от 1 марта 2020 г. № 35-ФЗ.

Уточнен порядок взаимодействия органов исполнительной власти, органов местного самоуправления с операторами связи и редакциями СМИ по вопросу распространения информации о чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, а также военных действиях

Установлено, что федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и (или) органы местного самоуправления в зависимости от территории распространения СМИ или от территории, на которой оказываются услуги связи, инициируют распространение редакциями СМИ и операторами связи сигналов оповещения и экстренной информации об опасностях, возникающих при угрозе возникновения или возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также при ведении военных действий или вслед-

ствие этих действий, о правилах поведения населения и необходимости проведения мероприятий по защите.

Порядок взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления с редакциями СМИ и операторами связи определяется Правительством Российской Федерации.

Источник: Федеральный закон «О внесении изменений в статью 35 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и статью 66 Федерального закона «О связи»» от 1 марта 2020 г. № 42-ФЗ.

Определен порядок обследования и освидетельствования членов семей военнослужащих для определения возможности их проживания в местностях, куда военнослужащие переводятся для прохождения службы, в том числе в иностранных государствах с неблагоприятным жарким климатом

Предусмотрен перечень обязательных диагностических исследований, которые проводятся до начала освидетельствования в целях определения возможности проживания по состоянию здоровья в отдельных местностях членам семей офицеров и сотрудников в соответствующих военно-медицинских организациях.

Также внесен ряд изменений, направленных на повышение эффективности организации военно-врачебной экспер-

тизы при медицинском освидетельствовании граждан, призываемых на военную службу, поступающих на военную службу (приравненную службу) по контракту или в мобилизационный людской резерв.

Источник: Постановление Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в Положение о военно-врачебной экспертизе» от 27 февраля 2020 г. № 207.

**Уточнен порядок заключения нового контракта с
военнослужащими, проходившими военную службу по контракту
и имеющими воинское звание высшего офицера, достигшими
предельного возраста пребывания на военной службе**

Установлено, что гражданин, проходивший военную службу по контракту, достигший предельного возраста пребывания на военной службе и имеющий воинское звание высшего офицера, для заключения нового контракта подает заявление руководителю федерального органа исполнительной власти или федерального государственного органа, в котором предусмотрена военная служба.

Решение о заключении контракта с гражданином, проходившим военную службу по

контракту, достигшим предельного возраста пребывания на военной службе и имеющим воинское звание высшего офицера, о сроке контракта или об отказе в заключении контракта принимается Президентом Российской Федерации.

Источник: Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Положение о порядке прохождения военной службы, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237» от 21 февраля 2020 г. № 147.

«Административная гильотина» в действии

Признаны не действующими на территории Российской Федерации акты СССР и их отдельные положения по перечню согласно приложению к постановлению Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2020 г. № 80 (извлечение)

23. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 14 декабря 1926 г. «О порядке возмещения расходов по проезду военнослужащих, состоящих в рядах РККА, вызываемых в общие судебные учреждения по уголовным делам» (СЗ СССР, 1927, № 2, ст. 22).

50. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 24 апреля 1929 г. «О предоставлении Народному Комиссариату по Военным и Морским Делама права иметь специальные средства на усиление войсковых касс взаимопомощи» (СЗ СССР, 1929, № 27, ст. 247).

275. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 16 июля 1940 г. № 1269 «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям» (СП СССР, 1940, № 19, ст. 465).

278. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 12 сентября 1940 г. № 1673 «О введении на вооружение кортиков и палашей для военнослужащих Военно-Морского Флота».

346. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 17 июня 1943 г. № 668 «Об утверждении инструкции о порядке назначения и выплаты пособий и пенсий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава» (СП СССР, 1943, № 9, ст. 152).

410. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 21 сентября 1945 г. № 2436 «О мероприятиях по оказанию помощи демобилизованным, семьям погибших воинов, инвалидам Отечественной войны и семьям военнослужащих».

742. Постановление Совета Министров СССР от 8 сентября 1952 г. № 4089 «О выплате единовременного безвозвратного пособия военнослужащим, уволенным из Советской Армии, Военно-Морского флота, пограничных и внутренних войск и оставшимся на работе в отдаленных местностях СССР».

982. Постановление Совета Министров СССР от 11 июля 1957 г. № 821 «Об утверждении норм суточного довольствия военнослужащих, проходящих службу в высокогорных районах».

1118. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 20 января 1960 г. № 74 «О трудоустройстве и материально-бытовом обеспечении военнослужащих, увольняемых из Вооруженных Сил СССР в соответствии с Законом о новом значительном сокращении Вооруженных Сил СССР» (СП СССР, 1960, № 3, ст. 15).

Продолжение на стр. 22.

ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРОК В ЦЕЛЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Д.Е. Зайков,

доцент кафедры «Гражданское право, международное частное право и гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются особенности правового регулирования порядка проведения проверок в целях противодействия коррупции, установленного приказом Министра обороны Российской Федерации от 21 ноября 2019 г. № 666.

Согласно ст. 3 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (далее – Закон о противодействии коррупции) противодействие коррупции в Российской Федерации основывается, в частности, на таких основных принципах, как:

- признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;
- законность;
- неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений;
- приоритетное применение мер по предупреждению коррупции.

Указанные принципы приобретают особое значение при осуществлении проверки исполнения субъектами антикоррупционных отношений¹ возложенных на них обязанностей, соблюдения ими установленных ограничений и запретов. При этом особенности правового статуса, обособляющие среди указанных лиц работников организаций, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными госу-

дарственными органами, которые замещают должности, отнесенные к коррупционно-опасным, делают необходимым учет такой специфики при регламентации соответствующих отношений. Вместе с тем, этот подход федеральным законодателем не всегда воспринимается, что приводит к негативным последствиям на ведомственном уровне.

Правовое регулирование порядка проведения проверок в целях противодействия коррупции. Так, приказом Министра обороны Российской Федерации от 14 ноября 2019 г. № 666² (далее – приказ Министра обороны № 666) утверждено Положение о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение отдельных должностей, и работниками, замещающими отдельные должности на основании трудового договора в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, и соблюдения этими работниками требований к служебному поведению (далее – Положение). Данный приказ отменил ранее действовавший

¹ Лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, федеральные государственные гражданские служащие, военнослужащие и др.

² Вступил в силу с 27 декабря 2019 г.

приказ Министра обороны Российской Федерации от 29 июня 2013 г. № 484 (далее – приказ Министра обороны № 484), регулирующий аналогичные правоотношения.

Сравнительный правовой анализ указанных правовых актов позволяет сделать вывод о том, что приказ Министра обороны № 666 значительно выигрывает по своему содержанию, так как он избавлен от ряда недостатков, присущих своему предшественнику.

Вместе с тем, первый вопрос, который возникает при ознакомлении с приказом Министра обороны № 666, – это правовые основания его издания.

В качестве таковых указаны подп. «в» п. 22 Указа Президента Российской Федерации «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции»» от 2 апреля 2013 г. № 309 (далее – Указ Президента Российской Федерации № 309) и подп. «з» п. 3 Указа Президента Российской Федерации «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению» от 21 сентября 2009 г. № 1065³ (далее – Указ Президента Российской Федерации № 1065).

Однако данные нормы регулируют рассматриваемые отношения в части, касающейся исключительно федеральных государственных служащих, и не распростра-

няются на лиц, замещающих коррупционно-опасные должности или претендующих на замещение таких должностей в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации (далее – военные организации). Следовательно, изложенные правовые основания издания приказа Министра обороны № 666 таковыми не являются.

Согласно ч. 7 ст. 8 Закона о противодействии коррупции проверка достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, за исключением сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей руководителей государственных (муниципальных) учреждений, и лицами, замещающими данные должности, осуществляется по решению представителя нанимателя (руководителя) или лица, которому такие полномочия предоставлены представителем нанимателя (руководителем), *в порядке, устанавливаемом Президентом Российской Федерации.*

В отношении работников военных организаций, замещающих коррупционно-опасные должности, и лиц, претендующих на замещение таких должностей, соответствующий указ Президента Российской Федерации отсутствует. Положений, распространяющих, например, действие Указа Президента Российской Федерации № 1065 в том числе и на указанные должности работников, нет.

Данная проблема, созданная точечным правовым вакуумом в сфере регулирования рассматриваемых отношений, существует не только в Министерстве обороны Российской Федерации, но и в иных федеральных государственных органах. Ее решение посредством применения по аналогии

³ Напротив, приказ Министра обороны № 484 в качестве правовых оснований своего издания в первую очередь указывал Закон о противодействии коррупции и Федеральный закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ.

Указа Президента Российской Федерации № 1065 является, наверное, единственно разумным в такой ситуации. Однако именно этот подход и обусловил отсутствие учета специфики правового статуса работников при проведении проверки достоверности и полноты представляемых сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и соблюдения ими требований к служебному поведению (далее – проверка).

В указанных обстоятельствах не совсем понятна позиция разработчика Положения, в силу которой все его основополагающие нормы содержат ссылки на соответствующие пункты Указа Президента Российской Федерации № 1065⁴. Вероятно, это сделано в качестве правового обоснования, хотя это сложно объяснить даже с точки зрения целесообразности.

В целом процедура проведения проверки, урегулированная Положением, осталась без существенных изменений, однако отдельные вопросы требуют более подробного анализа.

Проблемные вопросы проведения проверок. Положение расширило предмет проверки, актуализировав его с Указом Президента Российской Федерации № 1065:

1) достоверность и полнота сведений, представленных гражданами, претендующими на замещение отдельных должностей в военных организациях, которые предусмотрены перечнем коррупционно-опасных должностей⁵, на отчетную дату;

⁴ Всего таких ссылок 12.

⁵ Перечень воинских должностей, должностей федеральной государственной гражданской службы в Министерстве обороны Российской Федерации, должностей работников в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, при назначении на которые и при замещении которых военнослужащие, федеральные государственные гражданские служащие и работники обязаны представлять сведения о сво-

2) достоверность и полнота сведений, представленных работниками, замещающими должности в организациях, предусмотренные перечнем, за отчетный период и за два года, предшествующие отчетному периоду;

3) достоверность и полнота сведений (в части, касающейся профилактики коррупционных правонарушений), представленных гражданами при поступлении на работу в военные организации, в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации;

4) соблюдение работниками в течение трех лет, предшествующих поступлению информации, явившейся основанием для осуществления проверки, ограничений и запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов, исполнения ими обязанностей, установленных Законом о противодействии коррупции и другими федеральными законами (далее – требования к служебному поведению).

Вместе с тем, сравнительный анализ первого и третьего пунктов приводит к неоднозначному толкованию содержания последнего из них, в том числе и в качестве дублирования первого. При этом данная ситуация осложняется неудачным использованием в Положении понятия «гражданин», значение которого может быть двояким: граждане, претендующие на замещение коррупционно-опасных должностей в военных организациях (телеологическое толкование), и граждане, претендующие на замещение должностей в военных организациях (буквальное толкование).

их доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, утвержденный приказом Министра обороны Российской Федерации от 21 ноября 2019 г. № 685.

В силу п. 6 Положения основанием для осуществления проверки является *достаточная информация*, представленная в письменном виде:

– правоохранительными органами, иными государственными органами, органами местного самоуправления и их должностными лицами;

– должностными лицами подразделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений Главного управления кадров (кадровых подразделений организаций) (далее – кадровые подразделения);

– постоянно действующими руководящими органами политических партий и зарегистрированных в соответствии с законом иных общероссийских общественных объединений, не являющихся политическими партиями;

– Общественной палатой Российской Федерации;

– общероссийскими средствами массовой информации⁶.

Основная сложность применения указанной нормы заключается в квалификации представленной информации в качестве достаточной для принятия решения о проведении проверки. Никаких критериев таковой или порядка ее определения Положение не устанавливает.

Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации в письме «О разъяснении законодательства в части проверки сведений» от 15 августа 2014 г. № 18-2/В-571 следующим образом раскрыло указанный термин:

«Достаточность информации предполагает наличие совокупности данных, свидетельствующих о несоответствии факти-

ческим обстоятельствам представленных сведений. Как правило, достаточная информация, являющаяся основанием для начала проверки, содержится в различных документах (их копиях), отражающих действительное имущественное положение лица, его супруга и несовершеннолетних детей, образование, гражданство лица и др. Вместе с тем это не означает, что проверку нельзя проводить при отсутствии в представленной в установленном порядке информации приложений в виде документов, подтверждающих факт недостоверности или неполноты сведений о доходах (либо недостоверность иных предусмотренных законом сведений).

В случае если уполномоченными лицами выявлены обстоятельства, позволяющие усомниться в достоверности данных сведений, необходимо инициировать проведение проверки».

Таким образом, в качестве квалифицирующего признака может выступать усмотрение уполномоченного лица. Тем самым допускается коррупциогенный фактор⁷ в деятельности по противодействию коррупции!

Правом на принятие решения о проведении проверки наделены:

– Министр обороны Российской Федерации;

– статс-секретарь – заместитель Министра обороны Российской Федерации;

– должностные лица Вооруженных Сил Российской Федерации, осуществляющие полномочия работодателя в отношении работников военных организаций⁸.

⁶ См. подробнее: *Цветков А.С.* О некоторых проблемах, которые могут возникнуть в ходе проведения антикоррупционных проверок, и возможных путей их решения // *Право в Вооруженных Силах.* 2015. № 5. С. 15.

⁷ Подпункт «а» п. 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96.

⁸ Приказ Министра обороны Российской Федерации «О представителях Министерства обороны Российской Федера-

Вместе с тем, Положение прямо не ограничивает компетенцию среди указанных лиц по принятию решений о проведении проверки в отношении разных категорий проверяемых лиц. Например, Министр обороны Российской Федерации вправе принять решение о проведении проверки в отношении любого проверяемого лица. Однако если это будет не руководитель военной организации⁹, а работник военной организации, в отношении которого Министр обороны Российской Федерации в связи с отсутствием между ними трудовых отношений не уполномочен принимать, в частности, решения о привлечении его к дисциплинарной ответственности? Возможно ли в этом случае эффективное проведение проверки?

Одним из наиболее действенных инструментов проверки является направление запросов, касающихся осуществления оперативно-розыскной деятельности или ее результатов, запросов в органы прокуратуры Российской Федерации, иные федеральные государственные органы, государственные органы субъектов Российской Федерации, территориальные органы федеральных государственных органов, органы местного самоуправления, на предприятия, в учреждения, организации и общественные объединения (далее – государственные органы и организации) об имеющихся у них сведениях: о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера гражданина или работника, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей; о достоверности и полноте сведений, представленных гражданином в соответствии с

нормативными правовыми актами Российской Федерации; о соблюдении работником требований к служебному поведению.

Согласно п. 14 Положения соответствующие запросы направляются:

1) Министром обороны Российской Федерации либо статс-секретарем – заместителем Министра обороны Российской Федерации – в федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности, в кредитные организации, налоговые органы и органы, осуществляющие государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним;

2) начальником Главного управления кадров Министерства обороны Российской Федерации – в государственные органы и организации, кроме указанных в п. 1;

3) руководителем военной организации – в государственные органы субъектов Российской Федерации, территориальные органы федеральных государственных органов, органы местного самоуправления, на предприятия, в учреждения, организации и общественные объединения, кроме указанных в п. 1.

Согласно п. 18.1 Положения о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению, утвержденного Указом Президента Российской Федерации № 1065 (далее – Положение, утвержденное Указом Президента Российской Федерации № 1065), запросы в кредитные организации, налоговые органы Российской Федерации и органы, осуществляющие государствен-

ции, осуществляющих полномочия работодателя в отношении работников воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 3910.

⁹ В отношении которого Министр обороны Российской Федерации осуществляет функции работодателя.

ную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, направляются руководителями (должностными лицами) федеральных государственных органов, перечень которых утвержден Президентом Российской Федерации.

Перечень должностных лиц, наделенных полномочиями по направлению запросов в кредитные организации, налоговые органы Российской Федерации и органы, осуществляющие государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, при осуществлении проверок в целях противодействия коррупции утвержден Указом Президента Российской Федерации № 309. Согласно пп. 3 и 8 указанного перечня в него, в частности, входят руководители федеральных государственных органов и их специально уполномоченные заместители.

Так, статс-секретарь – заместитель Министра обороны Российской Федерации специально уполномочен правом направлять указанные запросы приказом Министра обороны Российской Федерации от 29 апреля 2013 г. № 331.

Однако Указ Президента Российской Федерации № 1065 не наделяет руководителей военных организаций полномочиями по направлению запросов в государственные органы субъектов Российской Федерации, территориальные органы федеральных государственных органов, органы местного самоуправления, на предприятия, в учреждения, организации и общественные объединения и соответственно не обязывает указанные органы и организации отвечать на такие запросы¹⁰. Урегулирование данных отношений Положением ситуацию не спасает.

¹⁰ Тем более что представление ответов на запросы нередко связано с раскрытием конфиденциальной информации: персональных данных, коммерческой тайны, медицинской тайны и т. д.

При этом нормативные правовые акты иных федеральных государственных органов, за редким исключением¹¹, предусматривают направление запросов уполномоченными должностными лицами по ходатайству руководителей соответствующих организаций¹², что видится более рациональным решением.

Таким образом, установленный п. 14 Положения порядок направления запросов упрощает проведение проверки, однако не обеспечивает ее должную эффективность.

В силу п. 19 Положения на период проведения проверки работник может быть отстранен от замещаемой должности на срок, не превышающий 60 дней со дня принятия решения о ее проведении. Указанный срок может быть продлен до 90 дней лицом, принявшим решение о проведении проверки. На период отстранения работника от замещаемой должности заработная плата¹³ по занимаемой им должности сохраняется.

Безусловно, в теории данная норма не только направлена на создание объективных условий проведения проверки, но и гарантирует сохранение заработной платы

¹¹ Подпункт «г» п. 14 Положения о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей, и работниками, замещающими отдельные должности на основании трудового договора в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации, и соблюдения лицами, замещающими эти должности, требований к служебному поведению, утвержденного приказом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 25 февраля 2018 г. № 61.

¹² См., например, п. 12 Положения о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение отдельных должностей, и работниками, замещающими отдельные должности на основании трудового договора в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, утвержденного приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 13 июня 2013 г. № 258н (далее – Положение Минтруда России).

¹³ Предыдущая редакция Положения предусматривала термин «денежное содержание», который не соотносим с трудовыми отношениями.

на период отстранения работника от замещаемой должности. Однако в практической деятельности она вряд ли будет применена.

Во-первых, непонятно, кто вправе принимать решение об отстранении работника от замещаемой должности. Исходя из специфики трудовых отношений никто, кроме работодателя, этого сделать не может, однако Положение дает основания для иного вывода. Подтверждением этого является предоставление права продления срока отстранения работника от замещаемой должности всем лицам, указанным в п. 3 Положения.

Во-вторых, трудовое законодательство не предусматривает такого основания отстранения работника от замещаемой должности, как проведение в отношении его проверки¹⁴, что в принципе исключает возможность такого отстранения.

В-третьих, указание на «сохранение заработной платы по занимаемой должности» также является неопределенным, так как Трудовой кодекс Российской Федерации для похожих ситуаций предусматривает сохранение среднего заработка¹⁵, размер которого, как правило, отличается в большую сторону по сравнению с размером заработной платы. Но и соответственно такого правового основания для указанной гарантии, как проведение в отношении работника проверки, трудовое законодательство не устанавливает¹⁶.

¹⁴ В отношении федеральных гражданских служащих такое положение устанавливает ч. 7 ст. 59 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ.

¹⁵ См., например, ст.ст. 171, 185 Трудового кодекса Российской Федерации.

¹⁶ Следует указать, что данная проблема, например, Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации решена радикальным образом – гарантия сохранения заработной платы или среднего заработка за работником на период его отстранения от замещаемой должности на период проверки просто не предусмотрена (п. 17 Положения Минтруда России).

Согласно п. 20 Положения по результатам проверки кадровым подразделением представляется доклад лицу, принявшему решение о проведении проверки.

В доклад включается одно из следующих предложений:

- 1) о назначении работника или гражданина на должность, включенную в перечень;
- 2) об отказе работнику или гражданину в назначении на должность, включенную в перечень;
- 3) об отсутствии оснований для применения к работнику мер юридической ответственности;
- 4) о применении к работнику мер юридической ответственности;
- 5) о представлении материалов проверки в соответствующую комиссию по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

В силу п. 23 Положения должностное лицо, уполномоченное назначать гражданина на должность, замещаемую на основании трудового договора, или назначившее работника на должность, рассмотрев доклад и соответствующее предложение, указанные в п. 20 Положения, принимает одно из следующих решений:

- 1) назначить работника (гражданина) на должность, включенную в перечень;
- 2) отказать работнику (гражданину) в назначении на должность, включенную в перечень;
- 3) применить к работнику меры юридической ответственности;
- 4) представить материалы проверки в соответствующую комиссию по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

Безусловно, такой подход хотя формально и верен, но не обеспечивает защиту трудовых прав работников.

Данные нормы также вызывают вопросы к их реализации.

Доклад по результатам проверки представляется лицу, принявшему решение о проведении проверки. Но, допустим, такое решение принял Министр обороны Российской Федерации. Какие решения он вправе принять на основании такого доклада, если не является работодателем для лица, в отношении которого проводилась проверка?

При этом п. 23 Положения прямо указывает, что решение по результатам рассмотрения доклада принимает лицо, являющееся для проверяемого лица работодателем (действующим или потенциальным).

Кроме того, среди возможных вариантов решений Положение указывает: применить к работнику меры юридической ответственности или представить материалы проверки в соответствующую комиссию по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

Однако в каком случае работодатель вправе сразу привлечь работника к дисциплинарной ответственности, а в каком вправе это сделать лишь на основании решения комиссии по соблюдению требований к служебному поведению работников и урегулированию конфликта интересов (далее – комиссия)?

Так, согласно подп. «а» п. 9 Положения о комиссиях организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, по соблюдению требований к служебному поведению работников и урегулированию конфликта интересов, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 10 июня 2014 г. № 388, основаниями для проведения заседания комиссии являются решение Ми-

нистра обороны Российской Федерации и руководителя военной организации¹⁷ в соответствии с п. 31 Положения, утвержденного Указом Президента Российской Федерации № 1065¹⁸, и материалы проверки, свидетельствующие:

– о представлении работником недостоверных или неполных сведений;

– о несоблюдении работником требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов.

Исходя из буквального толкования указанной нормы должно быть совместное решение Министра обороны Российской Федерации и руководителя военной организации о представлении материалов проверки в комиссию, что, на наш взгляд, является фактически неисполнимым.

В любом случае уполномоченное лицо, получившее доклад о результатах проверки, не связано обязанностью направлять необходимые материалы для рассмотрения в комиссию для привлечения работника к дисциплинарной ответственности за допущенные нарушения. Привлечение в указанной ситуации комиссии является лишь правом уполномоченного лица.

По нашему мнению, такой подход не позволяет в полной мере обеспечить объективность и беспристрастность результатов проверки, а также создает предпосылки для исключения комиссии из процесса принятия решения об обоснованности привлечения работника к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционного правонарушения.

Таким образом, Положение, имеющее важное предназначение в обеспечении про-

¹⁷ Статс-секретарь – заместитель Министра обороны Российской Федерации в указанном перечне вообще отсутствует.

¹⁸ Аналогичен п. 23 Положения.

тивоедействия коррупции с участием работников военных организаций, содержит ряд недостатков, которые снижают эффективность его применения. Вместе с тем, основная причина этого – отсутствие на федеральном уровне правового регулирова-

ния, учитывающего специфику правового статуса работников как субъектов антикоррупционных отношений. Данная ситуация обуславливает необходимость развития антикоррупционного законодательства в указанном направлении.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И НЕОБХОДИМОСТЬ ИХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

О.Л. Зорин,

подполковник, кандидат юридических наук, доцент

В статье проведен анализ современных проблем обеспечения безопасности военной службы, оказывающих негативное влияние на качество правового регулирования данных отношений.

Обеспечение безопасности военной службы является одной из актуальных задач настоящего этапа развития и строительства российских Вооруженных Сил, так как в соответствии с нормами Конституции Российской Федерации каждый работающий гражданин имеет права в сфере здравоохранения и безопасных условий труда (ст.ст. 37, 41), что нашло свое отражение в Федеральном законе «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ, где ст. 16 определено, что охрана здоровья военнослужащих обеспечивается созданием благоприятных условий военной службы, быта и системой мер по ограничению опасных факторов военной службы, проводимых командирами во взаимодействии с органами государственной власти¹.

Краткий обзор неблагоприятных факторов воинской деятельности. Исходя из вышесказанного необходимо отметить, что общественные отношения, складывающиеся в сфере сохранения здоровья военнослужащих, неразрывно связаны со стоящими перед Вооруженными Силами Российской Федерации (далее – Вооруженные Силы) задачами. Данный тезис основан на том, что опасности военной службы вытекают из нее, связаны с ней функциональной зависимостью в том смысле, что изменение режима выполнения Вооруженными Силами государственных задач в области обороны страны неизбежно влечет за собой и изменение характера и степени опасности для жизни и здоровья военнослужащих факторов военной службы².

¹ Примечательно, что правителями и военным командованием России необходимость проведения мероприятий по обеспечению безопасных условий военной службы в вооруженных силах осознавалась с давних пор. Подтверждением служат памятники военного права, содержащие нормы, направленные на сохранение жизни и здоровья воинов. К примеру, воинские уставы XVII в. – Устав ратных пушечных и других дел, касающихся до воинской науки (1621) и «Учение и

хитрость ратного строения пехотных людей» (1647) – в целях обеспечения боеготовности подразделений закрепляли обязанности должностных лиц по организации службы, а также наказы военачальникам по обеспечению требований безопасности, способствующие предупреждению и снижению травматизма и гибели личного состава (см. подробнее: *Калинин В.М.* Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью военнослужащих. М., 2001. С. 40).

² *Ивашин А.А.* Право военнослужащих на охрану здоровья (организационно-правовые вопросы). М., 2001. С. 44.

Связано это, прежде всего, с тем, что в современный период научно-технического прогресса и меняющегося характера военных конфликтов в войсках имеется значительное количество сложного по устройству вооружения и военной техники (в том числе с конструктивными особенностями повышенного риска при эксплуатации), что внесло свои коррективы в содержание и условия воинского труда военнослужащих, сопровождающегося физическими, нервно-психическими и умственными нагрузками ввиду следующих обстоятельств: сложность боевых задач; значительная интенсивность данного труда (и часто при остром дефиците времени); трудность сохранения ритмичности рабочих процессов; невозможность строгой регламентации величины и продолжительности физических и умственных нагрузок; повышенная доля сложных локомоторных актов с точной координацией и быстрыми чувственно-двигательными реакциями при управлении боевой техникой; высокая эмоциональная, умственная и физическая напряженность, в том числе с риском для жизни и здоровья (летная и водолазная подготовка, подводное вождение танков, прыжки с парашютом, участие в боевых действиях за рубежом и т. д.); резкое изменение климатических условий; дискомфортные условия обитания; проведение работ в ночное время при пониженной освещенности или при ее отсутствии и др.

Таким образом, вполне очевидно, что на работоспособность и состояние здоровья военнослужащих оказывают влияние следующие опасные (вредные) факторы: абиотические (физические, химические); биотические (биологические) и специфические. В свою очередь, к физическим факторам относятся: микроклиматические, механоакустические и электромагнитные. Химические

факторы: пары и газы; аэрозоли, дезинтеграции и конденсации; пороховые и взрывные газы; компоненты ракетного топлива, газопламенной струи ракет; пары технических жидкостей, ГСМ и хладагентов; отработавшие газы двигателей внутреннего сгорания; аккумуляторные газы. Биологические факторы составляют: микроорганизмы, растения, животные и продукты их жизнедеятельности. К специфическим факторам относятся: социально-психологического (конфликты «начальник – подчиненный», «начальник – коллектив»), конфликты военнослужащих между собой и с местным населением и др.) и психологического характера (эмоционально-волевая и нервно-психологическая неустойчивость, негативные черты характера, физические перегрузки и др.)³, что в целом увязывается с Системой стандартов безопасности труда (Межгосударственный стандарт ГОСТ 12.0.003-2015 «ССБТ. Опасные и вредные производственные факторы. Классификация»).

Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что данный стандарт не является обязательным к применению на территории Российской Федерации и носит рекомендательный (добровольный) характер, так как не зарегистрирован установленным порядком в качестве нормативного правового акта. Представляется, что в целях исключения юридической неопределенности необходимо ввести как в правовое, так и в военно-правовое поле, в частности, систему стандартов безопасности труда в гражданских условиях, а соответственно отдельно и систему стандартов безопасности военной службы в связи с особым характером служебной деятельности военнослужащих.

³ Справочник офицера по организации повседневной деятельности в воинской части и подразделении. Кн. 6. Медицинское обеспечение повседневной деятельности и боевой подготовки. М., 2016. С. 42 – 43.

Существующие проблемные аспекты в сфере безопасных условий воинской деятельности. Анализ законодательства по вопросам обеспечения безопасности военной службы и практика его применения позволяют выделить несколько основных групп противоречий, оказывающих негативное влияние на качество правового регулирования данных отношений, складывающихся в Вооруженных Силах.

1. *Неполнота системы нормативных правовых актов, обеспечивающих реализацию правовых норм по созданию безопасных условий военной службы.* Например, в ст. 319 УВС ВС РФ прямо указывается, что «командир полка... в целях организации и постоянного обеспечения безопасности военной службы... обязан: ...не реже одного раза в два года организовывать проведение в полку аттестации мест исполнения военнослужащими должностных и специальных обязанностей (рабочих мест) по условиям военной службы в порядке, определенном Министром обороны Российской Федерации», по аналогии с проведением специальной оценки условий труда на производстве в соответствии с Федеральным законом «О специальной оценке условий труда» от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ. Однако до сих пор механизм реализации данной нормы отсутствует. Проведенный автором настоящей статьи опрос общественного мнения среди офицеров, слушателей Военно-воздушной академии (г. Воронеж) (далее – ВУНЦ ВВС «ВВА») свидетельствует о том, что более половины респондентов (73 %) одобряют необходимость внедрения аттестации мест исполнения военнослужащими должностных и специальных обязанностей (рабочих мест) на их соответствие безопасным условиям военной службы⁴.

2. *Наличие ряда противоречий и несогласованностей между нормативными правовыми актами о безопасности военной службы.* Следствием активной, но несколько непоследовательной правотворческой деятельности Министерства обороны Российской Федерации является то, что отдельные положения его ведомственных документов вступили в противоречие как друг с другом, так и с иными нормативными правовыми актами. К примеру, ст. 317 УВС ВС РФ гласит, что безопасность военной службы заключается в поддержании в полку (подразделении) условий военной службы и порядка ее несения, обеспечивающих защищенность личного состава и каждого военнослужащего в отдельности, а также местного населения, его имущества и окружающей среды от воздействия опасных факторов военной службы, возникающих в ходе повседневной деятельности полка (подразделения). В Концепции безопасности военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденной директивой Министра обороны Российской Федерации «О совершенствовании работы по обеспечению безопасности военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации» от 30 января 2016 г. Д-3 указано, что безопасность военной службы – это условия военной службы, при которых воздействие на осуществляющего профессиональную служебную деятельность военнослужащего вредных и (или) опасных факторов военной службы исключено либо уровни их воздействия не превышают установленных нормативов. В Стратегическом плане повышения безопасности прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденном в 2009 г., под безопасностью военной службы понимается поддержание в соединении (воинской части, подразделении) условий военной службы и

⁴ Опрос проведен в сентябре 2019 г., в нем участвовало 236 человек.

порядка ее несения, обеспечивающих защищенность личного состава и каждого военнослужащего в отдельности от воздействия опасных факторов военной службы, возникающих в ходе повседневной деятельности воинской части (подразделения). Как видно, налицо противоречия терминологического характера.

В целях преодоления указанных неточностей, по нашему мнению, необходимо единое толкование рассматриваемой категории.

3. *Наличие правовых пробелов в законодательстве по вопросам безопасности военной службы.* Напомним, что под пробелами в праве понимается отсутствие (полное либо частичное) правовых норм, на основании которых компетентный государственный орган мог бы решить вопрос о применении права в случае, подлежащем правовому регулированию. Пробелы в праве являются следствием того, что случай такого рода не был учтен при правотворчестве или явился результатом возникновения после издания закона новых общественных отношений. Ликвидация пробелов в праве – важная задача совершенствования законодательства, которая решается правотворческими органами путем создания новых правовых норм⁵.

К числу наиболее существенных пробелов в данной сфере, оказывающих отрицательное влияние на эффективность правового обеспечения безопасных условий службы в Российской армии является отсутствие в Вооруженных Силах номенклатуры (классификатора или классификации) вредных и опасных факторов военной службы, которые могут воздействовать на военнослужащих при осуществлении ими профессиональной

служебной деятельности (о чем было сказано нами ранее), а также типового перечня для Вооруженных Сил Российской Федерации разовых (не относящихся к должностным обязанностям военнослужащих) работ с повышенной опасностью.

Как представляется, для ликвидации указанных пробелов требуется внесение соответствующих изменений в приказ Министра обороны Российской Федерации «Об утверждении Руководства по обеспечению безопасности военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации» от 22 июля 2015 г. № 444⁶.

Кроме названных выше пробелов и противоречий, следует выделить еще некоторые немаловажные моменты (касающиеся в основном реализации военнослужащими своих прав), влияющие на эффективность решения задач безопасности военной службы в Вооруженных Силах.

Первое. В одной из своих научных работ автором статьи указывалось на необходимость акцентирования внимания на вопросах медико-психологической реабилитации военнослужащих как важного интегрального направления в деятельности по обеспечению безопасности военной службы и в целях повышения качества и продуктивности профессиональной деятельности личного состава Вооруженных Сил. В качестве одного из решений предлагалось введение в приказ Министра обороны Российской Федерации «О медико-психологической реабилитации военнослужащих» от 27 января 2017 г. № 60 норм об обязательности прохождения военнослужащими медицинского обследования

⁵ См. подробнее: *Корякин В.М.* Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих». М., 2018. С. 16.

⁶ К примеру, в Росгвардии соответствующий Типовой перечень разовых работ с повышенной опасностью предусмотрен в проекте Наставления по обеспечению безопасности военной службы в войсках национальной гвардии Российской Федерации.

в военно-медицинских организациях в целях определения показаний к медико-психологической реабилитации⁷. Считаем необходимым также представить результаты того же социологического исследования для подтверждения данного вывода. Так, абсолютное большинство (63 %) офице-

ров сообщили о не использовании своего права на медико-психологическую реабилитацию после выполнения специальных (боевых) задач, 15 % военнослужащих использовали реабилитационный отпуск не в полной мере и только 22 % респондентов воспользовались данным правом (рис. 1).

К основным причинам сложившейся ситуации опрошенными отнесены следующие (рис. 2):

⁷ Зорин О.Л., Коновалов А.Ю. Медико-психологическая реабилитация военнослужащих: проблемные вопросы в правоприменительной и судебной практике // ЭНИ «Военное право». 2019. № 4. С. 134.

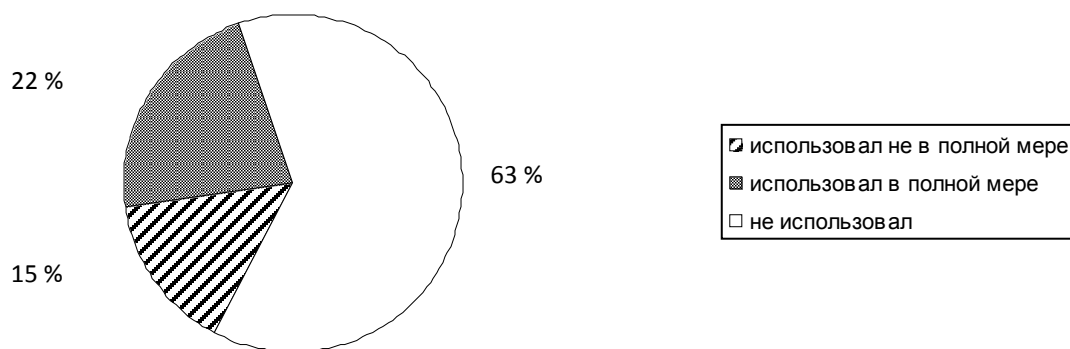

Рис. 1. Итоги опроса офицеров ВУНЦ ВВС «ВВА» об использовании медико-психологической реабилитации

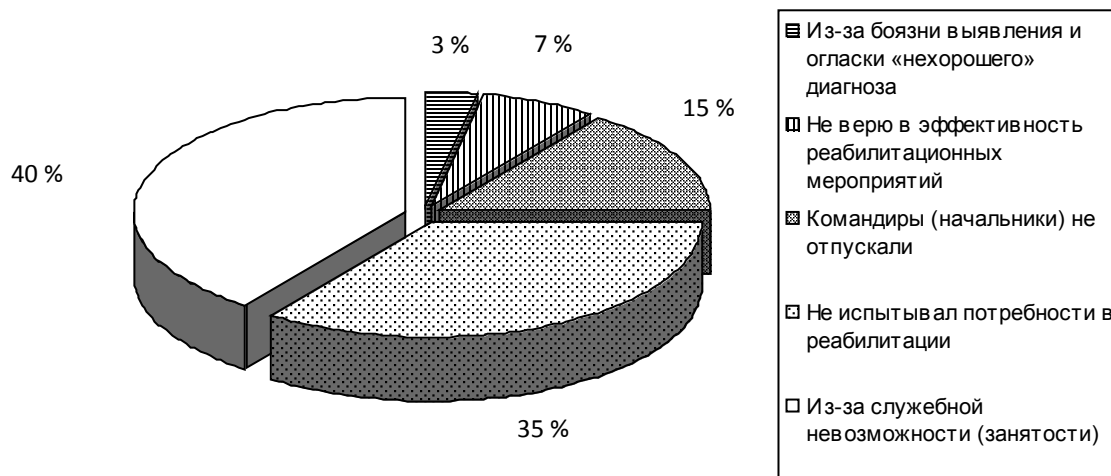

Рис. 2. Причины не использования офицерами ВУНЦ ВВС «ВВА» права на прохождение медико-психологической реабилитации

Интересны также результаты данного опроса тем, что более трети респондентов (36 %) поддерживают введение в Вооруженных Силах действующей в других «силовых структурах» нормы о привлечении военнослужащего к дисциплинарной от-

ветственности за отказ или уклонение от прохождения внепланового медицинского осмотра в целях выявления показаний к прохождению медико-психологической реабилитации после выполнения специальных (боевых) задач (рис. 3):

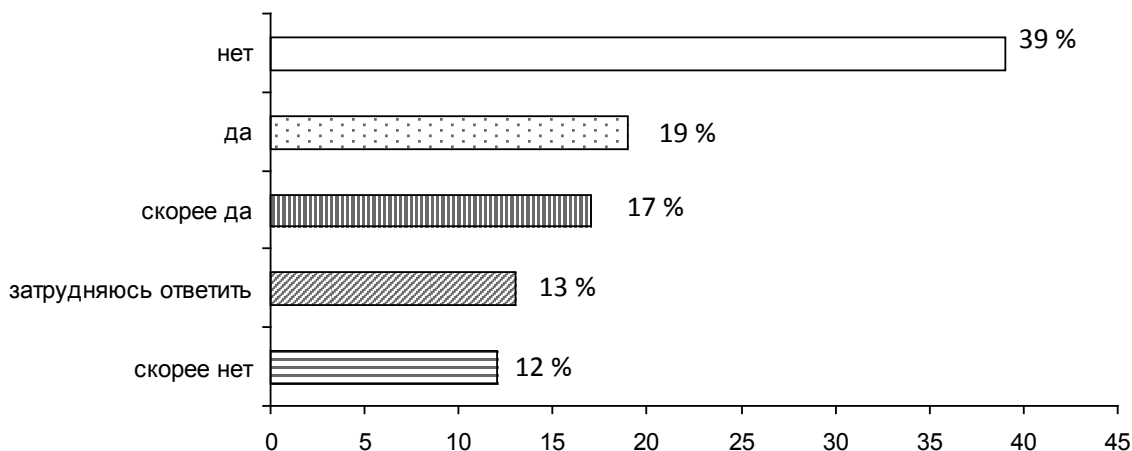

Рис. 3. Отношение офицеров ВУНЦ ВВС «ВВА» к введению в Вооруженных Силах нормы о привлечении военнослужащего к дисциплинарной ответственности за отказ или уклонение от прохождения внепланового медицинского осмотра в целях выявления показаний к прохождению медико-психологической реабилитации после выполнения специальных (боевых) задач

Второе. Серьезную озабоченность у руководства Министерства обороны Российской Федерации вызывает сложившаяся ситуация в войсках, когда командиры (начальники) необоснованно вызывают на службу подчиненных в выходные и праздничные дни, с ними проводятся различные мероприятия и совещания в вечернее время. В результате общее время пребывания на службе может достигать 12 – 15 часов в день, а количество выходных дней у ряда военнослужащих порой составляет двое-трое суток в месяц при положенных не менее шести (в соответствии со ст. 219 УВС ВС РФ). При этом на практике учет должностными

лицами сверхурочного времени и времени исполнения обязанностей подчиненными в выходные и праздничные дни не ведется и соответственно им не предоставляется дополнительное время для отдыха. Непринятие командованием своевременных мер для предоставления отдыха подчиненным приводит в итоге к тому, что из-за этого у личного состава снижается работоспособность, накапливается усталость, что, в свою очередь, негативно влияет на их морально-психологическое состояние, усиливается социальная напряженность в воинских коллективах, страдают взаимоотношения в семьях и, кроме того, возникает опасность различных

аварий, травм, некоторых заболеваний. Вопрос реализации и обеспечения права военнослужащих на отдых достаточно емкий и охватывает различные аспекты жизни и быта военнослужащих (медицинский, социальный и правовой), поскольку непосредственным образом затрагивает интересы самого военнослужащего, интересы других военнослужащих и органов военного управ-

ления. Как показало наше социологическое исследование, 41 % офицеров постоянно или периодически испытывают негативные эмоциональные состояния на службе вследствие увеличения военно-служебных нагрузок. Притом около 25 % пожаловались, что хотя и редко, но испытывают нервно-психические расстройства из-за интенсивности воинского труда (рис. 4):

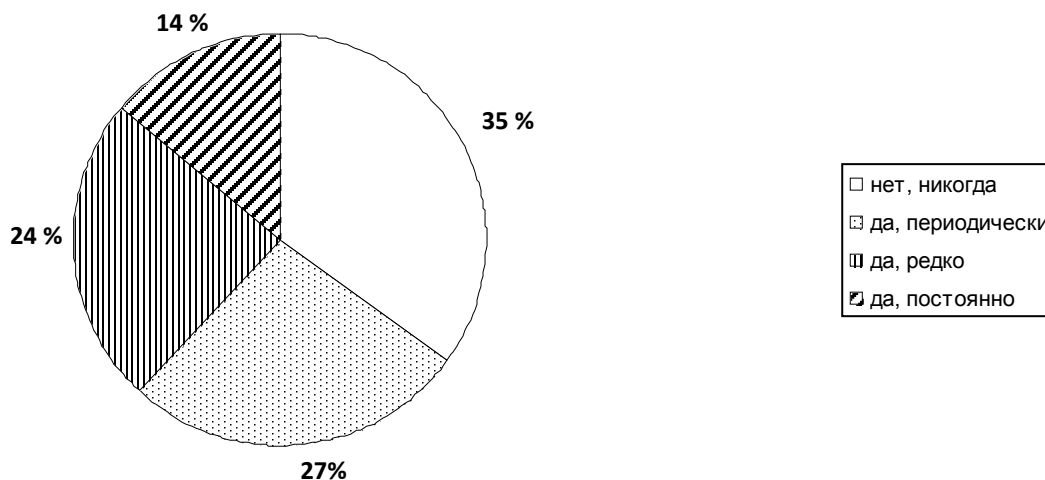

Рис. 4. Итоги опроса военнослужащих о влиянии увеличения военно-служебных нагрузок на их эмоциональное состояние

В данном случае основные проблемы возникают на этапе правоприменения и связаны, как правило, с правовым нигилизмом отдельных воинских должностных лиц и самих военнослужащих⁸, забывающих, что право на отдых является важнейшей социальной гарантией правового статуса военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, которая закреплена в ч. 5 ст. 37 Конституции Российской Федерации и ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г.

№ 76-ФЗ. Указанное право также включает в себя предусмотренное ст. 24 Всеобщей декларации прав человека право на досуг и разумное ограничение рабочего дня. Оно призвано гарантировать восстановление человеческого организма после нагрузок, связанных с работой (службой), чем не только обеспечивается последующее результативное исполнение возложенных на лицо трудовых (служебных) обязанностей, но и сохраняется физическое и психическое здоровье человека, интеллектуальное и нравственное развитие его личности.

Таким образом, поскольку отдых – это научно обоснованные медициной нормы

⁸ Кузнецов А.Р. Особенности реализации военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, конституционного права на отдых // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 6. С. 34.

времени, физиологически необходимые человеческому организму для сохранения биологической активности, восстановления жизненных сил и работоспособности, то законодатель в п. 1 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» определил, что нормой продолжительности еженедельного служебного времени у военнослужащего является период времени, который не должен превышать нормальную продолжительность еженедельного *рабочего* времени, установленную федеральными законами и иными правовыми актами Российской Федерации (по общему правилу, установленному трудовым законодательством, эта продолжительность рабочего времени в неделю составляет 40 часов)⁹.

Исходя из вышеизложенного в целях эффективной реализации указанных норм следует проработать такие вопросы, как: определение предельной продолжительности времени, в течение которого военнотру-

довые обязанности могут привлекаться к исполнению обязанностей сверхурочно, по аналогии с трудовым законодательством, в соответствии с которым привлечение работников к исполнению обязанностей сверхурочно допустимо в пределах четырех часов в течение двух дней подряд и 120 часов в год (ст. 99 Трудового кодекса Российской Федерации); создание в воинских подразделениях специальных мест для психоэмоциональной разгрузки военнослужащих (где можно будет послушать музыку, посидеть в массажном кресле или, например, сделать зарядку); внедрение электронной системы учета служебного времени военнослужащих и др.

Вышеперечисленные проблемы свидетельствуют о значимости и практической востребованности усилий по формированию научно обоснованных взглядов на дальнейшее совершенствование комплексной системы обеспечения безопасности прохождения военной службы в Российской армии как объективной необходимости.

⁹ Новиков Н.А. Реализация права военнослужащих на отдых – обязанность каждого командира (начальника) и самого военнослужащего // Военно-правовое обозрение. 2001. № 3. URL: <http://voenprav.ru/doc-40-1.htm>

Начало на стр. 6.

1147. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 25 июня 1960 г. № 688 «О распространении на военнослужащих войск и охраны министерств внутренних дел и штабов МПВО действия постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 января 1960 г. № 74 и о пенсионном обеспечении некоторых сотрудников центрального аппарата упраздненного Министерства внутренних дел СССР».

1152. Постановление Совета Министров СССР от 5 августа 1960 г. № 840 «О порядке обеспечения жилой площадью военнослужащих, уволенных из органов и войск государственной безопасности» (СП СССР, 1960, № 14, ст. 119).

1157. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 1 сентября 1960 г. № 963 «О материальном обеспечении военнослужащих, увольняемых из Вооруженных Сил и поступающих на обучение в училища механизации сельского хозяйства для работы в районах целинных и залежных земель».

1312. Постановление Совета Министров СССР от 13 июля 1963 г. № 772 «О пособиях женщинам-военнослужащим, уволенным из Вооруженных Сил СССР в связи с беременностью».

1331. Постановление Совета Министров СССР от 25 октября 1963 г. № 1108 «О выплате пособий на детей военнослужащих срочной службы» (СП СССР, 1963, № 20, ст. 198).

1358. Постановление Совета Министров СССР от 29 апреля 1964 г. № 369 «О порядке направления военнослужащих, увольняемых в запас, на важнейшие предприятия и стройки страны».

Продолжение на стр. 29.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ДОСТУПНОЙ ИМ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ФОРМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

С.А. Нидер,

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

В статье раскрывается авторское видение предполагаемого ограничения конституционного права военнослужащих на бесплатное обеспечение жилищем от государства в зависимости от формы предоставления им государственных гарантий в сфере жилищного обеспечения, обусловленной временем заключения военнослужащим контракта о прохождении военной службы – до 1 января 2005 г. или с 1 января 2005 г.

Положения ст. 1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» определяют статус военнослужащих как совокупность прав, свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности военнослужащих. В соответствии с п. 2 ст. 1 данного Федерального закона военнослужащим в связи с особым характером обязанностей, возложенных на них, предоставляются социальные гарантии и компенсации.

Так, п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» закрепляет государственные гарантии определенным категориям военнослужащих в сфере жилищного обеспечения путем предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений (жилищной субсидии) либо предоставления им жилых помещений в натуре (в собственность или по договору социального найма). Также гарантия в сфере жилищного обеспечения закреплена в п. 15 ст. 15 названного Федерального закона для во-

еннослужащих, являющихся участниками накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих. Указанные военнослужащие реализуют свои жилищные права посредством использования выделяемых им на приобретение или строительство жилых помещений денежных средств в порядке, установленном Федеральным законом «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих».

Безусловно, предусмотренные законом формы реализации военнослужащими гарантий в сфере жилищного обеспечения могут различаться в зависимости от проводимой государством социальной политики, с учетом его финансовых возможностей, политической ситуации, уровня материальной обеспеченности военнослужащих и других причин. Однако, по мнению автора, *основания* реализации таких гарантий не могут быть различными в зависимости от времени заключения военнослужащими контракта о прохожде-

нии военной службы – до 1 января 2005 г. или с 1 января 2005 г. Автор полагает, что возложение на *определенную категорию военнослужащих* дополнительных оснований, обуславливающих возможность реализации ими конституционного права на жилище от государства, *без необходимости учета таких оснований при реализации права на жилище у другой категории военнослужащих*, противоречит положениям ч. 2 ст. 4¹, ст. 18², чч. 1 и 2 ст. 19³, ч. 3 ст. 40⁴ и ч. 3 ст. 55⁵ Конституции Российской Федерации.

Проблемы реализации военнослужащими своих конституционных прав на жилище рассматривались в работах таких авторов, как Е.Г. Воробьев⁶ и А.В. Кудашкин⁷. Учеными подробно были рассмотрены указанные вопросы, однако, на

наш взгляд, непосредственно правовые вопросы дифференциации жилищных прав военнослужащих в зависимости от формы их реализации ими подробно не рассматривались.

Далее для более оптимального изложения своей точки зрения автор условно разделяет военнослужащих на две категории в зависимости от формы реализации ими конституционного права на жилище.

К первой условной категории автор относит военнослужащих, которые реализуют право на жилище в соответствии с положениями п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в форме предоставления от государства жилищной субсидии или жилого помещения в натуре (в собственность или по договору социального найма). К этой категории относятся военнослужащие, заключившие контракт о прохождении военной службы до 1 января 2005 г., указанные:

– в абз. 3 п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», заключившие контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. (за исключением курсантов военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования);

– в абз. 12 п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», заключившие контракт о прохождении военной службы в период с 1 января 1998 г. до 1 января 2005 г., обеспечиваемые на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями.

Условием реализации военнослужащим, заключившим контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. (за исключением курсантов военных профессиональных образовательных организаций

¹ Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации.

² Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

³ Все равны перед законом и судом.

Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

⁴ Малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

⁵ Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

⁶ Воробьев Е.Г. О праве на государственное жилищное обеспечение в избранном месте жительства в связи с увольнением с военной службы // Право в Вооруженных Силах. 2011. № 5.

⁷ Кудашкин А.В. Жилищная энциклопедия военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей. М., 2009.

и военных образовательных организаций высшего образования), права на жилище от государства является признание его полномочным жилищным органом нуждающимся в жилом помещении для постоянного проживания в соответствии с положениями абз. 13 и 14 п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Условиями реализации военнотружущим, заключившим контракт о прохождении военной службы в период с 1 января 1998 г. до 1 января 2005 г., права на жилище от государства является признание его полномочным жилищным органом нуждающимся в жилом помещении для постоянного проживания в соответствии с абз. 13 и 14 п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнотружущих», а также достижение общей продолжительности военной службы (в календарном исчислении) 20 лет и более (при увольнении с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы (в календарном исчислении) 10 лет и более).

Часть 1 ст. 51 Жилищного кодекса Российской Федерации определяет основания признания военнотружущих (и членов их семей) нуждающимися в жилых помещениях. Так, гражданами, нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, признаются:

1) не являющиеся нанимателями жилых помещений по договорам социального найма, договорам найма жилых помещений жилищного фонда социального использования или членами семьи нанимателя жилого помещения по таким договорам либо

собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения;

2) являющиеся нанимателями жилых помещений по договорам социального найма, договорам найма жилых помещений жилищного фонда социального использования или членами семьи нанимателя жилого помещения по таким договорам либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения и обеспеченные общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы;

3) проживающие в помещении, не отвечающем установленным для жилых помещений требованиям;

4) являющиеся нанимателями жилых помещений по договорам социального найма, договорам найма жилых помещений жилищного фонда социального использования, членами семьи нанимателя жилого помещения по таким договорам или собственниками жилых помещений, членами семьи собственника жилого помещения или проживающими в квартире, занятой несколькими семьями, если в составе семьи имеется больной, страдающий тяжелой формой хронического заболевания, при которой совместное проживание с ним в одной квартире невозможно, и не имеющими иного жилого помещения, занимаемого по договору социального найма, договору найма жилого помещения жилищного фонда социального использования... или принадлежащего на праве собственности.

Таким образом, военнотружущий, относящийся к первой условной категории, будет признан нуждающимся в жилом помещении для постоянного проживания в случае, если он *на момент рассмотрения вопроса о его признании нуждающимся в*

жилом помещении имеет определенную законом выслугу лет⁸ и у него (членов его семьи) отсутствует жилое помещение в собственности или по договору социального найма (по установленным нормам), при этом военнослужащий не реализовывал (в прошлом) свое право на жилище от государства.

Аналогичная позиция приведена в абз. 2 п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8:

«Если военнослужащий реализовал свое право на жилое помещение по договору социального найма... в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О статусе военнослужащих», и не может представить документы о его освобождении, повторное обеспечение такого военнослужащего жилым помещением по договору социального найма осуществляется в общем порядке согласно нормам ЖК РФ с учетом ранее полученного жилого помещения от федерального органа исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, и других заслуживающих внимания обстоятельств». Таким образом, в период прохождения военной службы второй раз получить жилое помещение в соответствии с положениями Федерального закона «О статусе военнослужащих» такой военнослужащий уже не сможет.

Далее автор рассмотрит условия реализации своих жилищных прав второй условной категорией военнослужащих. Ко второй условной категории автор относит военнослужащих, указанных в ч. 1 ст. 9 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспече-

ния военнослужащих», которые реализуют право на жилище от государства в соответствии с положениями ч. 1 ст. 4 названного Федерального закона в форме предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений посредством:

1) *формирования накоплений для жилищного обеспечения на именных накопительных счетах участников и последующего использования этих накоплений – при наличии общей продолжительности военной службы, в том числе в льготном исчислении⁹, 20 лет и более, при наличии «определенных оснований»¹⁰ для увольнения – 10 лет и более в календарном исчислении (в соответствии с положениями ст. 10 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих»);*

2) *предоставления целевого жилищного займа – не менее чем через три года участия военнослужащего в накопительно-ипотечной системе (в соответствии с положениями ст. 14 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих»);*

3) *выплаты... за счет средств федерального бюджета денежных средств, дополняющих накопления, учтенные на именном накопительном счете в соответствии с подп. 3 ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих».*

К указанной категории военнослужащих-«ипотечников» в соответствии с поло-

⁹ Однако первой условной категории военнослужащих, обеспечиваемых на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями, для реализации своих жилищных прав необходима общая продолжительность военной службы 20 лет *только в календарном исчислении*, за исключением «льготных» оснований для увольнения.

¹⁰ Достижение предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья, в связи с организационно-штатными мероприятиями, по семейным обстоятельствам.

⁸ Только для военнослужащих, обеспечиваемых на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями.

жениями чч. 1 и 2 ст. 9 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» в основном относятся военнослужащие, заключившие контракт о прохождении военной службы начиная с 1 января 2005 г. (включенные в реестр участников).

Причем военнослужащему, относящемуся ко второй условной категории, для реализации своих жилищных прав не нужно быть признанным нуждающимся в жилом помещении для постоянного проживания. В соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 9 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» одним из оснований для исключения военнослужащего федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, из реестра участников является «исполнение государством своих обязательств по обеспечению военнослужащего в период прохождения военной службы жилым помещением (за исключением жилого помещения специализированного жилищного фонда) иными предусмотренными нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации способом за счет средств федерального бюджета».

Таким образом, военнослужащий, относящийся ко второй условной категории, может быть неоднократно (множественно) обеспечен жилым помещением от государства (в собственность или по договору социального найма) не в период прохождения им военной службы и, несмотря на это, будет иметь право на реализацию своих жилищных прав в соответствии с положениями Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих». Более того,

такой военнослужащий останется в рядах «ипотечников» даже в случае приобретения им (членами его семьи) в собственность жилых помещений за счет личных денежных средств, а также при получении жилых помещений в собственность по безвозмездным сделкам от других лиц (например, в порядке наследования или по договору дарения).

Однако военнослужащему, относящемуся к первой условной категории, при тех же (аналогичных) обстоятельствах¹¹ будет отказано в признании его (членов его семьи) нуждающимся в жилом помещении для постоянного проживания, либо он будет снят с учета нуждающихся, и соответственно такой военнослужащий не будет иметь право на получение жилого помещения от государства в соответствии с положениями п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

По мнению автора, приведенное законодательное ограничение жилищных прав военнослужащих, относящихся к первой условной категории, противоречит положениям ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Автор полагает, что жилищные права военнослужащих, относящихся к первой условной категории, не могут быть ограничены по сравнению с жилищными правами второй условной категории воен-

¹¹ В том числе в случае, когда жилое помещение по договору социального найма или в собственности имеет член семьи военнослужащего.

нослужащих, так как фактическое ограничение указанных прав осуществлено не «в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

По мнению автора, фактическое ограничение законом конституционного права военнослужащих, заключивших контракт о прохождении военной службы до 1 января 2005 г., социально несправедливо, имеет дискриминационный характер и противоречит положениям Конституции Российской Федерации.

В заключение рассмотрения вопроса неравенства в возможности реализации жилищных прав военнослужащими первой и второй условных категорий автор считает необходимым осветить проблему несколько с другой стороны. Так, военнослужащие, относящиеся ко *второй условной категории*, фактически реализуют свои жилищные права *непосредственно после их возникновения*¹² – значимых проблем с финансированием *накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих нет*. Так, военнослужащий, не менее трех лет являющийся участником накопительно-ипотечной системы, имеет право на заключение с уполномоченным федеральным органом договора целевого жилищного займа в целях приобретения в собственность жилого помещения (ст. 14 Федерального закона «О накопительно-и-

потечной системе жилищного обеспечения военнослужащих»).

Совершенно иная ситуация сложилась в отношении военнослужащих, отнесенных автором к первой условной категории. Указанные военнослужащие, общая продолжительность военной службы которых составляет *20 и более лет* (в календарном исчислении)¹³ либо 10 и более лет (при наличии «льготных» оснований для увольнения) и которые признаны в установленном порядке нуждающимися в жилом помещении для постоянного проживания, фактически не могут своевременно реализовать свое конституционное право на жилище от государства из-за нехватки финансирования. Так, в Заключении Комитета по обороне Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 9 октября 2019 г. по проекту федерального закона № 802503-7 «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» указано:

«По расчетным оценкам Минобороны России к 1 января 2019 года на учете нуждающихся в постоянном жилье с формой обеспечения «жилищная субсидия» (ЖС) будут состоять свыше 23 тысяч военнослужащих.

...

При этом количество военнослужащих, изъявивших желание получить жилищную субсидию, увеличится и по прогнозным данным Департамента жилищного обеспечения Минобороны России к 1 января 2022 года достигнет свыше 37 тысяч военнослужащих.

...

Аналогичная ситуация складывается в Росгвардии. По состоянию на 1 июня 2019

¹² Не менее чем через три года участия в накопительно-ипотечной системе – при предоставлении целевого жилищного займа.

При достижении общей продолжительности военной службы, в том числе в льготном исчислении, *20 лет и более* (при наличии «льготных оснований» для увольнения – *10 лет и более*) – при формировании накоплений для жилищного обеспечения на именных накопительных счетах участников и последующего использования этих накоплений.

¹³ Обеспечиваемые на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями.

года на учете нуждающихся в жилых помещениях для постоянного проживания состоит 3 240 военнослужащих, из которых 1 648 необходимо предоставить жилищную субсидию на сумму 10,0 млрд рублей.

...

Недофинансирование Росгвардии в период 2019 – 2021 годов на выплату жилищной субсидии в период с 2019 по 2021 год составляет: 4,8 млрд рублей (по 1,6 млрд руб. ежегодно).

Комитет Государственной Думы по обороне отмечает, что недофинансирование данных статей расходов ведет к ежегодному нарастающему увеличению очереди на обеспечение жильем и увеличению срока реализации военнослужащими своих жилищных прав и, как следствие, росту социальной напряженности, а также росту расходов на содержание военнослужащих (находящихся в распоряжении), которые подлежат увольнению, но не могут быть уволены без предоставления жилья (жилищной субсидии)».

Таким образом, военнослужащие, относящиеся к первой условной категории¹⁴, фактически ограничиваются в конституционном праве на получение жилища от государства вследствие несвоевременного предоставления им государственных гарантий в сфере жилищного обеспечения (указанные военнослужащие могут по несколько лет ожидать момента реализации своего права на жилище).

Автор полагает, что несвоевременное предоставление военнослужащим, указанным в ч. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», государственных гарантий в сфере жилищного обеспечения¹⁵ ограничивает их конституционное право на жилище, приводит к социальной напряженности в семьях таких военнослужащих.

¹⁴ Признанные нуждающимися в жилых помещениях в соответствии с положениями ч. 1 ст. 51 Жилищного кодекса Российской Федерации и достигшие общей продолжительности военной службы 20 лет и более (при «льготных» основаниях увольнения – 10 лет и более).

¹⁵ В форме предоставления им жилищной субсидии (жилого помещения в собственность или по договору социального найма).

Начало на стр. 22.

1382. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 29 августа 1964 г. № 725 «О распространении на генералов, офицеров и военнослужащих сверхсрочной службы внутренних войск, внутренней и конвойной охраны министерств охраны общественного порядка союзных республик постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 марта 1963 г. № 270».

1459. Постановление Совета Министров СССР от 13 августа 1965 г. № 618 «Об утверждении норм снабжения вещевым имуществом военнослужащих с одногодичным сроком службы».

2003. Постановление Совета Министров СССР от 25 апреля 1973 г. № 267 «О военнослужащих сверхсрочной службы».

2395. Постановление Совета Министров СССР от 29 августа 1980 г. № 738 «Об именных стипендиях для адъюнктов (аспирантов), слушателей и курсантов военно-учебных заведений Министерства обороны» (СП СССР, 1980, № 22, ст. 135).

2486. Постановление Совета Министров СССР от 18 сентября 1981 г. № 927 «О комплектовании должностей офицерского состава, прапорщиков, мичманов, сержантов, старшин, солдат и матросов женщинами, принятыми в добровольном порядке на действительную военную службу».

2527. Постановление Совета Министров СССР от 26 февраля 1982 г. № 172 «О форме одежды военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского Флота». 2657. Постановление Совета Министров СССР от 6 декабря 1983 г. № 1143 «О выплате пособий при рождении ребенка военнослужащим и пособий по уходу за ребенком некоторым категориям рабочих и служащих».

Продолжение на стр. 36.

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ УЧАСТНИКОМ НАКОПИТЕЛЬНО-ИПОТЕЧНОЙ СИСТЕМЫ СВОЕГО ПРАВА НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦЕЛЕВОГО ЖИЛИЩНОГО ЗАЙМА: КАК ПРИ ЭТОМ ЕЩЕ НЕ ОКАЗАТЬСЯ ДОЛЖНИКОМ (анализ определения Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2018 года № 202-КГ18-2)

В.М. Шеншин,

заместитель начальника кафедры конституционного и административного права факультета [командного] Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук

В статье рассматривается позиция Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой подтверждена правомерность взыскания с военнослужащего, реализовавшего право на использование целевого жилищного займа, необоснованно полученных денежных средств в качестве ежемесячной денежной компенсации за наем (поднаем) жилого помещения после получения им денежных средств по договору целевого жилищного займа.

В апреле 2018 г. Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации (далее – Судебная коллегия) вынесла определение¹, ограничившее право участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих² на получение денежных средств в качестве ежемесячной денежной компенсации за наем жилого помещения после перечисления им денежных средств по договору целевого жилищного займа³.

Ужесточение судебного подхода свидетельствует об отсутствии компромисса между государством и участниками НИС,

реализовавшими свое право с помощью ЦЖЗ и приобретшими жилье не по месту прохождения военной службы. Достижения сбалансированности в данном вопросе не ожидается⁴.

Напомним о том, что НИС, наряду с положительными эмоциями, доставляемыми военнослужащим и членам их семей, содержит и «подводные камни», с которыми участникам НИС приходится сталкиваться после приобретения долгожданной квартиры⁵.

⁴ Свиных Е.А. К вопросу о допустимости сочетания выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений и предоставления служебного жилья // Военно-правовое обозрение. Теория и практика. 2019. № 6.

⁵ Калинин А.А., Назарова И.С., Шеншин В.М. Накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих: особенности функционирования, проблемные вопросы. Белгород, 2015. 188 с.; Шеншин В.М., Шныров А.Е. Законодательство о накопительно-ипотечной системе требует совер-

¹ Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2018 г. № 202-КГ18-2. Документ официально опубликован не был.

² Далее по тексту – НИС.

³ Далее по тексту – ЦЖЗ.

В соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ, а также Федеральным законом «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ военнослужащий не ограничен в свободе выбора населенного пункта, где он желает приобрести жилое помещение по ЦЖЗ. Из указанных законов вытекает возможность участника НИС приобрести жилое помещение в любом населенном пункте в пределах Российской Федерации.

Продолжая дискуссию о проблемах, возникающих в сфере НИС⁶, обратим внимание читателей на предлагаемый анализ определения Судебной коллегии от 25 апреля 2018 г. № 202-КГ18-2.

Обстоятельства дела

Как следует из материалов дела, К., подлежащий на весь период военной службы обеспечению служебным жилым помещением, с июня 2007 г. проходит военную службу в Управлении ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

В 2008 г. К. включен в реестр участников НИС, а в 2009 г. признан нуждающимся в получении служебного жилья.

19 января 2010 г. и 13 января 2011 г. К. обратился к начальнику Управления ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области с рапортами о выплате денежной компенсации в размере 15 000 руб. за наем жилого помещения, в которых указал, что обязуется сообщить о прекращении действия права на получение денежной компенсации.

В соответствии с договорами найма жилого помещения в 2014 и 2015 гг. К. осуществлял наем жилого помещения в г. Санкт-Петербурге, а общая сумма выплат денежной компенсации за наем жилого помещения за период с 4 сентября 2014 г. по 31 декабря 2015 г. составила 238 500 руб. (с 4 по 30 сентября 2014 г. – 13 500 руб., за остальные полные месяцы – по 15 000 руб.).

3 сентября 2014 г. К. перечислены денежные средства в размере 1 320 000 руб. во исполнение обязательств по договору ЦЖЗ от 19 августа 2014 г. в рамках его участия в НИС. Данные денежные средства списаны со счета К. по договору участия в долевом строительстве многоквартирного жилого дома от 10 сентября 2014 г.

26 мая 2015 г. по акту приема-передачи К. принята квартира в близлежащем от места военной службы населенном пункте в <...> района <...> области, а 27 января 2016 г. зарегистрировано право собственности на нее.

С 1 января 2016 г. выплата К. ежемесячной денежной компенсации за наем жилого помещения прекращена.

Полагая, что К. неправомерно получил денежную компенсацию за наем жилого помещения за период после получения ответчиком денежных средств в рамках участия в НИС, Управление обратилось в суд с иском о возмещении необоснованно полученных денежных средств.

Аргументация судов различной инстанции

Решением Выборгского гарнизонного военного суда от 10 марта 2017 г. удовлетворено исковое заявление Управления ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области о взыскании с К. необоснованно полученных денежных средств в

шенства (окончание) // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 2.

⁶ Назарова И.С., Шенишин В.М. Особенности включения военнослужащих, поступивших на военную службу из запаса, в реестр участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих» (на примере из практики) // Право в Вооруженных Силах. 2016. № 11, 12.

размере 238 500 руб. в качестве ежемесячной денежной компенсации за наем жилого помещения за период с 4 сентября 2014 г. по 31 декабря 2015 г.

Удовлетворяя исковое заявление, суд первой инстанции исходил из того, что после получения ЦЖЗ К. в соответствии с установленным в ФСБ России порядком был обязан сообщить в силу взятого на себя обязательства о прекращении оснований для выплаты денежной компенсации за наем жилого помещения, однако своевременно не сделал этого. Кроме того, суд указал, что ЦЖЗ фактически реализован ответчиком по месту прохождения военной службы.

Апелляционным определением Ленинградского окружного военного суда от 29 июня 2017 г. решение суда первой инстанции изменено. Суд взыскал с К. в счет необоснованно полученной денежной компенсации за наем жилого помещения 107 500 руб., а в удовлетворении остальной части требований отказал.

Изменяя решение суда первой инстанции, окружной военный суд указал в обоснование, что получение К. денежных средств в рамках участия в НИС не влекло снятие его с жилищного учета и прекращение выплаты ежемесячной денежной компенсации за наем жилого помещения, поскольку Федеральный закон «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих»⁷ регулирует лишь отношения по обеспечению военнослужащих денежными средствами в рамках участия в НИС, а право на денежную компенсацию подлежит реализации до момента отпадения (утраты) оснований, установленных жилищным законодательством, т. е.

в данном случае до передачи ответчику в собственность квартиры (акт приема-передачи).

Однако в определении Судебной коллегии отмечено, что такие выводы суда апелляционной инстанции основаны на неправильном применении норм материального права, что, с нашей точки зрения, сомнительно.

В обоснование аргументов в определении Судебной коллегии приводятся положения, в соответствии с которыми право военнослужащих на жилище установлено Федеральным законом «О статусе военнослужащих», согласно п. 1 ст. 15 которого государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями в форме предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений либо предоставления им жилых помещений в порядке и на условиях, установленных названным Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет средств федерального бюджета.

Согласно п. 15 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим-гражданам, проходящим военную службу по контракту и в соответствии с Законом о накопительно-ипотечной системе являющимся участниками НИС, выделяются денежные средства на приобретение или строительство жилых помещений в порядке и на условиях, которые установлены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Напомним, что в соответствии с ч. 1 ст. 4 Закона о накопительно-ипотечной системе реализация права на жилище участниками НИС осуществляется посредством:

⁷ Далее по тексту – Закон о накопительно-ипотечной системе.

формирования накоплений для жилищного обеспечения на именных накопительных счетах участников и последующего использования этих накоплений; предоставления ЦЖЗ; выплаты по решению федерального органа исполнительной власти и федерального государственного органа, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, за счет средств федерального бюджета, выделяемых соответствующим федеральному органу исполнительной власти и федеральному государственному органу, в размере и в порядке, которые устанавливаются Правительством Российской Федерации, денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, учтенные на именном накопительном счете участника, до расчетного размера денежных средств, которые мог бы накопить участник НИС в период от даты предоставления таких средств до даты, когда общая продолжительность его военной службы в календарном исчислении могла бы составить 20 лет (без учета дохода от инвестирования).

Кроме того, в силу п. 2 ч. 1 ст. 14 Закона о накопительно-ипотечной системе каждый участник НИС не менее чем через три года его участия в НИС имеет право на заключение с уполномоченным федеральным органом договора ЦЖЗ в целях уплаты первоначального взноса при приобретении с использованием ипотечного кредита (займа) жилого помещения или жилых помещений, приобретении земельного участка, занятого приобретаемыми жилым домом либо частью жилого дома и необходимого для их использования, уплаты части цены договора участия в долевом строительстве с использованием ипотечного кредита (займа) и (или) погашения обязательств по ипотечному кредиту (займу).

Содержание приведенных норм Закона о накопительно-ипотечной системе указывает на то, что выделение военнослужащему денежных средств в соответствии с названным Законом, вопреки утверждению суда апелляционной инстанции, является одной из форм реализации его права на жилище.

Согласно ч. 3 ст. 11 Закона о накопительно-ипотечной системе получение участником денежных средств, указанных в ч. 1 ст. 4 данного Закона, или направление уполномоченным федеральным органом кредиту участника средств ЦЖЗ на цели, предусмотренные п. 2 ч. 1 ст. 14 названного Закона, является исполнением государством своих обязательств по жилищному обеспечению военнослужащего.

Таким образом, после получения К. 3 сентября 2014 г. денежных средств во исполнение обязательства по договору ЦЖЗ в рамках его участия в НИС государство исполнило свои обязательства по жилищному обеспечению ответчика, т. е. с этого момента К. являлся обеспеченным жильем по месту военной службы.

Согласно ч. 2 ст. 99 и ч. 1 ст. 104 ЖК РФ специализированные жилые помещения, к которым относятся служебные жилые помещения, предоставляются по установленным ЖК РФ основаниям гражданам, не обеспеченным жилыми помещениями в соответствующем населенном пункте.

Согласно п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим и совместно проживающим с ними членам их семей предоставляются не позднее трехмесячного срока со дня прибытия на новое место военной службы служебные жилые помещения по нормам и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, в населен-

ных пунктах, в которых располагаются воинские части, а при отсутствии возможности предоставить служебные жилые помещения в указанных населенных пунктах – в других близлежащих населенных пунктах.

При этом в силу п. 3 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие и члены их семей до получения жилых помещений регистрируются по месту жительства, в том числе по их просьбе по адресам воинских частей. В случае отсутствия указанных жилых помещений воинские части арендуют жилые помещения для обеспечения военнослужащих и совместно проживающих с ними членов их семей или по желанию военнослужащих ежемесячно выплачивают им денежную компенсацию за наем (поднаем) жилых помещений в порядке и размерах, которые определяются Правительством Российской Федерации.

В соответствии с данными предписаниями названного Закона Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909 утверждено Положение о выплате денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту, и членам их семей, согласно п. 2 которого выплата денежной компенсации прекращается с 1-го числа месяца, следующего за месяцем, в котором военнослужащий утратил основания для получения денежной компенсации, предусмотренные Федеральным законом «О статусе военнослужащих».

Кроме того, согласно п. 3 Постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909 выплата денежной компенсации военнослужащим и членам их семей, а также членам семей

военнослужащих, погибших (умерших) в период прохождения военной службы, осуществляется ежемесячно за счет и в пределах средств, предусматриваемых на указанные цели в федеральном бюджете Министерству обороны Российской Федерации или иному федеральному органу исполнительной власти (федеральному государственному органу), в котором законом предусмотрена военная служба.

Во исполнение названного Постановления приказом ФСБ России от 9 ноября 2005 г. № 665 утверждена Инструкция о мерах по реализации в органах ФСБ Постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909 (приказ признан утратившим силу приказом ФСБ России от 22 сентября 2016 г. № 589), согласно п. 7 которой выплата денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений прекращается со дня, следующего за днем утраты права на нее, в том числе со дня, следующего за днем предоставления военнослужащему и совместно проживающим с ним членам его семьи или членам семьи погибшего (умершего) военнослужащего жилого помещения по договору социального найма или в собственность, служебного жилого помещения, служебного жилого помещения, пригодного для временного проживания, жилого помещения в общежитии или фактического предоставления им субсидий на приобретение жилого помещения в собственность, в том числе по государственным жилищным сертификатам, либо по иным основаниям в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В настоящее время в органах ФСБ действует Инструкция об организации выплаты денежной компенсации за наем (под-

наем) жилых помещений, утвержденная приказом ФСБ России от 13 января 2017 г. № 4, п. 9 которой устанавливает, что выплата денежной компенсации прекращается с первого числа месяца, следующего за месяцем, в котором военнослужащий, члены семьи погибшего (умершего) военнослужащего утратили основания для получения денежной компенсации, предусмотренные Федеральным законом «О статусе военнослужащих».

Из изложенного следует, что денежная компенсация за наем (поднаем) жилых помещений выплачивается военнослужащим в случае их необеспеченности жилыми помещениями в соответствующем населенном пункте, а ее выплата прекращается после утраты права на ее получение.

При таких данных К. после получения 3 сентября 2014 г. денежных средств во исполнение обязательства по договору ЦЖЗ в рамках его участия в НИС военнослужащих для приобретения жилья по месту военной службы утратил право на получение денежной компенсации за наем жилого помещения. Вывод суда апелляционной инстанции об обратном основан на неправильном истолковании закона.

Поскольку К. с рапортом о прекращении ему выплаты ежемесячной компенсации за наем (поднаем) жилого помещения в силу взятого на себя обязательства своевременно не обратился, то вывод суда первой инстанции о нарушении ответчиком требований приказа ФСБ России от 9 ноября 2005 г. № 665 и необоснованном получении в связи с этим денежных сумм, которые он в силу ст. 1102 ГК РФ обязан возратить, является правильным.

Вместе с тем, принимая во внимание то, что в силу п. 8 Постановления Правительства Российской Федерации от 31 де-

кабря 2004 г. № 909 оно распространяется на правоотношения, возникающие с 1 января 2005 г., а также то, что К. фактически выплачена денежная компенсация за наем жилого помещения за сентябрь 2014 г., Судебная коллегия пришла к выводу, что с ответчика подлежит взысканию названная компенсация за период с 1 октября 2014 г. (с 1-го числа месяца, следующего за месяцем, в котором военнослужащий утратил основания для получения денежной компенсации, как это в настоящее время предусмотрено п. 2 Положения, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909, и п. 9 Инструкции, утвержденной приказом ФСБ России от 13 января 2017 г. № 4) по 31 декабря 2015 г.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации определила:

апелляционное определение Ленинградского окружного военного суда от 29 июня 2017 г. об изменении решения Выборгского гарнизонного военного суда от 10 марта 2017 г. по иску Управления ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области к К. изменить.

Взыскать с К. в пользу Управления ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области 225 000 руб. в счет излишне выплаченной денежной компенсации за наем жилого помещения за период с 1 октября 2014 г. по 31 декабря 2015 г. и в доход бюджета муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области государственную пошлину в размере 5 249 руб.

Налицо ситуация, когда суды станут придерживаться точки зрения, изложенной Судебной коллегией, а военнослужащие окажутся заложниками ситуации, возник-

шей не по их вине и, вместе с тем, по мнению автора, не разрешенной должным образом на законодательном уровне.

Видимо, решить возникшую проблему военнослужащим – участникам НИС, реализовавшим ЦЖЗ и не обеспеченным жилыми помещениями по месту прохождения службы, может помочь лишь Конституционный Суд Российской Федерации.

Но это длительный процесс, требующий как временных, материальных, так и моральных затрат, на которые пока никто не решился.

Представляется, что позиция Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации является спорной и не способствующей защите жилищных прав военнослужащих.

Начало на стр. 29.

2760. Постановление Совета Министров СССР от 3 декабря 1984 г. № 1195 «О подсобных хозяйствах воинских частей, учреждений и военно-учебных заведений Советской Армии и Военно-Морского Флота».

2790. Постановление Совета Министров СССР от 12 марта 1985 г. № 220 «О пенсионном обеспечении военнообязанных, получивших ранения, контузии или увечья в период прохождения учебных или поверочных сборов» (СП СССР, 1985, № 9, ст. 40).

2791. Пункт 1 постановления Совета Министров СССР от 18 марта 1985 г. № 241 «О внесении некоторых изменений в решения Правительства СССР, предусматривающие права военнослужащих Вооруженных Сил СССР» (СП СССР, 1985, № 13, ст. 55).

2873. Постановление Совета Министров СССР от 9 декабря 1985 г. № 1213 «О внесении изменений в некоторые решения Правительства СССР по вопросам льгот и пенсионного обеспечения военнослужащих» (СП СССР, 1986, № 1, ст. 4).

2888. Постановление Совета Министров СССР от 9 января 1986 г. № 58 «О повышении размеров пособий на детей военнослужащих срочной службы» (СП СССР, 1986, № 6, ст. 37).

2891. Постановление Совета Министров СССР от 14 января 1986 г. № 70 «Об улучшении обеспечения вещевым имуществом военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского Флота».

2905. Постановление Совета Министров СССР от 26 февраля 1986 г. № 271 «О частичном изменении порядка прописки лиц, уволенных с действительной военной службы в запас или в отставку» (СП СССР, 1986, № 12, ст. 72).

2930. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 10 июня 1986 г. № 699 «О подготовке молодежи допризывного и призывного возрастов к действительной военной службе в Вооруженных Силах СССР».

3005. Постановление Совета Министров СССР от 26 января 1987 г. № 100 «Об организации оборонно-спортивных оздоровительных лагерей для юношей, проходящих начальную военную подготовку».

3157. Постановление Совета Министров СССР от 22 января 1988 г. № 94 «О внесении изменений в форму одежды военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского Флота».

3186. Постановление Совета Министров СССР от 6 апреля 1988 г. № 445 «О службе военнослужащих Министерства обороны СССР, Комитета государственной безопасности СССР и Министерства внутренних дел СССР в местностях СССР с тяжелыми и неблагоприятными климатическими условиями и в советских войсках, временно находящихся за границей».

3290. Постановление Совета Министров СССР от 27 декабря 1988 г. № 1459 «Об уточнении сроков службы в отдельных местностях для лиц офицерского состава и об установлении льготного исчисления выслуги лет для назначения пенсии военнослужащим дорожно-строительных частей и частей их обеспечения, занятых на строительстве и реконструкции автомобильных дорог в Нечерноземной зоне РСФСР».

3311. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 31 марта 1989 г. № 285 «О предоставлении отсрочки от призыва на действительную военную службу студентам дневных (очных) высших учебных заведений и учащимся дневных (очных) средних специальных учебных заведений, сроках и порядке прохождения воинской службы лицами, имеющими высшее образование» (СП СССР, 1989, № 17, ст. 54).

Продолжение на стр. 96.

ОБЪЕКТЫ С БИОМЕТРИЧЕСКИМИ ДАНЫМИ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 327 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д.С. Чукин,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации, подполковник юстиции;

С.И. Муфаздалов,

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации, майор юстиции

Диспозиция ч. 1 ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) содержит исчерпывающий перечень предметов данного преступления. Вместе с тем, меняющаяся вслед за техническим прогрессом действительность неизбежно влечет за собой изменения и в уголовно-правовой реальности. Действия лиц, которые проникают на охраняемые военные объекты с использованием поддельных пропусков, следственно-судебные органы квалифицируют как преступления, предусмотренные ст. 327 УК РФ. В то же время современные системы контроля и управления доступом на охраняемые объекты используют в качестве контроллеров биометрические данные человека – отпечатки пальцев, сетчатку глаза и т. д. В случае проникновения нарушителя через КПП путем использования клише с поддельными отпечатками пальцев другого человека состав преступления будет отсутствовать. Авторы предлагают дополнить ст. 327 УК РФ предметом преступления, учитывающим специфику развивающихся вслед за современными технологиями способов обхода защиты охраняемых объектов.

Нет ничего более практичного,
чем хорошая теория¹.

Подделка официальных документов, наряду с фальшивомонетничеством, является одним из наиболее известных и распространенных преступлений в истории уголовного права и криминалистики.

Сфера использования поддельных документов весьма обширна. Военными судами по ст. 327 УК РФ рассматривается множе-

ство дел о предоставлении поддельных дипломов об образовании для назначения на более высокие воинские должности; водительских удостоверений, купленных лицами, которые либо были их лишены, либо не имели их вовсе; а также иных действиях, в том числе мошеннических, которые осуществляются с использованием изготовленных кустарным способом справок, квитанций или бланков.

Вместе с тем, в настоящее время достаточно остро стоит вопрос безопасности

¹ Автономов А.С. О юридическом прогнозировании // Государство и право. 2019. № 10. С. 36.

и антитеррористической защищенности собственных объектов Вооруженных Сил Российской Федерации, а также иных федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба.

Войска национальной гвардии Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ выполняют задачи по охране важных государственных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях, особо важных и режимных объектов, а также объектов, подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии.

Задачами Федеральной службы охраны является обеспечение безопасности объектов государственной охраны, обеспечение защиты охраняемых объектов, предупреждение, выявление и пресечение преступлений и иных правонарушений на охраняемых объектах, обеспечение защиты персональных данных объектов государственной охраны².

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации «Об антитеррористической защищенности объектов (территорий)» от 25 декабря 2013 г. № 1244 обязательным требованием к антитеррористической защищенности вышеуказанных объектов будет являться соблюдение мер, направленных на воспрепятствование неправомерному проникновению на объект (территорию).

Проникновение на территорию режимных объектов осуществляется различными способами, в том числе путем незаконно-

го пересечения периметра через внешнее ограждение. В настоящее время существует достаточно солидный арсенал инженерно-технических средств охраны, позволяющий предотвратить либо с высокой степенью точности зафиксировать факт незаконного физического преодоления ограждения охраняемого объекта.

Иначе обстоит дело с проникновением через контрольно-пропускные или контрольно-транспортные пункты (КПП, КТП). Для незаконного пересечения КПП используются, как правило, поддельные пропуска, и ключевым фактором, позволяющим выявить нарушение, являются опыт и квалификация должностного лица, осуществляющего контроль входа-выхода³.

Однако технический прогресс не стоит на месте, а предлагает нам все более совершенные системы контроля доступа лиц на режимные объекты.

Вместе с тем, способность незаконно проникнуть на охраняемый объект во многом зависит от возможностей злоумышленников: если за ними стоит хорошо финансируемая организация (в частности, иностранная спецслужба), то подделать средство незаконного доступа сложностей не составит.

В последние годы получили широкое распространение технологии, использующие в качестве идентификации не документы, а биометрические данные. Биометрические персональные данные – это сведения,

³ Муфаздалов С.И. Вопросы нормативного регулирования и технико-криминалистического обеспечения деятельности по осуществлению пропускного режима // Правовое регулирование организации деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, ответственных за реализацию мероприятий по профилактике терроризма: проблемы и перспективы: сб. науч. тр. по материалам II Межрегион. науч.-практ. конф. (Саратов, 25 апреля 2019 г.) / ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов, 2019. С. 37.

² Указ Президента Российской Федерации «Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации» от 7 августа 2004 г. № 1013.

которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (ст. 11 Федерального закона «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ).

Посредством указанных технологий физические лица реализуют свои права в различных сферах жизнедеятельности – банковской, удостоверительно-регистрационной, паспортно-визовой; кроме того, в отдельных воинских частях биометрия используется при контроле и осуществлении питания личного состава.

Используются биометрические технологии и в системах контроля и управления доступом⁴ на территории режимных объектов.

Так, согласно «Единым требованиям к системам передачи извещений, объектовым техническим средствам охраны и охранным сигнально-противоугонным устройствам автотранспортных средств, предназначенным для применения в подразделениях вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации»⁵, СКУД должны обеспечивать санкционированный доступ людей, транспорта и других объектов в (из) помещения, здания, зоны и территории путем идентификации личности по комбинации различных признаков, в том числе биометрических (отпечатки пальцев, сетчатка глаз и др.), а также предотвращение несанкционированного доступа людей, транспорта и других объектов в (из) помещения, здания, зоны и территории.

Как было указано выше, незаконное проникновение на охраняемые объекты через КПП (КТП) осуществляется, в частно-

сти, путем использования поддельных пропусков, что является криминообразующим фактором.

Согласно разъяснению прокуратуры ЗАТО г. Вилючинск, приведенному на официальном сайте прокуратуры Камчатского края, действия граждан, которые в целях проезда на работу или к родственникам в ЗАТО подделывали даты в имеющихся у них пропускных документах с истекшим сроком действия, признаются внесением изменения в официальный документ и содержат признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ⁶.

Действия М., который предъявил должностному лицу – дежурному по КПП-1 войсковой части заведомо подложный документ – пропуск на автомобиль, предоставляющий ему право проезда в локальную зону № 1 войсковой части, суд квалифицировал по ч. 3 ст. 327 УК РФ как использование заведомо подложного документа⁷.

Действия Б., изготовившего с помощью цветного принтера и персонального компьютера подложный официальный документ – чистый бланк разового пропуска, предоставляющий право на въезд в ЗАТО, были квалифицированы по ч. 1 ст. 327 УК РФ⁸.

Такой же позиции придерживался Мирненский гарнизонный военный суд, квалифицируя действия М., который внес рукописным способом в пропуск, предоставляющий ему право въезда в ЗАТО Мирный и выезда из него, недостоверные сведения в части, касающейся окончания срока дей-

⁶ URL: <https://kamprok.ru/ugolovnaya-otvetstvennost-zapoddelku-propuska-v-zato/>

⁷ Приговор 35-го гарнизонного военного суда от 27 апреля 2017 г. URL: https://35gvs--kam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8239355&delo_id=1540006&new=0&text_number=1

⁸ Приговор 35-го гарнизонного военного суда от 19 июня 2015 г. URL: https://35gvs--kam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8239257&delo_id=1540006&new=0&text_number=1

⁴ Далее – СКУД.

⁵ Утверждены Росгвардией 25 мая 2018 г.

ствия пропуска, и предъявил этот же поддельный пропуск помощнику дежурного по КПП, который в ходе осмотра выявил недостоверные сведения⁹.

По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, приведенному в определении от 27 сентября 2019 г. № 2368-О, законодатель в ст. 327 УК РФ, учитывая разнообразие документов, составляющих предмет данного преступления, их различное предназначение и множество порождаемых ими последствий, разделил документы на официальные (часть первая данной статьи) и иные. Тем самым законодатель наделил правоприменителя правом в каждом конкретном случае оценивать свойства документа и признавать его либо предоставляющим права (освобождающим от обязанностей), либо нет¹⁰.

Таким образом, пропуск, выполненный печатным способом, является документом, который следует рассматривать в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ.

Это свидетельствует о том, что степень общественной опасности подделки средства для доступа на охраняемые объекты достаточна для того, чтобы криминализовать данные действия.

В то же время многие СКУД на охраняемых объектах используют в качестве идентификатора биометрические характеристики человека, в частности отпечатки пальцев.

Следует отметить, что идея использовать отпечатки пальцев для установления

⁹ Постановление Мирненского гарнизонного военного суда от 8 ноября 2018 г. URL: https://vmgvs--arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5048888&delo_id=1540006&new=&text_number=1

¹⁰ Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 г. № 534-О-О; от 16 декабря 2010 г. № 1671-О-О; от 22 марта 2012 г. № 417-О-О; от 29 мая 2018 г. № 1380-О и др.

личности не нова. Еще в давние времена человек обратил внимание на индивидуальность пальцевых линий, в частности, на Руси был распространен обычай заверять документы, прикладывая к ним палец¹¹.

Будет ли являться предметом преступления оттиск отпечатка пальца, искусственно выполненный злоумышленником и используемый для обхода компьютерной системы доступа как аналог пропуска?

Для ответа на данный вопрос обратимся к анализу ст. 327 УК РФ «Подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков».

Диспозиция ч. 1 ст. 327 УК РФ содержит исчерпывающий перечень предметов данного преступления:

- официальный документ, предоставляющий права или освобождающий от обязанностей;
- государственные награды Российской Федерации, РСФСР, СССР;
- штампы;
- печати или бланки.

Исследование эволюции правовых норм об ответственности за подделку документов начиная с Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 г. позволяет утверждать, что по смыслу закона предметом рассматриваемого преступления выступают те материальные носители информации, которые выдаются государственными или общественными организациями и предоставляют права или освобождают от обязанностей.

Единственным разъяснительным документом, раскрывающим отдельные атрибуты предмета данного преступления, являются Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в

¹¹ Криминалистика: учеб. / О.В. Волохова [и др.]; под ред. Е.П. Ищенко. М., 2011. С. 204.

сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства¹², однако понятие штампа или печати в нем не определено.

Теория уголовного права рассматривает в качестве штампов и печатей предметы, на которых выгравированы в зеркальном отображении наименование организации, учреждения, их место нахождения, другие реквизиты и которые предназначены для получения ручного оттиска. Они различаются между собой по функциям: печать удостоверяет, штамп – информирует¹³.

Оттиск согласно толковому словарю – это отпечаток чего-либо¹⁴, всякое изображение, которое выдавлено на чем-либо гнетом¹⁵.

Для того чтобы СКУД идентифицировала поддельный отпечаток пальца как подлинный, он не должен быть выполнен в виде изображения, которое может быть напечатано на принтере, а должен носить рельефный характер. Фотополимерные технологии позволяют в настоящее время изготовить слеодообразующий объект с искусственными папиллярными узорами (например, на перчатках, или в виде клише на оснастке), которые имеют полное сходство по размеру, цвету, упругости с рисунком-оригиналом. Выявить такую подделку позволяют технологии, распознающие отсутствие потовых желез на оттиске, аминокислот и хлора при исследовании химиче-

ского состава потожирового вещества, но подобные анализаторы имеются далеко не на каждом КПП охраняемого объекта.

Помимо этого, изготовить искусственный отпечаток пальца позволяют метод фотолитографии, лазерное гравирование на резине, флэш-технологии.

Таким образом, современные технические средства, используемые для подделки изображения отпечатка пальца, не создают оттиск в классическом его понимании, они создают его графическую плоскую копию, которая воспринимается системой как отпечаток пальца, принадлежащий живому человеку.

Следовательно, клише, фактически являясь оттиском папиллярного узора пальца руки человека, по своей правовой природе (в силу ч. 2 ст. 3 УК РФ, налагающей табу на применение уголовного закона по аналогии) не является предметом преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, поскольку не отвечает признакам официального документа, печати, штампа или бланка, которые были рассмотрены выше.

Еще один аспект, касающийся возможности отнесения биометрических данных к предмету преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, – это вопрос о его объекте.

Предмет преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, лежит в области порядка управления, в то время как биометрические данные относятся к личным персональным данным, охрана которых осуществляется гл. 19 УК РФ, в частности ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни», которая предусматривает ответственность за незаконное собирание сведений о частной жизни лица без его согласия.

Однако в нашем случае незаконное получение данных об отпечатках пальца гражданина осуществляется не в силу ин-

¹² Утверждены ФССП России 15 апреля 2013 г. № 04-4.

¹³ *Боровиков В.Б., Смердов А.А.* Уголовное право. Особенная часть: учеб. для среднего профессионального образования / под ред. В.Б. Боровикова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 411. URL: <https://biblio-online.ru/bcode/448633/p.411> (дата обращения: 22.01.2020); *Козаченко И.Я., Новоселов Г.П.* Уголовное право. Особенная часть: в 2 т. Т. 2: учеб. для акад. бакалавриата. 2-е изд. М., 2019. С. 268. URL: <https://biblio-online.ru/bcode/434424/p.268> (дата обращения: 22.01.2020).

¹⁴ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук. М., 2006. С. 482.

¹⁵ Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. Часть вторая. М., 1865. С. 1335.

тереса к нему как к частному лицу, а в целях проникновения на охраняемый объект, т. е. в связи с посягательством на сферу, которая предоставляет права и регулирует порядок официального доступа в государственные организации либо организации, подлежащие государственной охране, т. е. порядок управления.

Таким образом, по мнению авторов, в действиях лиц, использующих биометрические данные гражданина для проникновения на охраняемые военные объекты, содержатся признаки преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ.

Кроме того, вышеуказанные действия следует квалифицировать по совокупности

со ст. 20.17 КоАП РФ «Нарушение пропускного режима охраняемого объекта», а при неоднократном проникновении на подземный или подводный объект, охраняемый в соответствии с законодательством Российской Федерации о ведомственной или государственной охране, – по ст. 215.4 УК РФ «Незаконное проникновение на охраняемый объект».

На основании изложенного выше в целях соблюдения принципа законности рекомендуется дополнить ст. 327 УК РФ предложениями, которые в качестве предмета преступления будут включать физические объекты, содержащие биометрические данные человека.

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ВОИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

С.В. Гончарова,

старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Волгодонского филиала Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский юридический институт» Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук;

Л.Б. Прудникова,

старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Волгодонского филиала Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский юридический институт» Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук;

В.М. Шеншин,

заместитель начальника кафедры конституционного и административного права факультета (командного) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук

На основе краткого сравнительно-правового анализа теории уголовного права авторами раскрываются особенности квалификации объекта и объективной стороны воинских преступлений.

История рядового Р. Шамсутдинова, расстрелявшего восьмерых сослуживцев в воинской части п. Горный Забайкальского

края, в очередной раз заставила общество с удивлением признать, что такой асоциальный армейский феномен, как «дедовщина»,

полностью не изжит, скорее всего, он несколько изменил форму и приобрел более высокую латентность. Это может означать для юридического сообщества то, что сохраняется перспективная потребность в правовых изысканиях относительно объективных и субъективных характеристик квалификации противоправных деяний в сфере отношений по организации, обеспечению, осуществлению военной службы, которая органически связана с конституционной обязанностью и долгом – защитой Отечества (ст. 59 Конституции Российской Федерации). Следует также отметить, что уголовно-правовая в целом и военно-правовая в частности доктрина академическими изысканиями в данной сфере занимается довольно давно, поскольку вопросы правильной квалификации преступлений против военной службы, а также отграничения их от иных схожих составов требуют постоянного внимания научного сообщества и практиков.

Ключевым признаком состава любого преступления выступает объект преступления (в том числе порядок несения военной службы), который, наряду с другими признаками (субъект, объективная сторона и субъективная сторона) состава преступного посягательства, без исключения из общей системы преступлений дает возможность подробно раскрыть и провести сравнительно-правовой анализ необходимых признаков составов преступлений в сфере организации и осуществления специфического вида государственной службы – военной. Объект посягательства используется исключительно для доктринальных нужд, а именно для систематизации преступных посягательств при прохождении военной службы, как, например, в работе П.С. Данилова¹.

¹ Данилов П.С. Теоретическая концепция классификации преступлений против военной службы по действующему уго-

Как правило, под объектом преступления понимается соответствующее общественное благо (в теории права принято использовать термин «отношения»), которому наносится ущерб различного вида либо в отношении которого имеет место очевидная угроза. Примером подобной формулировки может выступать определение, данное А.А. Губко, диссертационное исследование которого было посвящено исключительно объекту воинских преступлений, под которым он предлагает понимать «обусловленные военной политикой и военной доктриной государства воинские отношения, складывающиеся в процессе прохождения военнослужащими и приравненными к ним лицами военной службы»².

Следует отметить, что для отечественного уголовного права такой взгляд на объект преступления как на отношения на протяжении длительного времени был фактически безальтернативным. В то же время нельзя не заметить, что традиционный алгоритм определения объекта посягательства по наименованию гл. 33 УК РФ, которая объединяет соответствующие составы преступлений, не всегда содержит термин «отношения», но может включать иные слова (порядок, интересы, власть, служба и т. п.), которые только опосредованно можно отнести к категории «отношения».

Именно поэтому современная юридическая техника и практика ставят перед теоретиками вопрос о более гибком подходе к определению объекта преступления вообще и воинского преступления в частности и включении в него не только отношения в узком смысле, но и блага или интереса (права, свободы, личность как ценность),

ловному законодательству Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. № 3. С. 81 – 93.

² Губко А.А. Объект воинского преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.

которые связаны с отношением непосредственно.

Современный УК РФ в ст. 331 определяет объект уголовно-правовой охраны как «установленный порядок прохождения военной службы», который при наличии соответствующего нормативного акта не имеет формального определения. С учетом смысла норм Положения о порядке прохождения военной службы порядок прохождения военной службы некоторыми авторами определяется как регулируемая федеральным законодательством, воинскими уставами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации деятельность лиц, относящихся в соответствии с законом к категории военнослужащих, в определенный период, именуемый специальным законодательством как «военная служба», на основании специфических жизненных обстоятельств (юридических фактов, а нередко их составов)³. Представляется вполне оправданным под порядком прохождения военной службы считать деятельность, направленную на реализацию прав и обязанностей, обусловленных специфическими юридическими фактами, предусмотренными военным законодательством.

Теория уголовного права при определении объекта воинского преступления использует также понятие «военная безопасность», под которой целесообразно понимать состояние защищенности различных благ и интересов, обеспечиваемое различными мерами военной организации государства. Очевидным является тот факт, что «воинский» элемент в объекте данных преступлений придает ему специальный характер, что, в свою очередь, обусловли-

вает специальный характер законодательства Российской Федерации по вопросам военной службы и высокую степень детализации регулируемых им отношений.

Связь между данными категориями просматривается в том, что военная служба как особая разновидность государственной службы вообще имеет своей непосредственной целью надлежащее состояние военной безопасности, боеготовности и обороноспособности государства. Если выразиться иначе, то военная безопасность государства является объектом уголовно-правовой охраны опосредованно через прохождение военной службы. Такая взаимообусловленность указанных понятий отражена в нормах гл. 33 УК РФ и заключается в том, что военная безопасность объединяет и отражает особенности различных элементов военной службы и боевой готовности, которые не могут охраняться нормами других глав УК РФ, так как находятся за пределами соответствующих родовых объектов уголовно-правовой охраны.

Кроме того, следует понимать, что объект воинского преступления имеет производный характер от общего понятия объекта преступления, под которым, как указано выше, следует понимать не только и не столько отношения, сколько те блага, которые составляют их основу. В ситуации с гл. 33 УК РФ необходимо исходить из того, что общим благом, защищаемым нормами этой главы, является безопасность (личности, общества, государства), а с учетом особенностей военной деятельности – всего порядка обеспечения военной организации государства.

В то же время в юридической литературе высказывается другая точка зрения, суть которой сводится к тому, что родовый объект, на который посягают воинские пре-

³ Мальков С.М. Преступления против военной службы. М., 2015. С. 5.

ступления, – это, собственно, сам процесс реализации государственно-властных полномочий, т. е., по сути, порядок осуществления публичной власти. На этом основании предлагается перенести имеющуюся систему преступных деяний, посягающих на порядок несения военной службы и исполнения воинской обязанности, в разд. X УК РФ, объединив тем самым их с иными посягательствами на публичную власть и ее интересы⁴. Такое предложение выглядит весьма спорным на фоне массы очевидных специфических признаков воинских преступлений.

Разница в исходных теоретических исследованиях относительно обозначения объекта воинского преступления обусловлена рядом причин, в число которых необходимо включать то, что: а) определенную тождественность воинскому преступлению с иными посягательствами на интересы государственной службы придает тот факт, что внешне оно проявляется как нарушение установленного специальным законом порядка ее прохождения; б) следует принимать во внимание причинение реального или потенциального (угроза) ущерба двум объектам – обороноспособности государства (как дополнительному объекту) и его безопасности от внешнего посягательства (как видовому объекту, так как меры, указанные в ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О безопасности», являются неотъемлемыми элементами механизма обеспечения безопасности государства). Именно это позволяет утверждать, что родовым объектом уголовно-правовой охраны от посягательств воинских преступлений выступает сама военная безопасность.

Исходя из того что военная безопасность обеспечивается различными сферами военно-служебной деятельности, можно предположить, что эти элементы как отдельные объекты посягательства могут считаться видовым объектом воинских преступлений. Поскольку видовой объект объединяет несколько схожих составов, посредством анализа норм гл. 33 УК РФ можно выделить группы составов, обеспечивающих следующие виды безопасности:

- 1) по соблюдению порядка подчиненности и уставных взаимоотношений между военнослужащими (ст.ст. 332 – 336 УК РФ);
- 2) по обеспечению надлежащего порядка исполнения военной службы (ст.ст. 337 – 339 УК РФ);
- 3) по обеспечению надлежащего порядка несения специальных видов военной службы (ст.ст. 340 – 344 УК РФ);
- 4) в сфере использования военного имущества и оружия (ст.ст. 345 – 348 УК РФ);
- 5) в сфере использования военно-технических средств (ст.ст. 349 – 352 УК РФ).

Анализ некоторых составов преступлений, предусмотренных гл. 33 УК РФ, позволяет установить и дополнительный объект посягательства: жизнь и здоровье начальника при насильственных действиях против него или при сопротивлении ему (ст.ст. 333, 334 УК РФ), честь и достоинство личности военнослужащего (ст. 336 УК РФ) при оскорблении или при нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335 УК РФ), интересы правосудия при исполнении уголовного наказания в дисциплинарной воинской части (ч. 2 ст. 337 УК РФ); безопасность охраняемых караулом объектов (ст. 342 УК РФ), общественный порядок и общественная безопасность (ст.

⁴ Коростелев В.С. Система служебных преступлений по уголовному праву России: вопросы истории, теории, практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2014.

343 УК РФ), здоровье человека (ст.ст. 349, 350 УК РФ), а также жизнь человека при нарушении правил полетов или подготовки к ним либо иных правил эксплуатации военных летательных аппаратов и правил вождения или эксплуатации военных кораблей (ст.ст. 351, 352 УК РФ).

Непосредственным объектом преступления против военной службы являются конкретные правоотношения, возникшие по поводу несения военной службы в конкретном месте, в конкретное время, конкретными лицами. Например, в качестве непосредственного объекта посягательства путем самовольного оставления части или места службы выступает установленный специальными правилами порядок нахождения в конкретной воинской части или ином месте прохождения военной службы.

С вопросом определения объекта преступления тесно связан вопрос и о предмете посягательства. Поскольку «вооруженность» данного вида службы выступает ее своеобразным спецификатором, необходимо определять в качестве предмета соответствующих преступлений собственно вооружение; оружие и боеприпасы к нему, военную и используемую для подобных целей технику и иные источники опасности для окружающих. С одной стороны, с их помощью обеспечивается боевая готовность подразделений военнослужащих и обороноспособность государства, с другой – их использование в качестве предмета или орудия посягательства снижает уровень боевой готовности соответствующих подразделений отечественных Вооруженных Сил, а также существенно затрудняет или исключает возможность выполнения боевых, в том числе учеб-

но-боевых, задач. К тому же очевидно, что использование вышеперечисленного в качестве предмета совершения преступления значительно повышает степень и характер общественной опасности этих преступлений в сравнении с иными общеуголовными деяниями. Именно такой предмет в совокупности с устойчивыми навыками его использования предопределяет специфический – воинский – характер преступлений данной категории. Это и является дополнительным аргументом в пользу нормативного обособления воинских общественно опасных деяний в специальной главе УК РФ.

Приведенные факторы неизбежно формируют не только саму проблему правильного определения объекта посягательства воинского преступления, но и проблему справедливости санкций за аналогичные общеуголовные преступления (например, против личности), совершенные военнослужащими, которые, как показывает сравнительный анализ санкций гл. 33 и гл. 16 УК РФ, либо аналогичны, либо менее строгие, что недопустимо при такой высокой степени общественной опасности, какой обладают воинские преступления.

Повышение степени общественной опасности в данном случае происходит в том числе и за счет количественного и качественного увеличения объектов посягательства лица, совершающего преступление, предусмотренное гл. 33 УК РФ. Это не только собственно военная безопасность страны напрямую, но и косвенно собственность (ст.ст. 167, 168 УК РФ), военное имущество (ст.ст. 346 – 348 УК РФ). Практика устраняет сложившийся дисбаланс дополнительной квалификацией по другим статьям УК РФ о посягательствах на личность. Однако представ-

ляется, что более радикальное решение в форме ужесточения санкций в гл. 33 УК РФ было бы оправданным с точки зрения законодательной экономии и юридической техники.

Таким образом, исследование объекта как квалифицирующего признака воинских преступлений позволило сделать следующие выводы:

при определении объекта посягательства воинских преступлений необходимо установить характер их связи с порядком обеспечения военной безопасности государства (основного объекта) и их способность причинить вред другим социальным ценностям (жизнь, здоровье, собственность и иные блага как дополнительный объект), которые являются либо средством, либо следствием умаления военной безопасности государства. При этом от умаления военной безопасности государства не всегда страдает дополнительный объект. Отдельные сферы военно-служебной деятельности выступают видовым объектом преступных посягательств в сфере несения военной службы и исполнения военной обязанности в целом (иерархия и субординация в отношениях между военнослужащими (ст.ст. 332 – 336 УК РФ); последовательность несения (порядок) военной службы (ст.ст. 337 – 339 УК РФ); предусмотренный специальными правилами и уставами порядок несения особых видов военной службы (ст.ст. 340 – 344 УК РФ); порядок эксплуатации имеющегося в распоряжении и специально предоставленного для несения военной службы военного имущества и оружия (ст. ст. 345 – 349 УК РФ); порядок эксплуатации военных и боевых машин, летательных аппаратов и кораблей (ст.ст. 350 – 352 УК РФ);

природа объекта посягательств против порядка несения военной службы обуславливает специальный характер как самого объекта посягательства воинских преступлений, так и в целом составов, предусмотренных гл. 33 УК РФ;

при выявлении многообъектности конкретного воинского преступления необходимо ставить перед законодателем вопрос об ужесточении санкций гл. 33 УК РФ ввиду кратно увеличивающейся общественной опасности, а также в силу того, что посягательство совершается лицом, специально обученным и способным реально применить оружие, военную технику или опасные для окружающих источники.

Объективная сторона как обязательный элемент состава преступления определяется, собственно, самим деянием (действием или бездействием), т. е. внешним проявлением преступного посягательства на определенные отношения или благо, защищаемые принудительной силой закона, а также связанными с ним вредными последствиями и причинной связью между этими факторами. Определение объективной стороны воинского преступления находится в очевидной взаимозависимости от деятельности органа дознания, органа предварительного следствия при расследовании преступления данной категории, на что указывает вполне оправданный интерес военно-уголовной науки⁵.

Объективная сторона воинских преступлений характеризуется как общественно опасным действием, так и бездействием, а также его последствиями и причинно-след-

⁵ Кругликова О.В., Шебалин А.В. О деятельности органа дознания при расследовании преступлений против военной службы // Закон и право. 2018. № 12. С. 157 – 159; Маликов С.В. О производстве неотложных следственных действий органом дознания при расследовании преступлений против военной службы // Там же. 2019. № 1. С. 142 – 143.

ственной связью между деянием и последствиями; она закономерно связана с объектом посягательства и воспроизводит способ и характер причиненного вреда, что, в свою очередь, демонстрирует качество общественной опасности воинского преступления.

Важно иметь четкое представление о том, что воинские преступления по поведенческому критерию (действие или бездействие) могут быть разделены на три группы:

совершаемые действием, т. е. активным и инициативным поведением лица: сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы (ст. 333 УК РФ); насильственные действия в отношении начальника (ст. 334 УК РФ); нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335 УК РФ); оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ); самовольное оставление части или места службы⁶ (ст. 337 УК РФ); дезертирство (ст. 338 УК РФ); уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами (ст. 339 УК РФ); оставление погибающего военного корабля (ст. 345 УК РФ); умышленное уничтожение или повреждение военного имущества (ст. 346 УК РФ);

совершаемые только бездействием, т. е. в пассивной, инертной форме: неисполнение приказа (ст. 332 УК РФ); неявка в срок без уважительных причин на службу при увольнении из части, при назначении, переводе, из командировки, отпуска или медицинской организации (ст. 337 УК РФ);

⁶ Шеншин В.М. Самовольное оставление части или места службы как преступление против порядка прохождения военной службы (уголовно-правовой и криминологический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.

дезертирство в виде неявки на службу (ст. 338 УК РФ);

совершаемые и действием, и бездействием: нарушение правил несения боевого дежурства (ст. 340 УК РФ); нарушение правил несения пограничной службы (ст. 341 УК РФ); нарушение уставных правил караульной службы (ст. 342 УК РФ); нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности (ст. 343 УК РФ); нарушение уставных правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне (ст. 344 УК РФ); уничтожение или повреждение военного имущества по неосторожности (ст. 347 УК РФ); утрата военного имущества (ст. 348 УК РФ); нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих (ст. 349 УК РФ); нарушение правил вождения или эксплуатации машин (ст. 350 УК РФ); нарушение правил полетов или подготовки к ним (ст. 351 УК РФ), нарушение правил кораблевождения (ст. 352 УК РФ).

Следует отметить, что общим свойством всех форм поведения как объективной стороны воинских преступлений выступает нарушение установленных правил: либо общих для любых преступлений, либо специальных (ст.ст. 340 – 344, 349 – 352 УК РФ). В случае с нарушением специальных правил имеет место бланкетный характер норм гл. 33 УК РФ и следующая из этого необходимость установления содержания нормативных актов, регламентирующих требуемое поведение от военнослужащего и приравненного к нему лица. Как правило, это те или иные уставы, например, УВС ВС РФ, ДУ ВС РФ, УГиКС ВС РФ. Из этого следует вы-

вод: можно нарушить только существующее правило, а следовательно, если норма не предусматривает соответствующего поведения, то и нарушить ее нельзя, так как нет внешнего проявления нарушения, т. е. объективной стороны. При этом отличительной чертой нарушения правил в форме их неисполнения как внешней формы проявления объективной стороны воинского преступления является то, что обязанное их исполнять лицо не делает этого, хотя должно или может их исполнить. Неисполнение правил или требований – это определенное отношение лица к императиву, установленному нормой соответствующего акта.

Действие (бездействие) как объективизацию преступного поведения следует рассматривать только в связи с исполнением обязанностей военной службы. При этом в теории уголовного права в тождественном смысле используются словосочетания «обязанности военной службы» и «воинские обязанности», но не раскрывается их содержание в дефинитивной форме. Для восполнения этого пробела в юридической литературе предлагается считать воинской обязанностью «требуемое от граждан должное поведение, конкретизирующееся в установленных законом формах исполнения и обусловленное необходимостью защиты государства и общества от внешних и внутренних угроз военного характера»⁷. Представляется, что данное определение достаточно четко отражает родовой объект воинского преступления в виде военной безопасности государства.

При неправильном определении названного признака может иметь место

ошибка в оценке объективной стороны воинского преступления. На это указывается в Обзоре судебной практики по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими⁸. Верховный Суд Российской Федерации сделал соответствующие выводы, проанализировав несколько случаев; например, ситуацию причинения вреда здоровью одним военнослужащим другому в ночное время, не при исполнении обязанностей военной службы, на почве личной неприязни, что никак не повлияло на общий порядок несения военной службы. При этом не все виды работ внешне отражают направленность на военную службу, например, хозяйственные работы, которые проводятся на основании установленного распорядка и соответствующего распоряжения командира, хотя и не связаны непосредственно с боевой подготовкой.

В связи с изложенным выше вполне обосновано деление диспозиций составов гл. 33 УК РФ на простые и описательные. Простые диспозиции не содержат подробного описания признаков воинского преступления. Описательные же диспозиции указывают не только на форму деяния (действие или бездействие), но и на последствия (утрата имущества, вред здоровью и т. п.) этого поведения и причинно-следственную связь между ними. Последствия при этом характеризуются тем, что: во-первых, не всегда следуют из формально противоправного поведения (например, разговор военнослужащего во время несения караула); во-вторых, могут зависеть не только от поведения военнос-

⁷ Маслов Н.А. Воинская обязанность в России (1699 – 1918 гг.): историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

⁸ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>

лужащего, но и от других факторов (разговор караульного отвлек его от охраны объекта, что повлекло утрату охраняемого оружия со склада); в-третьих, между деянием и последствиями может быть достаточно большой промежуток времени (пропажа оружия обнаружена во время ревизии склада, проведенной значительно позже несения данного караула, что сразу не связывает поведение данного караульного с данным результатом).

Последствия как признак объективной стороны воинского преступления также позволяют определить конструкцию составов гл. 33 УК РФ как в большинстве случаев материальные, т. е. предусматривающие обязательное причинение и установление вреда. В специальной литературе предлагается делить вредные последствия воинских преступлений на несколько категорий:

физический вред (вред жизни или здоровью);

моральный вред (умаление чести и достоинства военнослужащего);

имущественный вред (утрата или повреждение военного имущества, оружия, военной техники);

организационный вред (срыв мероприятий по боевой подготовке). Теоретики военно-уголовного права настаивают на том, что организационный вред причиняется любым составом, предусмотренным гл. 33 УК РФ, независимо от других видов вреда и указания на него напрямую⁹.

При этом для правильной оценки последствий необходимо всегда иметь в виду специальный характер состава воинского преступления в целом и его объекта в частности. Из этого должен следовать вывод о том, что независимо от категории послед-

ствий, возникших в результате противоправного поведения, наступают вредные изменения в требуемом состоянии военной безопасности государства. Кроме того, поскольку объект воинского преступления может быть основным и дополнительным, то и последствия могут быть основными и дополнительными (в отношении того блага, которое также пострадало в результате преступления).

Формальные составы также имеют место в системе составов воинских преступлений. В частности, как формальные оцениваются различные уклонения от службы, поскольку не требуют наступления какого-либо вреда при оценке объективной стороны, не влияют на применение санкции и на квалификацию данного деяния как преступления.

В качестве признаков объективной стороны воинского преступления также выступает фактор времени, места, способа, средства, обстановки совершения преступления. По фактору времени часть составов, предусмотренных гл. 33 УК РФ, характеризуются как длящиеся, а часть совершаются единовременно. Так, самовольное оставление части или места службы – это длящееся преступление, а оскорбление военнослужащего – одномоментное действие. Однако это не единственный способ определения особенностей времени совершения преступлений против военной службы. В частности, законодательство, присущее странам общего права, характеризует фактор времени не только как то, что имеет свойство длиться, но и как то, что имеет объективные особенности (военное время, например)¹⁰. Так, законодательство Великобритании

⁹ См., напр.: Военно-уголовное право: учеб. / под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина. М., 2008. С. 96.

¹⁰ UK Armed Forces Act 2006 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.legislation.gov.uk>

учитывает при оценке объективной стороны время миссий или специальных операций. Таким образом, имеет место более широкий охват ситуаций, когда вооруженные формирования выполняют свои непосредственные (боевые) задачи.

Характеристика места совершения преступления состоит в том, что в его качестве могут выступать воинская (в том числе дисциплинарная) часть или место службы без какой-либо конкретизации. Следует учитывать, что конкретное место нахождения воинской части (в смысле юридического адреса) и ее реальное место нахождения в конкретное время могут не совпадать. Вне зависимости от этого в юридической литературе предлагается под местом расположения воинской части считать территорию, на которой размещены подразделения и службы воинской части¹¹. Важно отметить и тот факт, что место исполнения военнослужащим своих воинских обязанностей не всегда совпадает с местом расположения воинской части, а потому законодатель использует более широкое понятие – место службы, которое целесообразно понимать как любое место, определенное военнослужащему для выполнения законно установленной для него обязанности, независимо от того, связана она с боевой подготовкой или нет (хозяйственные работы, например).

Исследование объективной стороны воинских преступлений позволило получить углубленное представление об их специфике и сформулировать ряд выводов:

объективная сторона воинского преступления органически связана с «воинской» спецификой объекта посягательства, что

находит отражение в способе и характере причиненного вреда и демонстрирует качество общественной опасности воинского преступления;

по внешней поведенческой форме выражения преступных деяний составы, предусмотренные гл. 33 УК РФ, могут быть разделены на три группы: совершаемые только путем действия, совершаемые только путем бездействия, совершаемые и действием, и бездействием;

независимо от внешней формы поведения, посягающее на военную службу, всегда направлено на нарушение правил (либо общих для любых преступлений, либо специальных (военно-уставных), из чего следует необходимость установления нормы, определяющей соответствующие поведение и характер исполнения обязанности как воинской, в противном случае возможна ошибка в оценке объективной стороны преступления как воинского;

для правильного определения конструктивных особенностей составов, предусмотренных гл. 33 УК РФ, следует иметь в виду, что последствия воинских преступлений фактически могут быть четырех видов: физические, моральные, материальные, организационные. Однако независимо от их характера всегда наступают вредные изменения в требуемом состоянии военной безопасности государства;

место совершения воинского преступления как один из признаков объективной стороны в законе соотнесено с не имеющим своей дефиниции понятием «место службы» (наряду с частью), под ним целесообразно понимать любое место, определенное военнослужащему для выполнения законно установленной для него обязанности, независимо от того, связана она с боевой подготовкой или нет.

¹¹ *Сирик М.С.* Объективные признаки самовольного оставления части или места службы (ст. 337 УК РФ) // Концепт. 2014. № 31. С. 8.

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УНИВЕРСАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Н.А. Синяева,

заведующая кафедрой конституционного (государственного) и международного права Военного университета, кандидат юридических наук, доцент;

Р.А. Каламкарян,

профессор Юридического института имени М.М. Сперанского Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, доктор юридических наук, профессор

В работе показывается юридический позитив действия международно-правового строительства Вооруженных Сил Российской Федерации в деле обеспечения целостности универсальной системы военной безопасности, устанавливается обоснованность порядка предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, подтверждается международно-правовой вклад России в отношении исполнения и обеспечения соблюдения норм международного права.

Международно-правовой позитив внешнеполитического курса Российской Федерации как фактор содействия обеспечению универсальной военной безопасности. Универсальная система военной безопасности, выстроенная на основе Устава ООН, установлена в режиме общепризнанных положений юридической логики по линии соблюдения права в плане добросовестного выполнения принятых в соответствии с Уставом ООН международных обязательств (п. 2 ст. 2 Устава ООН); мирного разрешения межгосударственных споров в аспекте выполняемости на основе принципа добросовестности *bonafide* всего массива международных обязательств (ст. 36 Устава ООН); полномочий Совета Безопасности ООН согласно гл. VII Устава ООН «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии» по факту возложенной

на него главной ответственности за поддержание международного мира и безопасности (п. 1 ст. 24 Устава ООН), на принятие мер, не связанных или связанных с применением вооруженных сил (ст.ст. 41, 42 Устава ООН); включенности Международного суда как главного судебного органа Организации Объединенных Наций (ст. 92 Устава ООН) в процесс разрешения любых межгосударственных споров в ситуации, когда суд как орган правосудия принимает к производству все переданные ему сторонами дела (п. 1 ст. 36 Статута Международного суда).

Позиционирование Международного суда здесь заявлено в формате подтверждения целостности системы международного права, когда суд в качестве органа международного правосудия не может отказать вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы

права (принцип запрета non-liquet по смыслу общего принципа права согласно ст. 38 Статута Международного суда)¹. Выход Международного суда на юридически обязательное для сторон решение (ст. 59 Статута Международного суда) подтверждает значимость суда как органа по обеспечению права и через это обстоятельство содействующего поддержанию целостности системы современного международного права.

Универсальная система военной безопасности, участником которой является Российская Федерация, в постановочном плане определяет себя в параметрах юридического позитива должного поведения, начиная с недопустимости угрозы силой или ее применения до процедуры принятия мер, не связанных или связанных с применением вооруженных сил. В том, что касается международно-правовой позиции Российской Федерации, то здесь в порядке заявленной Россией приверженности верховенству права показательно последовательно проводится внешнеполитический курс на поддержание целостности универсальной системы военной безопасности в общих параметрах предписаний Устава Организации Объединенных Наций. В предметно юридическом плане речь идет о содействии исключению из системы современных международных правоотношений любых случаев нарушения права, злоупотребления пра-

вом, угрозы силой или ее применения. В ситуации заявленного подтверждения неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону в случае вооруженного нападения на члена ООН весь позитив права целенаправленно ориентирован на содействие принятию Советом Безопасности мер, предметно востребованных по линии поддержания международного мира и безопасности (ст. 51 Устава ООН).

Российская Федерация в рамках своего статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН на основе процедуры совпадающего голоса всех постоянных членов Совета (ст. 27 Устава ООН) принимает деятельное участие в принятии Советом Безопасности решений в рамках предписаний гл. VII Устава ООН «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии». Исполнение Советом Безопасности своих обязанностей в порядке реализации возложенной на Совет Безопасности главной ответственности за поддержание мира и международной безопасности последовательно осуществляется согласно предоставленным Совету Безопасности определенным полномочиям в рамках предписаний гл. VI, VII, VIII и XII Устава ООН (ст. 24 Устава ООН). Международно-правовое военное строительство Российской Федерации в формате включенности в современный миропорядок постановочно направлено на обеспечение юридической безопасности (совокупность субъективных прав и законных интересов) всех субъектов современных международных правоотношений. Сам юридический факт включенности России в процесс межгосударственного взаимодействия на основе Устава ООН содействует обеспече-

¹ См. по данному вопросу: *Вылегжанин А.Н.* Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. М., 2004; *Каламкарян Р.А.* Международный Суд в миропорядке на основе господства права. М., 2012; *Кожевников Ф.И., Шармазанашвили Г.В.* Международный Суд ООН. М., 1971; *Крылов С.Б.* История создания ООН. М., 1960; *International Law // Being the collected papers of H. Lauterpacht.* Cambridge, 1970. Vol. 1. P. 243; vol. 2. Part 1. P. 224 – 225; *Stone J.* Non-liquet and the function of law in international community // *British Yearbook of International Law.* 1959. London, 1960. P. 139 – 140.

нию целостности системы современного международного права, в рамках которой субъективные права и законные интересы каждого субъекта современного миропорядка сопряжены с заявленным позитивом права всего мирового сообщества в целом.

Потенциальные вызовы и угрозы России по факту международно-правовой включенности Российской Федерации в современный миропорядок и правомерность мер по обеспечению государственной безопасности Российской Федерации. В режиме объективной констатации перспективные вызовы и угрозы субъект права может потенциально испытывать по обстоятельствам включенности в систему соответствующих правоотношений. А степень вызовов и угроз в объективном порядке определяется через юридические постулаты злоупотребления правом, нарушения права, военного противостояния в параметрах вооруженного нападения по смыслу ст. 51 Устава ООН. Соответственно по факту международно-правовой включенности Российской Федерации в современный миропорядок Россия потенциально (в режиме гипотетического восприятия проблемы *exhypothesi*) может испытывать вызовы и угрозы на таких стратегических операционных направлениях, как политическое, военное, экономическое, культурное, социальное, гражданско-правовое.

Степень вызовов и угроз юридически определяется через злоупотребления правом в отношении России, нарушения права в отношении России, военное противостояние по линии вооруженного нападения в отношении России. В ситуации недопустимости угрозы силой или ее применения (п. 4 ст. 2 Устава ООН) и запрета

войны как орудия национальной политики (Парижский договор 1928 г. об отказе от войны в качестве орудия национальной политики) все споры по линии злоупотребления правом, нарушения права в параметрах задезованности субъективных прав и законных интересов России должны быть разрешены мирными средствами согласно положениям гл. VI Устава ООН «Мирное разрешение споров». В параметрах заявленной Россией приверженности верховенству права на международном и национальном уровне Международный суд как главный судебный орган Организации Объединенных Наций выступает оптимальным средством разрешения споров. Режим военного противостояния в параметрах вооруженного нападения (случай исключительно гипотетического порядка с учетом военного потенциала России по подавлению агрессора на основании неотъемлемого права на индивидуальную и коллективную самооборону согласно ст. 51 Устава ООН) обеспечивается включенностью Вооруженных Сил Российской Федерации с конечной целью поддержания политической независимости России, государственности России как субъекта международного права, территориальной целостности России как суверенного члена мирового сообщества.

Концептуально и предметно практически вызовы и угрозы национальной безопасности в период 2030 – 2040 гг. с учетом национальных интересов Российской Федерации могут проявлять себя по объективным обстоятельствам задезованности России в системе современных международных отношений в качестве суверенного члена мирового сообщества, Великой державы, постоянного члена Совета Безопасности Организации Объеди-

ненных Наций. С учетом вовлеченности в процесс межгосударственного взаимодействия Россия потенциально может стать субъектом воздействия вызовов и угроз по всем общепризнанным операционным направлениям политического, военного, экономического, культурного, социального, гражданско-правового характера. Юридический формат вызовов и угроз по каждому из представленных здесь направлений позиционно определяется через юридический факт злоупотребления правом, нарушения права. Случай военного противостояния (через вооруженное нападение по смыслу ст. 51 Устава ООН) в отношении Российского государства, помимо своей юридической запретности, в объективном порядке практически не приемлем в силу военного потенциала Вооруженных Сил России по пресечению любых агрессивных действий на всех этапах их реального проявления. Классификация перспективных вызовов и угроз в отношении Российской Федерации как правового государства, суверенного члена мирового сообщества, Великой державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН обозначает себя в параметрах не нанесения ущерба юридической безопасности страны (совокупность субъективных прав и законных интересов) по линии политического (1), военного (2), экономического (3), культурного (4), социального (5), гражданско-правового (6) позиционирования России в современном миропорядке.

Позиционно ущербность юридической безопасности России, как она проявляет себя в политической, военной, экономической, культурной, социальной, гражданско-правовой сфере, устанавливается по обстоятельствам злоупотребления правом

(в параметрах недобросовестного выполнения международных обязательств применительно к России) либо прямого нарушения права в ситуации общей востребованности добросовестно выполнять весь объем принятых на себя международных обязательств (п. 2 ст. 2 Устава ООН). Формат военного противостояния в отношении Российской Федерации по обстоятельствам общепризнанного неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону от совершенного акта вооруженного нападения представляется как выходящий за пределы принципа разумности в силу способности Вооруженных Сил Российской Федерации решить проблему по подавлению агрессии в самые кратчайшие сроки.

Российский потенциал ядерного, гиперзвукового и лазерного задействования в объективном порядке обеспечивает надлежащую защиту государственного суверенитета, территориальной целостности и политической независимости России как полноправного члена мирового сообщества, Великой державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН. Международно-правовая статусность постоянного члена Совета Безопасности для Российской Федерации определяется в силу того обстоятельства, что все непроцедурные вопросы, представленные на рассмотрение Совета Безопасности ООН, решаются по обстоятельствам совпадающего голоса всех пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, одним из которых собственно и является Российская Федерация (ст. 27 Устава ООН).

Перевод позитива международно-правовой включенности Российской Федерации в современный миропорядок в позитив реального юридического действия

осуществляется по факту последовательного внешнеполитического курса России на поддержание целостности системы современного международного права. И здесь все потенциально возможные вызовы и угрозы национальной безопасности с учетом национальных интересов Российской Федерации решаются в режиме активного международно-правового позиционирования России как субъекта международного права, показательно заинтересованного в обеспечении целостности системы современного международного права. Позитив реального юридического действия со стороны Российской Федерации в параметрах конкретной ситуации проявляет себя не просто в плане пресечения любых актов злоупотребления правом или нарушения права, а уже в плане недопущения и исключения из системы современных международных правоотношений всех преступных деяний по линии преступлений международного характера (затрагивающих интересы нескольких государств и влекущих неизбежность наказания посредством применения института экстрадиции) и международных преступлений (затрагивающих интересы всего мирового сообщества в целом и влекущих неизбежность наказания посредством задействованности органов международно-правосудия).

Однозначность международно-правовой включенности Российской Федерации обозначена по обстоятельствам предметной заинтересованности России в поддержании юридической действенной международной системы военной безопасности. Военная безопасность каждого члена мирового сообщества в параметрах системы ООН в объективном порядке сопряжена с военной безопасностью всего мирового

сообщества в целом. И здесь логика права понятно воспринимаема: целостность системы современного международного права напрямую выходит на целостность системы универсальной международной безопасности.

Выступая с международно-правовой позиции по обеспечению выполняемости всеми государствами – членами ООН своих международных обязательств на основе принципа добросовестности (п. 2 ст. 2 Устава ООН), Российская Федерация тем самым предопределяет режим поведения государств – участников системы современных международных отношений в плане недопустимости злоупотребления правом, нарушения права, военного противостояния. Позитив права тем самым затрагивает все государства (в том числе и Российскую Федерацию) и предметно касается их. Активная международно-правовая позиция России по поддержанию целостности системы современного международного права в своем логическом включении последовательно содействует исключению всего конгломерата вызовов и угроз в отношении Российской Федерации по всем известным стратегическим операционным направлениям. Объективная констатация позитива правоприменительной практики Российской Федерации по обеспечению добросовестного выполнения всеми государствами – членами системы ООН своих международных обязательств предопределяет поступательное развитие современного миропорядка во времени и пространстве.

Статусность России как мировой державы; показательно юридически значимая международно-правовая позиция; военный потенциал уже не просто как фактор сдерживания, а именно как фактор под-

держания универсальной военной безопасности – все эти компоненты в совокупности работают в позитиве юридического действия применительно к корпусу классификационных показателей ущербности поведения: злоупотребление правом, нарушение права, режим военного противостояния.

Проводя присущую ей политику целостности системы современного международного права и универсальной военной безопасности, Российская Федерация своим местом в формате международных правоотношений выступает как гарант права, справедливости, безопасности по всему спектру международных преступлений (преступления против мира и безопасности человечества; военные преступления; геноцид; экоцид; биоцид; апартеид; рабство и работорговля; терроризм; наемничество) и преступлений международного характера (угон самолетов; захват заложников; преступления против лиц, пользующихся международной защитой; пиратство; контрабанда; распространение наркомании и незаконная торговля наркотиками; подделка денег и ценных бумаг; посягательство на национально-культурное наследие народов; распространение порнографии; столкновение морских судов и неоказание помощи на море; преступления, совершаемые на континентальном шельфе; разрыв или повреждение подводного кабеля; незаконное радиовещание)². Значимость международно-правового вклада России в дело укрепления международного правопорядка проявляет себя по предмету своей юридической востребованности: 1) целостность системы современного

международного права; 2) универсальная военная безопасность в рамках системы Организации Объединенных Наций.

Международно-правовое позиционирование Российской Федерации в системе Организации Объединенных Наций. Международно-правовой позитив внешнеполитического курса Российской Федерации как Великой державы, предметно заявившей о своей приверженности верховенству права, обозначен в формате содействия обеспечению универсальной военной безопасности как общей составляющей современного миропорядка. Позиционирование России в аспекте содействия универсальной военной безопасности установлено в строгих рамках равной безопасности для всех участников системы современных международных правоотношений без какой-либо заинтересованности односторонних преимуществ. Именно так в конкретных параметрах всеобщего юридического интереса всех государств – членов мирового сообщества трактуют понятие «универсальная военная безопасность» наука и практика современного международного права. Универсальная военная безопасность как юридическая категория в аспекте принципа суверенного равенства государств ориентирована на установление равных уровней безопасности участников всеобщей системы международной безопасности согласно Уставу ООН.

Практическая результативность включенности Российской Федерации в систему международных правоотношений определяется содействием выполнению положений Устава ООН о востребованности добросовестного соблюдения всеми государствами – членами ООН своих обязательств.

² См. подробнее: Международное уголовное право: учеб. пособие / под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1999. С. 126 – 180.

В п. 2 ст. 2 Устава ООН определена четкая взаимосвязь между должным поведением и получаемыми от этого преимуществами. «Все члены Организации Объединенных Наций добросовестно выполняют принятые на себя по настоящему Уставу обязательства, чтобы обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности к составу Членов Организации». Понятия «все члены Организации Объединенных Наций», «им всем в совокупности», «принадлежности к составу Членов Организации» четко обозначают существование определенного юридического пространства, где все члены (участники) этого пространства в режиме верховенства права Rule of Law осуществляют такое юридически значимое, правомерное с точки зрения справедливости поведение, которое дает им всем соответствующие преимущества. Российская Федерация как добросовестный участник системы международных правоотношений в режиме суверенного равенства всех участников, но в фактическом качестве Великой державы, постоянного Члена Совета Безопасности ООН направляет свои усилия на обеспечение выполнения со стороны всех других членов ООН своих международных обязательств на основе принципа добросовестности.

Институт имплементации норм международного права как целостный по форме и законченный по содержанию. Институт имплементации норм международного права в параметрах своего регулятивного воздействия носит целостный по форме и законченный по содержанию характер. По своей юридической значимости институт имплементации содействует переводу (трансформации) норм одной си-

стемы права (международное право) в другую систему права (внутригосударственное право).

Российская Федерация как Великая держава, постоянный член Совета Безопасности ООН в рамках своего внешнеполитического курса по обеспечению международного правопорядка выполняет все свои международные обязательства независимо от источника их возникновения исключительно на основе принципа добросовестности *bonafide*.

В порядке подтверждения в лице Президента Российской Федерации В.В. Путина (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.) заявленной приверженности Российской Федерации верховенству права Российская Федерация уже на законодательном уровне проводит весь комплекс надлежащих мер по реализации заложенных в данных актах обязательств. Посредством института имплементации осуществляется процедура по переводу (трансформации) принятых Россией на международном уровне обязательств в сферу регулятивного воздействия внутригосударственного законодательства. Процедура упорядочена, точна и неукоснительно выполняется по закону и по факту.

На законодательном уровне принимаются надлежащие юридические акты (законы), которые, собственно, и выполняют возложенную на них миссию по переводу (трансформации) договорных обязательств в систему внутригосударственных актов.

В параметрах признанного на конституционном уровне формата правового, социального и демократического государства в Российской Федерации установлен режим верховенства права. При этом, как спра-

ведливо отметил профессор Е.Т. Усенко, нормы международного договора, становясь частью права Российской Федерации, сами по себе не изменяют и, собственно, не могут изменить или отменить нормы общего законодательства, а действуют как специальные нормы, предназначенные для регулирования правоотношений по факту заключенного международного договора³. Конкретно проблема урегулируется следующим образом. При обстоятельствах коллизии между правилами международного договора Российской Федерации и правилами закона Российской Федерации суд как орган правосудия призван содействовать поддержанию верховенства права и обеспечивать целостность конституционно-правового пространства Российской Федерации.

Международное право и внутригосударственное право действительно, как правильно отмечают профессор Г.В. Игнатенко и профессор О.И. Тиунов⁴, могут иметь «совмещенный предмет регулирования». Режим верховенства права являет собой основу международно-правового и государственно-правового строительства России как суверенного государства.

Констатация востребованности поддержания режима верховенства права в параметрах российского конституционно-правового пространства имеет практический и теоретический аспект. В практическом плане за Россией подтверждается качество правового, социального, демократического государства – добросовестного участника системы международных правоотношений. С точки зрения теории права здесь вполне обоснованно звучит тезис, согласно

которому международное и внутригосударственное право входят как составные части в формирующийся «всемирный правовой комплекс»⁵.

Международное право не предписывает, каким образом государство осуществляет реализацию взятого на себя международно-правового обязательства, так как это целиком лежит в плоскости осуществления государственного суверенитета, но государство обеспечивает выполнение международного договора всеми находящимися в его распоряжении властными действиями в соответствии с конституционными и иными предписаниями⁶.

Взаимодействие международного и внутригосударственного права на нынешнем этапе развития мирового сообщества идет в режиме признания верховенства права как в параметрах межгосударственных отношений, так и сугубо во внутригосударственных рамках.

Россия по факту своей включенности в общемировой процесс развития в качестве Великой державы обеспечивает соблюдение верховенства права по всем направлениям регулятивного воздействия международного и внутригосударственного права.

Институт имплементации норм международного права в правовой системе Российской Федерации имеет свое предметное значение и в аспекте реализации норм права вооруженных конфликтов в параметрах российского законодательства. Свое предметное регулятивное воздействие (в аспекте соотношения права вооруженных конфликтов и российского законодательства) институт имплементации, как справедливо

³ Международное право: учеб. / отв. ред. Е.Т. Усенко, Г.Г. Шинкаревич. М., 2003. С. 29.

⁴ Международное право: учеб. / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 2009. С. 28 – 36.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ Чернявский А.Г., Синяева Н.А., Самодуров Д.И. Международное право: учеб. М., 2019. С. 89 – 106.

отметил профессор С.А. Егоров, осуществляет по двум направлениям: 1) по линии трансформации международных обязательств в рамках права вооруженных конфликтов в нормы внутригосударственного права России; 2) по направлению установления уголовно-правовой ответственности за несоблюдение (в режиме принципа добросовестности) или нарушение международных предписаний должного поведения⁷.

В своем предметном порядке имплементация норм международного права (конкретно права вооруженных конфликтов) в правовой системе Российской Федерации идет в параметрах установлений Женевских конвенций 1949 г. о защите жертв войны и Дополнительных протоколов I и II 1977 г.

При обстоятельствах оперативного использования формирований Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации (ст. 10.1 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ) личный состав формирований Вооруженных Сил Российской Федерации добросовестно выполняет весь комплекс правовых норм, регулирующих юридический статус их пребывания на территории соответствующего иностранного государства. Сюда входит совокупность норм международного и внутригосударственного права конкретной страны – члена мирового сообщества. В порядке востребованности по линии институтов системы ООН и Международного Комитета Красного Креста⁸ установлена необходимость распространения норм права вооруженных конфликтов на всех уровнях. Позиционирование режима верховенства

права⁹ в аспекте образования юридического фундамента системы международных отношений обозначает себя в качестве основополагающего фактора современного международного правопорядка, в котором согласно п. 4 ст. 2 Устава ООН установлен запрет угрозы силой или ее применения.

На институционно-правовом поле Российской Федерации, констатируется в ст. 10.1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ, решение об оперативном использовании за пределами территории Российской Федерации формирований Вооруженных Сил Российской Федерации принимается Президентом Российской Федерации на основании соответствующего постановления Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Общая численность формирований Вооруженных Сил Российской Федерации, районы их действий, стоящие перед ними задачи и срок использования этих формирований определяются Президентом Российской Федерации.

Позиционирование России в системе современных международных отношений определяется правовым статусом России как Великой державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН (п. 1 ст. 23 Устава ООН), а также самим характером мирового порядка, в основе которого лежит заявленная приверженность государств – членов ООН верховенству права. Именно в аспекте активного участия России как правового, демократического, социального государства в мировом строительстве на основе верховенства права обозначаются, справедливо отмечают российские ученые¹⁰, перспективы развития Российского государства в XXI в.

⁷ Егоров С.А. Вооруженные конфликты и международное право. М., 2003. С. 260.

⁸ См. по данному вопросу: Арцибасов И.Н., Егоров С.А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М., 1989. С. 178 – 180.

⁹ Каламкарян Р.А. Господство права Rule of Law в международных отношениях. М., 2004. С. 9 – 91.

¹⁰ Российское правовое государство: Итоги формирования и перспективы развития. М., 2004. С. 5 – 6.

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ОПАСНОЙ ВОЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ИНЦИДЕНТОВ И ПРОИСШЕСТВИЙ НА МОРЕ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ВОЕННОГО МОРЕПЛАВАНИЯ

(краткий анализ современных положений международного права)

О.Ю. Петров,

кандидат юридических наук

В статье на современных примерах создания предпосылок к морским происшествиям и инцидентам осуществляется практический правовой анализ нарушений международных правил предупреждения столкновений судов в море, указываются неправомерные действия командования военного корабля ВМС США, последствия и возможные меры международно-правовой ответственности.

Рассматривая указанный выше важный аспект обеспечения безопасности военного мореплавания, отметим, что научно-технический прогресс, значительное увеличение численности военных кораблей и судов, усиление интенсивности военного мореплавания во многих районах Мирового океана, увеличение количества аварийных происшествий и инцидентов поставили перед международным сообществом серьезный вопрос о необходимости специального международно-правового регулирования безопасности военного мореплавания.

Современное состояние международного права и готовность к решению возникающих проблем, связанных с военно-морской деятельностью государств. Применение военно-морских сил государств в операциях по предотвращению международного терроризма и пиратства, увеличение количества военных учений, в том числе международных, практического применения военных флотов государств, наличие на военных кораблях современных

систем вооружения, в том числе и ядерного, ставят задачу обеспечения предотвращения происшествий и инцидентов при осуществлении военно-морской деятельности на первый план общей проблемы мира и безопасности¹. С.В. Молодцов высказывал мнение о том, что международные соглашения способны решить эту задачу².

При осуществлении военного мореплавания важное значение имеют международно-правовые нормы по предотвращению инцидентов и опасной военно-морской деятельности. Отношения между ведущими мировыми державами, обладающими развитыми военно-морскими силами, как правило, регулируются международными договорами.

1. Первую группу составляют соглашения по предотвращению инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним.

¹ Петров О.Ю. Международно-правовое регулирование военного мореплавания: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

² Молодцов С.В. Международное морское право. М., 1987. 272 с.

1.1. Регламентация деятельности сил военных флотов государств применительно к периоду мирного времени направлена на исключение опасных элементов в эволюциях корабельных соединений, а также предотвращение рискованных и двусмысленных, противоречащих нормам международного права решений командиров кораблей и военных летательных аппаратов, могущих повлечь аналогичные действия противоположной стороны.

1.2. На практике указанные соглашения показали достаточную эффективность и продемонстрировали реальную возможность правового воздействия на организацию использования сил флотов не только в районах интенсивного судоходства, но и в зонах ведения военных действий, проведения крупномасштабных морских и океанских учений сил флотов, в частности в Атлантическом и Тихом океанах, в Персидском заливе и Аравийском море.

1.3. Кроме того, опыт практического использования, в частности, советско-американского Соглашения 1972 г. не только доказал эффективность этого документа, но и показал его восприимчивость к изменяющейся международно-правовой нормативной базе, дополняя и совершенствуя содержание принятием протоколов к соглашению³.

1.3.1. Так, на введение Конвенцией ООН 1982 г. по морскому праву института исключительной экономической зоны советско-британское Соглашение 1986 г. отреагировало, распространив свое действие на пространства, расположенные за пределами территориальных вод⁴.

³ Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединенных Штатов Америки о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним (Москва, 25 мая 1972 г.) (с изменениями и дополнениями, внесенными по договоренности Сторон в 1979 и 1986 гг.).

⁴ Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о

1.3.2. Советско-германское соглашение 1988 г. уточнило положения п. 6 ст. III в части включения воздушных судов в объекты, в отношении которых не должна предприниматься имитация атак.

1.3.3. Советско-французское соглашение 1989 г. термин «самолет» заменило термином «воздушное судно»⁵.

1.3.4. Советско-итальянское соглашение 1989 г. конкретизировало положения ст. II и дополнило п. 6 ст. III порядком использования лазеров⁶.

1.4. Следует отметить как положительное, что соглашения – своего рода уникальные формы, которые с небывалой для международно-правовых документов быстротой реагируют на изменения, происходящие в отношениях между государствами при осуществлении военно-морской деятельности.

Возможно, одна из основных причин, позволяющая относить соглашения по предотвращению инцидентов к наиболее эффективным международно-правовым документам, – это процедура внесения необходимых изменений в их содержательную часть. Она предполагает периодические консультации представителей сторон для анализа складывающейся практики применения норм указанных соглашений и определения мер по обеспечению более высокого уровня безопасности военного мореплавания своих кораблей и полетов

предотвращения инцидентов на море за пределами территориальных вод (Лондон, 15 июля 1986 г.) (текст Соглашения официально опубликован не был).

⁵ Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Французской Республики о предотвращении инцидентов на море за пределами территориальных вод (Париж, 4 июля 1989 г.) (текст Соглашения официально опубликован не был).

⁶ Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Итальянской Республики о предотвращении инцидентов на море за пределами территориальных вод (Рим, 30 ноября 1989 г.) (текст Соглашения официально опубликован не был).

летательных аппаратов за пределами территориальных вод.

1.5. Однако на практике продолжают отмечаться случаи опасного маневрирования кораблей и летательных аппаратов, имитации атак, выпуска с кораблей сигнальных ракет в направлении кораблей и летательных аппаратов другой стороны, отклонения в использовании специальных сигналов.

Так, в ходе консультаций экспертов ВМФ России и ВМС Норвегии, состоявшихся в 2004 г., были рассмотрены случаи нарушения положений Соглашения с обеих сторон, дана правовая оценка и выработаны рекомендации по недопущению подобных нарушений впредь.

2. Вторую группу соглашений, направленных на предотвращение применения силы в случае возникновения инцидентов на море, составляют соглашения, получившие типовое название «О предотвращении опасной военной деятельности». Закрепленные в них нормы запрещают применение силы против любого корабля или самолета сторон в случае их непреднамеренного вхождения в пределы государственного пространства другой страны.

2.1. Стороны должны принимать меры для оперативного обеспечения прекращения и урегулирования мирными средствами, не прибегая к угрозе силой или ее применению, любых инцидентов, которые могут возникнуть вследствие опасной военной деятельности.

2.2. В интересах взаимной безопасности персонала вооруженных сил стороны должны проявлять величайшую осторожность и благоразумие при военно-морской деятельности, осуществляемой вблизи иностранной государственной территории⁷.

⁷ Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Греческой

2.3. Если в силу форс-мажорных обстоятельств или вследствие непреднамеренных действий (они указаны в п. «а» ст. II соглашений) персонал (техника) вооруженных сил одной стороны входит в пределы государственной территории другой, то этот персонал должен следовать определенным процедурам (они предусмотрены приложениями 1 и 2 к соглашениям).

2.4. Практическая эффективность применения положений соглашения закрепляется тем, что стороны ввели в действие процедуры установления и поддержания связи и процедуры урегулирования инцидентов, связанных с вхождением в пределы государственной территории.

2.5. Соглашения являются своего рода международно-правовым руководством для каждого командира корабля, поскольку содержат исчерпывающий перечень запрещенных действий в отношении стороны соглашения. На современном этапе развития международного морского права соглашения удовлетворяют договаривающиеся стороны и достаточно эффективно обеспечивают безопасность военного мореплавания в своем секторе правового регулирования. Возможно, по мере развития военного мореплавания,

Республики о предотвращении опасной военной деятельности (Москва, 23 июля 1991 г.). В соответствии с положениями Соглашения каждая Сторона предпринимает необходимые меры, направленные на предотвращение опасной военной деятельности, которой является деятельность персонала (техники) ее вооруженных сил, осуществляемая им вблизи от персонала (техники) вооруженных сил другой Стороны в мирное время:

а) вхождение персонала (техники) вооруженных сил одной Стороны в пределы государственной территории другой Стороны, совершаемое в силу форс-мажорных обстоятельств или вследствие непреднамеренных действий этого персонала;

б) применение лазеров таким образом, когда их излучение может причинить вред персоналу или нанести ущерб технике вооруженных сил другой Стороны;

в) затруднение действий персонала (техники) вооруженных сил другой Стороны в районе особого внимания таким образом, что это может причинить вред персоналу или нанести ущерб технике;

г) создание помех сетям управления, которые могут привести к причинению вреда персоналу или нанесению ущерба технике вооруженных сил другой Стороны.

роста количества стран, участвующих в нем, положительный международно-правовой опыт указанных соглашений будет подвергнут кодификации и реализован в виде международной конвенции по предотвращению инцидентов и опасной военной деятельности, носящей всеобщий характер.

3. Третья группа – это международные соглашения, устанавливающие требования по предотвращению столкновений судов в море, которые обеспечиваются решением следующих задач⁸:

- выработка международных правил предупреждения столкновений судов;

- установление систем разделения движения судов в районах интенсивного судоходства;

- соблюдение и выполнение всеми участниками международного судоходства международных правил предупреждения столкновений судов.

Современные международно-правовые нормы безопасности на море были разработаны на международной конференции в Лондоне в 1972 г. Конференция закончилась принятием международных правил предупреждения столкновения судов в море (далее – МППСС-72), которые вступили в силу в 1977 г.⁹

3.1. Названные международные правила распространяются на все без исключения суда в открытом море и соединенных с ним водах, по которым могут плавать морские суда. Правила не препятствуют действию особых национальных норм, установленных соответствующими властями относительно плавания на акваториях рейдов, портов, на реках, озерах, по внутренним водным путям, соединенным с открытым морем, по которому могут пла-

вать морские суда. Эти особые внутригосударственные правила настолько это возможно должны быть близки к международным.

3.1.1. Согласно Правилу 2 ничто в МППСС не может освободить ни судно, ни его владельца, ни капитана, ни экипаж от ответственности за последствия, которые могут произойти от невыполнения МППСС-72¹⁰.

3.1.2. Опасности плавания и столкновения при особых обстоятельствах (включая особенности самих судов) могут вызвать необходимость отступить от МППСС для избежания непосредственной опасности. При этом МППСС-72 определяют, что «каждое судно должно постоянно вести надлежащее визуальное и слуховое наблюдение, так же как и наблюдение с помощью всех имеющихся средств, применительно к преобладающим обстоятельствам и условиям, с тем чтобы полностью оценить ситуацию и опасность столкновения»¹¹.

3.1.3. В дополнение к сказанному каждое судно должно всегда следовать с безопасной скоростью, с тем чтобы оно могло предпринять надлежащее и эффективное действие для предупреждения столкновения и могло быть остановлено в пределах расстояния, требуемого при существующих обязательствах и условиях. При выборе безопасной скорости следующие факторы должны быть в числе тех, которые надлежит учитывать¹²:

Всем судам:

- состояние видимости;
- плотность движения, включая скопление рыболовных или любых других судов;

¹⁰ Конвенция о международных правилах предупреждения столкновения судов в море.

¹¹ Конвенция о международных правилах предупреждения столкновения судов в море. Правило 5. Наблюдение.

¹² Там же. Конвенция о международных правилах предупреждения столкновения судов в море. Правило 6. Безопасная скорость.

⁸ Петров О.Ю. Международно-правовое регулирование военного мореплавания.

⁹ Конвенция о международных правилах предупреждения столкновения судов в море 1972 г. (МППСС-72). М., 1973.

– маневренные возможности судна и, особенно, расстояние, необходимое для полной остановки судна, и поворотливость судна в преобладающих условиях;

– ночью – наличие фона освещения как от береговых огней, так и от рассеяния света собственных огней;

– состояние ветра, моря и течения и близость навигационных опасностей;

– соотношение между осадками и имеющимися глубинами.

Дополнительно судам, использующим радиолокатор:

– характеристики, эффективность и ограничения радиолокационного оборудования;

– любые ограничения, накладываемые используемой радиолокационной шкалой дальности;

– влияние на радиолокационное обнаружение состояния моря и метеорологических факторов, а также других источников помех;

– возможность того, что радиолокатор может не обнаружить на достаточном расстоянии малые суда, лед и другие плавающие объекты;

– количество, местоположение и перемещение судов, обнаруженных радиолокатором;

– более точную оценку видимости, которая может быть получена при радиолокационном измерении расстояния до судов или других объектов, находящихся поблизости.

3.1.4. При этом «каждое судно должно использовать все имеющиеся средства в соответствии с преобладающими обстоятельствами и условиями для определения наличия опасности столкновения. Если имеются сомнения в отношении наличия опасности столкновения, то следует считать, что она существует».

3.1.5. Установленное на судне исправное радиолокационное оборудование должно использоваться надлежащим образом, включая наблюдение на шкалах дальнего обзора в целях получения заблаговременного предупреждения об опасности столкновения, а также радиолокационную прокладку или равноценное систематическое наблюдение за обнаруженными объектами. Предположения не должны делаться на основании неполной информации, и особенно радиолокационной.

3.1.6. При определении наличия опасности столкновения необходимо прежде всего учитывать следующее:

– опасность столкновения должна считаться существующей, если пеленг приближающегося судна заметно не изменяется;

– опасность столкновения может иногда существовать даже при заметном изменении пеленга, в частности при сближении с очень большим судном или буксиром или при сближении судов на малое расстояние¹³.

Таким образом, международно-правовое регулирование безопасности судоходства вообще и военного мореплавания в частности находится на современном уровне, позволяющем, при условии надлежащего выполнения соответствующих требований, эффективно предупреждать возможные столкновения судов в море¹⁴.

4. Очевидно, что влияние современного международного права на безопасность военного мореплавания носит всеобъемлющий характер, тем не менее, создание предпосылок к возникновению инцидентов

¹³ Конвенция о международных правилах предупреждения столкновения судов в море. Правило 7. Опасность столкновения.

¹⁴ Петров О.Ю. О некоторых международно-правовых аспектах международно-правовой ответственности при осуществлении государствами военно-морской деятельности // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 1. С. 103 – 110.

с участием военных кораблей и судов при осуществлении военно-морской деятельности государств не теряет своей актуальности. Рассмотрим практическую ситуацию.

4.1. Как стало известно, 9 января 2020 г. произошел инцидент в Аравийском море, когда ракетный эсминец ВМС США “USS Farragut” совершил опасный маневр, сблизившись с разведывательным кораблем Черноморского флота ВМФ России «Иван Хурс». При этом в распространенном сообщении пресс-службы 5-го флота ВМС США¹⁵ было указано, что командование “USS Farragut” было вынуждено прибегнуть к звуковой сигнализации в соответствии с международными правилами предупреждения столкновения судов в море для оповещения русского корабля об опасном сближении и требованиями изменить курс. В сообщении отмечалось, что российское судно приблизилось к эсминцу на 60 метров, проигнорировав сигналы об опасном сближении.

4.2. Во встречном сообщении Министерства обороны Российской Федерации, поступившем в «Интерфакс», указывалось, что «именно эсминец ВМС США, находясь слева по курсу от двигавшегося вперед российского военного корабля, 9 января 2020 года грубейшим образом нарушил международные правила предупреждения столкновения судов в море, совершив маневр на пересечение его курса». В тексте указано, что действия экипажа американского эсминца были сознательным нарушением международных норм безопасности мореплавания. «Экипаж российского военного корабля действовал профессионально, предприняв маневр, который позволил предотвратить столкновение с кораблем-нарушителем»¹⁶.

¹⁵ URL: <https://rusvesna.su/news/15...>

¹⁶ URL: <https://www.interfax.ru/rus...>

4.3. Технические и погодные условия позволили зафиксировать факт нарушения правил военным кораблем ВМС США, что подтверждается видеокдрами с борта американского эсминца 5-го флота ВМС США, опубликованными в дальнейшем в твиттере. Именно этот видеоматериал позволяет специалистам в области международного морского права детально оценить практические действия сторон по соблюдению МППСС-72, сделав обоснованные выводы.

4.4. Рассматривая произошедший инцидент, следует отметить, что в ситуациях, несущих риск столкновения, «когда два судна с механическими двигателями идут пересекающимися курсами так, что возникает опасность столкновения, то судно, которое имеет другое на своей правой стороне, должно уступить дорогу другому судну и при этом оно должно, если позволяют обстоятельства, избегать пересечения курса другого судна у него по носу»¹⁷.

4.5. Кроме того, МППСС-72 четко устанавливают действия для предотвращения столкновения:

– любое действие, предпринимаемое для предупреждения столкновения, если позволяют обстоятельства, должно быть уверенным, своевременным и соответствовать хорошей морской практике;

– любое изменение курса и (или) скорости, предпринимаемое для предупреждения столкновения, если позволяют обстоятельства, должно быть достаточно большим, с тем чтобы оно могло быть легко обнаружено другим судном, наблюдающим его визуально или с помощью радиолокатора; следует избегать ряда последователь-

¹⁷ Конвенция о международных правилах предупреждения столкновения судов в море. Правило 15. Ситуация пересечения курсов.

ных небольших изменений курса и (или) скорости;

– если имеется достаточное водное пространство, то изменение только курса может быть наиболее эффективным действием для предупреждения чрезмерного сближения при условии, что изменение сделано заблаговременно, является существенным и не вызывает чрезмерного сближения с другими судами;

– действие, предпринимаемое для предупреждения столкновения с другим судном, должно быть таким, чтобы привести к расхождению на безопасном расстоянии;

– эффективность этого действия должна тщательно контролироваться до тех пор, пока другое судно не будет окончательно пройдено и оставлено позади;

– если необходимо предотвратить столкновение или иметь больше времени для оценки ситуации, судно должно уменьшить ход или остановиться, застопорив свои движители или дав задний ход;

– судно, обязанное согласно какому-либо из Правил не затруднять движение или безопасный проход другого судна, должно, когда этого требуют обстоятельства, предпринять заблаговременные действия с тем, чтобы оставить достаточное водное пространство для безопасного прохода другого судна;

– судно, обязанное не затруднять движение или безопасный проход другого судна, не освобождается от этой обязанности при приближении к другому судну так, что возникает опасность столкновения, и должно, предпринимая свои действия, полностью учитывать те действия, которые могут потребоваться согласно Правилам;

– когда два судна приближаются друг к другу так, что возникает опасность столкновения, судно, движение которого не

должно затрудняться, обязано полностью соблюдать Правила¹⁸.

4.6. Таким образом, проанализировав степень соблюдения сторонами требований МППСС-72, следует прийти к выводам, которые коррелируют с официальным заявлением Министерства обороны Российской Федерации¹⁹, в котором было указано, что:

– информация 5-го флота ВМС США не соответствует действительности;

– экипаж американского военного корабля действовал непрофессионально, поскольку в соответствии с требованиями МППСС-72 эсминец ВМС США, оказавшись слева от российского корабля, должен был уступить ему дорогу, но не сделал этого вопреки международным нормам, создав тем самым предпосылки к навигационному происшествию.

В российском военном ведомстве назвали действия американцев «сознательным нарушением международных норм безопасности мореплавания». При этом российский экипаж, указали в министерстве, действовал профессионально, совершив маневр, позволивший предотвратить столкновение.

Военные корабли, решая поставленные перед ними задачи, выполняют волю своего государства. Практически действуя от его имени, они должны соблюдать принятые им международные обязательства на необходимом уровне, не допускающем возникновения у государства флага международно-правовой ответственности²⁰.

¹⁸ Конвенция о международных правилах предупреждения столкновения судов в море. Правило 8. Действия для предупреждения столкновения.

¹⁹ URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/01/13/esminec-ssha-podrezal-rossiyskiy-razvedkorabl-ivan-hurs-v-araviyskom-more>

²⁰ Петров О.Ю. О некоторых международно-правовых аспектах международно-правовой ответственности при осуществлении государствами военно-морской деятельности. С. 103 – 110.

Из проведенного выше анализа ситуации следует еще один важный вывод: постоянно нарастающая в последнее время интенсивность военно-морской деятельности государств, практическое применение сил флота в международных операциях, наличие на современных кораблях мощных систем вооружения предъявляют высокие требования к профессиональной подготовке командиров военных кораблей, офицеров, осуществляющих непосредственное управление кораблем, несущих ходовую вахту и одновременно ответственность за безопасность мореплавания, недопущение морских происшествий и инцидентов.

Указанные выше факторы, в свою очередь, обуславливают современные требования к учебным программам подготовки указанных категорий военнослужащих по международному морскому праву, кораблевождению, морской практике, а также обосновывают требования к актуальности учебных программ, применению современных методик и методов обучения, направленных на повышение эффективности и гарантированное обеспечение необходимого и достаточного уровня подготовки специалистов, способных обеспечить безопасность военного мореплавания и международную безопасность в целом.

РОССИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД: ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Ю.Н. Румянцева,

кандидат экономических наук, кандидат юридических наук, доцент Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Иркутский институт (филиал)

В статье исследуются возможности эффективного взаимодействия России и Международного уголовного суда, критически оценивается принцип комплементарности как основополагающий принцип Римского статута, раскрываются некоторые проблемы имплементации отдельных положений международного уголовного права в национальное законодательство, что приближает нас к включению в систему международной уголовной юстиции.

Особое внимание уделяется опубликованным материалам Канцелярии Прокурора Международного уголовного суда по ситуациям на Украине и в Грузии. Несмотря на то что официальных судебных решений, фигурантами которых являлись бы граждане России, по состоянию на январь 2020 г. судом не принималось, в поле зрения автора находятся два отчета Канцелярии Прокурора Международного уголовного суда по Украине и Грузии, в соответствии с которыми фигурантами уголовных дел могут стать граждане России.

Автором ставится вопрос о том, означает ли отсутствие ратификации положений Римского статута, что страна остается вне системы международной уголовной юстиции. Делается вывод, что эффективное функционирование такого международного института, как Международный уголовный суд, без полноценного включения в эти процессы не только России, но также США и Китая выглядит просто невозможным.

Вместе с тем, по мнению автора, нельзя недооценивать роль общественности и правового сознания граждан в обеспечении прочного уважения и соблюдения международного правосудия.

Введение. Преамбула к Римскому статуту Международного уголовного суда гласит: «...самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества, не должны оставаться безнаказанными и их действительное преследование должно быть обеспечено как мерами, принимаемыми на национальном уровне, так и активизацией международного сотрудничества...»¹.

17 июля 1998 г. 120 государств приняли в Риме (Италия) Статут, известный как Римский статут Международного уголовного суда, тем самым учредив Международный уголовный суд (далее по тексту также – Суд, МУС) для судебного преследования лиц, совершивших наиболее тяжкие преступления.

Главная задача Международного уголовного суда состоит в том, чтобы «положить конец безнаказанности лиц, совершивших наиболее серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества, и тем самым содействовать предупреждению таких преступлений»².

Международный уголовный суд юридически является независимым органом, основная задача которого заключается в том, чтобы осуществлять правосудие в отношении конкретных лиц за преступления, подпадающие под его юрисдикцию, без необходимости получения специального манда-

та от Организации Объединенных Наций. 4 октября 2004 г. Международный уголовный суд и Организация Объединенных Наций подписали соглашение, регулирующее их институциональные отношения.

Предполагается, что никто не освобождается от уголовной ответственности перед Международным уголовным судом, даже действуя в качестве главы государства или правительства, министра или парламентария. Вместе с тем, Международный уголовный суд не исключает привлечение к ответственности лица, занимающего ответственное положение, за преступления, совершенные теми, кто действовал по его приказу или распоряжению. Точно так же амнистия не может использоваться в качестве защиты перед Международным уголовным судом. Иными словами, амнистия не является препятствием для осуществления Судом своей юрисдикции.

Россия подписала Римский статут 13 сентября 2000 г., но до 2016 г. не ратифицировала его³. 16 ноября 2016 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал распоряжение об отказе России участвовать в Римском статуте⁴.

Несмотря на то что Римский статут (далее по тексту также – Статут) не ратифицирован Российской Федерацией, его положения требуют всесторонней комплексной оценки, поскольку нельзя отрицать, что

¹ Римский статут Международного уголовного суда (принят 17 июля 1998 г. Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению МУС; вступил в силу 1 июля 2002 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute%28r%29.pdf (дата обращения: 06.01.2020).

² Understanding the International Criminal Court // International Criminal Court, ICC-PIDS-BK-05-008/13_Engl Updated on 4 July 2013. P. 1.

³ United Nations Treaty Database entry regarding the Rome Statute of the International Criminal Court. United Nations Treaty Database. ООН. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XVIII-10&chapter=18&lang=en (дата обращения: 04.01.2020).

⁴ О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда: распоряжение Президента Рос. Федерации от 16 нояб. 2016 г. № 361рп // Рос. газ. 2016. 18 нояб.

включение норм международного права во внутригосударственную правовую систему является правилом для большинства развитых государств. Вместе с тем, представляется совершенно очевидным, что сам факт юридического оформления того или иного согласия не является подтверждением наличия или отсутствия вовлеченности или оказываемого влияния на какой-либо процесс. Включенность России в международную нормативную систему в целом и в уголовную в частности определяется ее статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН и последовательностью курса на обеспеченность законности и правопорядка⁵.

Без преувеличения, Международный уголовный суд претендует на роль центра мировой уголовной юстиции, и от того, каким образом Россия будет осуществлять взаимодействие с этим институтом, возможно, во многом зависит интеграция нашей страны в систему мировой уголовной юстиции в целом, «ее востребованность к пресечению международных преступлений в предлагаемом формате»⁶.

Международный уголовный суд: модель юрисдикции и участие. По состоянию на ноябрь 2019 г. Римский статут ратифицировали 124 государства (124-м государством стал Сальвадор в июне 2016 г.), представляющие все регионы: Африку, Азиатско-Тихоокеанский регион, Восточную Европу, Латинскую Америку и страны Карибского бассейна, а также Западную Европу и Северную Америку.

В числе стран, не являющихся участниками Римского статута, наряду с Россией значатся США и Китай.

США подписали документ во время президентства Билла Клинтона (1993 – 2001). В 2002 г., когда главой государства был Джордж Буш-мл., было заявлено, что подпись утратила силу. Некоторые эксперты основную причину отказа от ратификации связывали с обеспокоенностью тем, что расследования могут быть начаты против американских военнослужащих, принимавших участие в операциях в Ираке (2003 – 2010) и в Афганистане (2001 – 2014)⁷.

Китай никогда не подписывал Римский статут и выступает против деятельности Международного уголовного суда на том основании, что данная деятельность направлена против суверенитета национальных государств. Кроме того, принцип комплементарности дает Суду возможность судить судебную систему нации, включение преступления агрессии ослабляет роль Совета Безопасности ООН, а право прокурора возбуждать судебное преследование может открыть суд для политического влияния⁸.

В соответствии с указанным принципом приоритет отдается национальным системам. Государства несут ответственность за привлечение к суду лиц, совершивших наиболее тяжкие преступления на своей территории и за ее пределами.

Фактически Римский статут создал модель юрисдикции, которая не согласуется ни с одной из существующих моделей национальной уголовной юрисдикции, ни с существующей в рамках трибуналов ad hoc международной уголовной юрисдикцией: в его основе лежит признание концепции Международного уголовного суда в каче-

⁵ *Белый И.Ю.* Универсальность системы международного уголовного правосудия // *Воен. аспекты междунар. права.* 2016. № 4. С. 80.

⁶ Там же. С. 93.

⁷ Международный уголовный суд. Досье. URL: <https://tass.ru/info/3789627> (дата обращения: 13.01.2020).

⁸ *Трикоз Е.Н.* Начало деятельности Международного уголовного суда: состояние и перспективы // *Журн. рос. права.* 2005. № 3. С. 134.

стве органа, дополняющего национальные судебные органы⁹.

Почему же все-таки Россия отозвала свою подпись под указанным документом? Ряд экспертов связывали отзыв подписи с опубликованным отчетом Канцелярии Прокурора Суда об «оккупации Крыма»¹⁰. В отчете содержалась информация о результатах предварительного расследования по событиям на Украине с 21 ноября 2013. В частности, проанализировав события на Майдане, в Крыму и на востоке Украины, прокурор приходит к выводу, что «ситуация на территории Крыма и Севастополя равнозначна международному вооруженному конфликту между Украиной и Российской Федерацией»¹¹.

Вместе с тем, пресс-секретарь Президента Российской Федерации Дмитрий Песков заявил, что выход из юрисдикции Международного уголовного суда продиктован «именно национальными интересами» и «никак не связан» с отчетом Канцелярии Прокурора Суда¹².

Сложно спорить с тем, что на оценку деятельности МУС требовалось определенное время. Существующий этап развития международных отношений оказался не готов к такому органу, как МУС. «Это показательный пример, когда международное право опередило международные отношения»¹³. Действительно, сложности

ратификации Римского статута для России связаны в первую очередь с тем, что Статут является международным договором жесткого типа, т. е. к нему нельзя сделать никаких оговорок. Так, например, Франция вносила изменения в конституцию, чтобы ратифицировать Статут¹⁴.

Как было отмечено ранее, предполагается, что Международный уголовный суд как институт должен являться центром мировой уголовной юстиции, но нельзя не отметить, что эффективность функционирования данного органа может быть, без преувеличения, поставлена под сомнение. Так, согласно официальному бюллетеню Суда¹⁵ за период функционирования МУС Прокурором было инициировано всего 11 расследований, проведено 10 предварительных экспертиз, выдано 34 ордера на арест, в том числе 16 ордеров были исполнены, а 3 ордера были отозваны после смерти подозреваемых, в суд было передано 27 дел.

Кроме того, в практике Суда имеется оправдательный приговор. Так, в январе 2019 г. невиновным в преступлениях против человечности (организация вооруженного конфликта из-за поражения на выборах, прошедших в 2010 г.) был признан бывший президент Республики Кот-д'Ивуар Лоран Гбагбо. Он предстал перед судом 30 ноября 2011 г., судебным решением в январе 2019 г. все выдвинутые обвинения в его адрес были сняты¹⁶.

(дата обращения: 13.01.2020).

⁹ Каюмова А.Р. Механизм позитивной комплементарности в современной практике Международного уголовного суда // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева. 2017. № 3. Т. 1.

¹⁰ Москва защитилась от Гааги. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2016/11/16/70557-pochemu-rossiya-otkazalas-ratifikirovat-rimskiy-statut-mezhdunarodnogo-ugolovnogogo-suda> (дата обращения: 13.01.2020).

¹¹ Отчет о действиях по предварительному расследованию (2016 г.). 14 ноября 2016 г. Ситуация в Украине. URL: <https://www.icc-cpi.int/iccdocs/otp/161114-otp-rep-PE-Ukraine.pdf> (дата обращения: 07.01.2020).

¹² Москва отказывается от международно-юридического наследия 90-х годов. URL: <https://vz.ru/politics/2016/11/16/844129.html> (дата обращения: 13.01.2020).

¹³ Эксперт: отказ России от участия в Римском статуте МУС вполне оправдан. URL: <https://ria.ru/20161116/1481505817.html>

¹⁴ Эксперт объяснил, почему Россия не будет участницей Римского статута МУС. URL: <https://www.mk.ru/politics/2016/11/16/ekspert-obyasn timer-pochemu-rossiya-ne-budet-uchastnicey-rimskogo-statuta-mus.html> (дата обращения: 13.01.2020).

¹⁵ The Court Today, ICC-PIDS-TCT-01-103/19_En, Updated: October 2019.

¹⁶ Решение судебной палаты Международного уголовного суда от 15 января 2019 г. по делу Лорана Гбагбо и Шарля Бле Гуде // International Criminal Court. Prosecutor v. Laurent Gbagbo and Charles Blé Goudé, ICC-02/11-01/15-T-232-FRA ET WT 15-01-2019 1/6 SZ T, Trial Chamber I, le 15 janvier 2019. URL:

Возможности применения юрисдикции МУС в отношении России. Официальных судебных решений, фигурантами которых являлись бы граждане России, по состоянию на январь 2020 г. МУС не принималось.

Вместе с тем, в ноябре 2016 г. был опубликован отчет Прокурора МУС о действиях по предварительному расследованию «Ситуации в Украине». Исследования касались событий на Майдане Независимости, в Крыму и Восточной Украине с 20 февраля 2014 г. Прокурор заключает, что «ситуация на территории Крыма и Севастополя равнозначна международному вооруженному конфликту между Украиной и Российской Федерацией». Канцелярия Прокурора полагает, что более подробный анализ «Ситуации в Украине» может показать наличие составов преступлений, подпадающих под действие ст. 5 Статута, которая, в частности, содержит военные преступления и преступления агрессии.

Кроме того, 27 января 2019 г. Палата предварительного производства Международного уголовного суда одобрила начало расследования военных преступлений, которые, возможно, были совершены в ходе вооруженного конфликта в Южной Осетии, Грузии и вокруг нее в период с 1 июля по 10 октября 2008 г. Запрос о начале расследования подала Прокурор МУС Фату Бенсуда.

Этому предшествовало проведение предварительного расследования – в октябре 2015 г. был опубликован отчет Прокурора МУС: «Резюме запроса Обвинением санкции на расследование в соответствии со статьей 15, Ситуация в Грузии»¹⁷.

https://www.icc-cpi.int/Transcripts/CR2019_00115.PDF (дата обращения: 07.01.2020).

¹⁷ Резюме запроса Обвинением санкции на расследование в соответствии со статьей 15. Ситуация в Грузии. 13 ок-

Согласно отчету «Прокурором собрана информация о предполагаемых преступлениях, приписываемых всем трем сторонам конфликта: грузинским вооруженным силам, российским вооруженным силам и южноосетинским силам». Это первое официальное расследование МУС, в котором фигурируют российские Вооруженные Силы.

Несмотря на то что Россия не является страной – участницей Римского статута, в отношении ее граждан могут осуществляться расследования МУС.

Так, по общему правилу Международный уголовный суд обладает юрисдикцией только в отношении событий, которые произошли после вступления в силу его Статута, т. е. с 1 июля 2002 г., если только это государство не сделало заявление о признании юрисдикции Суда в отношении какого-то преступления, не будучи государством-участником. Для нового государства-участника Статут вступает в силу в первый день месяца после 60-го дня, следующего за датой сдачи на хранение его ратификационной грамоты, документа о принятии, утверждении или присоединении.

Таким образом, государство, не являющееся участником Статута, может принять решение о признании юрисдикции Международного уголовного суда. По-видимому, это основание было положено в основу при проведении предварительного расследования Канцелярии Прокурора «Ситуации в Украине». Действительно, Римский статут не ратифицирован Украиной (был подписан 20 января 2000 г.). Тем не менее, согласно ст. 12 (3) Римского статута в соответствии с двумя декларациями, поданными правительством Украины 17 апреля 2014 г. и 8

тября 2015 г. URL: https://www.icc-cpi.int/iccdocs/otp/Art_15_Application_Summary-RUS.pdf (дата обращения: 07.01.2020).

сентября 2015 г., по мнению Канцелярии Прокурора МУС, Суд может осуществить юрисдикцию в отношении подпадающих под действие Римского статута преступлений, совершенных на территории Украины в период с 21 ноября 2013 г.

«В обоих случаях принятие осуществления юрисдикции МУС было сделано на основании деклараций Верховной Рады Украины (Парламент Украины), побуждающих принятие осуществления юрисдикции Суда в отношении преступлений, предположительно совершенных в течение соответствующих периодов времени».

Кроме того, согласно общему правилу Суд может осуществлять свою юрисдикцию в ситуациях, когда предполагаемый исполнитель является гражданином государства-участника или когда преступление было совершено на территории государства-участника. Предполагается, что это общее правило также распространяется на Россию как государство, не ратифицировавшее Римский статут.

Кроме того, как было отмечено выше, данные условия не распространяются на ситуации, когда Совет Безопасности ООН, действуя на основании гл. VII Устава ООН, передает ту или иную информацию Прокурору Суда¹⁸.

Таким образом, фактически можно сделать вывод, что юрисдикцию Международного уголовного суда можно распространить на все страны вне зависимости от наличия или отсутствия членства в Суде, равно как и вне зависимости от даты совершения предполагаемого преступления. К сожалению, ключевым в этом определении, по всей види-

мости, становится политическая воля на расследование того или иного преступления, что не может не подрывать доверие к Суду – международному институту, позиционирующему себя как беспристрастный и независимый орган международной уголовной юстиции.

Трактовка термина «агрессия» как препятствие к ратификации Россией положений Римского статута. Еще одним серьезным и пока непреодолимым препятствием для ратификации Римского статута является термин «агрессия», используемый МУС, вернее, его трактовка.

Попытки определить преступление агрессии на международном уровне предпринимались еще до Второй мировой войны (Декларация Лиги Наций об агрессивных войнах 1927 г., Пакт Бриана – Келлога 1928 г., Лондонские конвенции об определении агрессии 1933 г. и ряд других документов), однако универсального мирового признания эти определения не получили.

В 2010 г. в Римский статут внесены поправки, определившие признаки агрессии как международного преступления, а также разъяснившие правила осуществления юрисдикции Международного уголовного суда.

Статья 39 Устава ООН предполагает, что Совет Безопасности ООН определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и дает рекомендации или решает, какие меры следует предпринять в соответствии со ст.ст. 41 и 42 Устава ООН для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Так, установление юрисдикции Международного уголовного суда путем передачи ситуации Советом Безопасности ООН становится практически невозможным, если «заинтересованным» является государство – постоянный член Совета Безопасности. Поскольку при пере-

¹⁸ Устав ООН (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) // Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 12. М., 1956. URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-vii/> (дата обращения: 06.01.2020).

даче ситуации Советом Безопасности ООН совершенно неважно, согласилось ли «заинтересованное государство с юрисдикцией Суда в этом отношении». Говоря иначе, если имеется соответствующее решение Совета Безопасности ООН, оно (решение) подлежит принудительному исполнению вне зависимости от статуса участия в Римском статуте «заинтересованного государства» и признания им юрисдикции самого Международного уголовного суда.

Установление юрисдикции Международного уголовного суда путем передачи ситуации государством *proprío motu* серьезно ограничено положениями пп. 4, 5 ст. 15-bis Римского статута¹⁹.

Обобщая дискуссию в отечественной научной литературе по рассматриваемому вопросу, можно сделать вывод, что термин «агрессия» давно стал инструментом межгосударственной политической борьбы, но ни одного случая реального уголовного преследования на международном уровне за это преступление после Второй мировой войны не было²⁰. Об эффективном международном уголовном преследовании за преступление агрессии в настоящее время говорить невозможно, поэтому имеет смысл пересмотреть те нормы Римского статута, которые вызывают наиболее отрицательную реакцию у ведущих государств.

Заключение. Означает ли отсутствие ратификации положений Римского статута, что страна остается вне системы международной уголовной юстиции? С уверенностью можно ответить, что нет. Это

подтверждается содействием, осуществляемым нашей страной для обеспечения международной законности и правопорядка, международно-правовой позицией России по пресечению международных преступлений, поскольку общей задачей всего мирового сообщества является поддержание международного мира и безопасности²¹.

Вместе с тем, эффективное функционирование такого международного института, как МУС, без полноценного включения в этот процесс России, США и Китая выглядит просто невозможным.

Представляется целесообразным пересмотреть те нормы Римского статута, которые вызывают наибольшее неприятие со стороны указанных стран, для создания эффективной модели международного уголовного преследования не только в отношении преступлений агрессии, но и, шире, в свете становления и развития международной уголовной юстиции как таковой²².

Также нельзя недооценивать роль общественности и правового сознания граждан в обеспечении прочного уважения и соблюдения международного правосудия.

Сложно спорить также с тем, что «уголовному закону в части выполнения Россией своих международных обязательств предстоит пройти еще долгий путь». Вместе с тем, также совершенно очевидны «взаимные выгоды от этого процесса, так как международное сообщество ожидает от нас этого». Не менее важно и то, что шаги в этом направлении должны актуализировать российскую научную мысль, «намного отставшую здесь в своем развитии от мирового уровня»²³.

¹⁹ Кибальник А.Г. Преступление агрессии: обманутые ожидания международного уголовного права // Всерос. криминол. журн. 2019. Т. 13. № 2. С. 300 – 310.

²⁰ Сиякин И.И., Скуратова А.Ю. Определение преступления агрессии в Римском статуте Международного уголовного суда // Право международной безопасности: современное видение и сопутствующие проблемы межгосударственного сотрудничества: межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург, 2011. Вып. 3 (7). С. 34 – 42.

²¹ Белый И.Ю. Указ. соч. С. 93.

²² Кибальник А.Г. Указ. соч. С. 308.

²³ Есаков Г.А. Российский опыт криминализации серьезных нарушений норм международного гуманитарного права // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2015. № 3.

ВОЕННОЕ ПРАВО: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ, ДИСКУССИЯ О СООТНОШЕНИИ ОТРАСЛИ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Кудашкин,

доктор юридических наук, профессор

В статье анализируются понятие «военное право», его правовая сущность и содержание, дискуссионные вопросы терминологии и направления исследований. Статья написана в связи с подготовкой к проведению в августе 2020 г. международной научно-практической конференции на тему «Военное право в системе обеспечения национальной безопасности, развития оборонно-промышленного комплекса страны и реализации государственной политики в области военно-технического сотрудничества» (парк «Патриот», Кубинка, Московская область) и начинает серию статей по тематике конференции.

Защита Отечества является согласно Конституции Российской Федерации обязанностью и долгом российских граждан и, имея институциональную форму, реализуется различными правовыми средствами, в том числе учреждением военной службы как вида государственной службы. Взаимодействие государства и граждан по вопросам исполнения военной службы в современных непростых геополитических условиях приобретает особый характер и требует постоянного внимания со стороны государства и его органов, в том числе в связи с ожидаемым внесением изменений в Основной Закон Российской Федерации.

В России в ходе проводимых мероприятий в экономической, политической и социально-культурной сферах общественной жизни осуществляется комплекс мер, направленных на совершенствование государственного механизма, в частности той его части, в которой российскими гражданами исполняется военная служба, – *военной организации государства.*

Военнослужащим принадлежит важнейшая роль в решении задач обороны и безопасности государства и тем самым обеспечении возможности развития российского общества на демократических и правовых основах. Непрерывный процесс строительства военной организации государства (военного строительства) требует дальнейшего совершенствования законодательства об обороне и безопасности в целях оптимизации отношений той части государственного механизма, в которой учреждена военная служба, а также обеспечения законности в деятельности органов военного управления и должностных лиц, в том числе в вопросах соблюдения законных интересов военных органов и организаций, а также прав, свобод и законных интересов военнослужащих и членов их семей.

Несмотря на имевшие ранее место дискуссии¹, связанные с понятием военного права, его сущностью, местом в системе российско-

¹ См., напр.: Актуальные проблемы систематизации военного законодательства в Российской Федерации: материалы науч. семинара – круглого стола. Воен. ун-т. 20 октября 2004 г. // Рос. военно-правовой сб. 2004. № 2.

го права, все вопросы до настоящего времени не решены и точки не расставлены.

Для отдельных юристов военное право до настоящего времени остается «вещью в себе», высказывается мнение, что есть военные аспекты отдельных отраслей права и не более того.

Другая точка зрения заключается в том, что имеется обособленная предметная область правовых отношений, именуемых «военное право». Также следует в очередной раз отметить, что комплекс знаний о государственно-правовом содержании процессов и явлений, складывающихся в различных сферах военной деятельности государства, традиционно называется *военным правом*. Такой точки зрения придерживается автор настоящей статьи, которым был подготовлен соответствующий раздел в Большую российскую энциклопедию².

Традиционно понятие «военное право» рассматривается в трех аспектах: 1) как отрасль права, регулирующая определенную группу общественных отношений; 2) как наука (или область правоведения); 3) как учебная дисциплина, связанная с преподаванием военного права³. Перечисленные разновидности понятия «военное право» взаимосвязаны, но каждая из них имеет собственное содержание.

Военное право как *отрасль права* выступает в качестве отправного понятия для отраслевой юридической науки и учебной дисциплины.

Отрасли права отличаются друг от друга, прежде всего, предметом регулирования, т. е. определенным видом общественных отношений, на которые направлено воздействие норм данной отрасли права.

Общим предметом военного права являются общественные отношения, складывающиеся в области военной деятельности государства, «ядро» которых составляют следующие группы:

Отношения, складывающиеся в сфере обеспечения обороны страны и безопасности государства военными методами; подготовки и применения в этих целях всех элементов военной организации государства; военного строительства; управления военной организацией государства и ее всестороннего обеспечения.

Отношения, связанные с исполнением воинской обязанности, поступлением на военную службу по контракту, прохождением военной службы, а также статусом военнослужащих.

Отношения, связанные с поддержанием воинской дисциплины, законности и правопорядка, деятельностью органов военной юстиции.

Отношения, регулируемые нормами международного права, связанные с вопросами военного сотрудничества, а также ответственности за нарушение норм международного гуманитарного права.

Смежные вопросы или специальный предмет касаются отношений, связанных с перечисленными выше, но в то же время носящих вспомогательный (обеспечивающий) характер (например, отношения по поставкам вооружений и военной техники, отношения в области военно-технического сотрудничества с иностранными государствами, гражданского контроля за военной деятельностью государства и др.).

В Российской Федерации действует значительное количество норм, которые нельзя отнести к той или иной традиционной отрасли права. Такие нормы содержатся, например, в Федеральном конституционном законе «О военном положении», федеральных законах «Об обороне», «О воинской обязанности

² Военное право // Большая Российская энциклопедия. Т. 5. М., 2006.

³ См., напр.: Военное право: учеб. / под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина. М., 2004.

и военной службе», «О статусе военнослужащих», «О материальной ответственности военнослужащих», Положении о порядке прохождения военной службы, общевоинских уставах и ряде других актов. Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что *военное право является комплексной отраслью права*, в которую, наряду с нормами военного права, регулируемыми вопросы военной деятельности государства и военно-служебные отношения, входят нормы, относящиеся к другим отраслям права – административному, финансовому, жилищному, земельному и др. Следует отметить, что существование в системе права комплексных отраслей правовой наукой до настоящего времени не признано однозначно. Как правило, при этом в качестве аргумента указывается на отсутствие кодифицированного акта (кодекса), регулирующего ту или иную совокупность общественных отношений⁴.

Одним из приверженцев концепции наличия комплексных отраслей права является С.С. Алексеев, который отмечал, что для комплексных отраслей характерно соединение разнородных институтов профилирующих и специальных отраслей. В настоящее время формируются своеобразные сферы комплексного характера, юридически опосредующие новые слои «социальности» и, более того, отмечаются тенденции их перерастания в основные отрасли⁵. Правда, среди приводимых С.С. Алексеевым в качестве примера комплексных отраслей (торговое право, право прокурорского надзора, морское право, экологическое, информационное, предпринимательское право и др.) он не называет отрасль военного права,

которая в качестве отдельной отрасли упоминалась еще со второй половины XIX в.⁶

В то же время другие представители правовой науки отрицают существование комплексных отраслей права. Так, профессор Д.А. Керимов утверждает, что «считается общепризнанным, что отрасль права не может быть комплексной», так же как и правовой институт. «Нетрудно понять истоки этого, равно как и многих других заблуждений, которые кроются в отождествлении права и законодательства. Только законодательству свойственно создавать комплексные отрасли и институты права, но само право, будучи объективной категорией, не способно иметь комплексные отрасли и институты права»⁷. Однако следует отметить, что в последнем случае профессор Д.А. Керимов ведет речь не об отраслях и институтах права, а о комплексных отраслях законодательства и юридических институтах.

Профессор А.П. Коренев прямо указывает, что нет объективных оснований выделять из административного права новые отрасли права, в том числе военное право, поскольку оно имеет с административным правом общий предмет регулирования – управленческие отношения, т. е. является составной частью (институтом) единой суперотрасли административного права⁸. Данное суждение в отношении военного права не аргументированно, поскольку оно верно лишь в том случае, если вести речь только об управленческих отношениях. Но, как уже было сказано ранее, предметом военного права является военная деятельность государства, а она охватывает гораздо более широкий спектр отношений.

⁴ См., напр.: Военное законодательство Российской Империи (Кодекс русского военного права). М., 1996; *Кудашкин А.В.* О Военном кодексе Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 8. С. 2.

⁵ *Алексеев С.С.* Право: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 46.

⁶ *Штейн ф. Лоренц.* Учение о военном быте как часть науки о государстве / пер. А. Эртеля. СПб., 1875.

⁷ *Керимов Д.А.* Методология права. М., 2001. С. 269 – 270.

⁸ *Коренев А.П.* О соотношении административно-правовых институтов и отрасли административного права // Институты административного права: сб. ст. М., 1999. С. 42.

По нашему мнению, право не сводится лишь к нормативному массиву, т. е. своду законов и других правовых актов. Любая отрасль права призвана отражать достижения общества, передовые идеи и концепции, воплощая их в той или иной совокупности правовых норм (законе, кодексе и др.). Отсутствие кодифицированного акта свидетельствует лишь о том, что регулирование общественных отношений не является совершенным и требует дальнейшей систематизации в различных формах (от инкорпорации до кодификации). Например, научной юридической общественностью неоднократно поднимался вопрос о необходимости разработки и принятия кодифицированного акта в сфере воинских отношений (Военного кодекса или Кодекса военной службы)⁹, как это имело место в дореволюционной России (к примеру, только кн. 7 Свода военных постановлений (СВП) «Прохождение службы по военному ведомству» включала около 1 000 статей, являющихся нормами высшей юридической силы, т. е. законом. Другой пример – раздел (титл 10 «Вооруженные Силы») Свода законов США содержит более 9 000 статей. Несмотря на значительное количество в России федеральных законов в сфере военной деятельности, они до сих пор не носят кодифицированного характера, а именно кодекс характеризует степень и качество развития законодательства в той или иной сфере. В государстве, где погоны военнослужащих носят более полутора миллиона человек, такая потребность объективно существует.

Сегодня лишь можно констатировать, что регулирование воинских отношений силами и средствами одной отрасли права

⁹ См., напр.: *Кудашкин А.В.* Кодификация российского военного законодательства – актуальная задача военного строительства на современном этапе // *Рос. военно-правовой сб.* 2004. № 2. С. 27 – 34; *Государство и право.* 2005. № 1; *Право и государство: теория и практика.* 2004. № 1. С. 132 – 134.

в настоящее время невозможно в силу их большой дифференциации. В то же время объективно требуется использование возможностей нескольких отраслей права, из арсенала которых берется то, что в данный момент наиболее адекватно соответствует целенаправленному и эффективному правовому регулированию. Речь идет об интеграции отдельных отраслей права в кодифицированном правовом акте, которая должна привести к «легализации» военного права. Большинству норм военного права присущи признаки, характерные для отрасли права: единство, внутренняя согласованность и органическая взаимосвязь, что приводит к выводу о том, что есть все основания считать военное право самостоятельной отраслью. В то же время правовую науку обогатило бы современное исследование предметной области военного права, соотношения и взаимодействия отрасли военного права и отрасли военного законодательства.

Любая отрасль права развивается, и военное право не является исключением¹⁰. Актуальным представляется исследование вопросов оперативного права (правила ведения боевых действий), в практику и научный оборот введен термин «гибридная война», до настоящего времени не защищено ни одной диссертации по правовому положению военной организации государства и ее составной части – оборонно-промышленного комплекса. Особую актуальность сегодня также приобретают правовые исследования применения вооруженных сил в разрешении конфликтных ситуаций за рубежом (в Сирии, Ливии, Афганистане и других странах).

Также имели место попытки осмысления иностранного опыта, исследования понятия, роли, задач, правового положения

¹⁰ *Кудашкин А.В.* О соотношении военного права и права безопасности // *Право в Вооруженных Силах.* 2004. № 9.

частных военных компаний (ЧВК), которые пока не завершили системным правовым исследованием¹¹.

¹¹ См., напр.: *Воробьев Е.Г.* Правовой статус частных военных компаний в военном конфликте немеждународного характера: юридические ремарки к намерениям легализации частных военных компаний в Российской Федерации // *Военно-юрид. журн.* 2015. № 7; *Волеводз А.Г.* О международных инициативах в сфере правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // *Междунар. уголов. право и междунар. юстиция.* 2009. № 1; *Корякин В.М., Харитонов В.С.* Понятие «наемничество» в контексте деятель-

Это всего лишь некоторые направления возможных исследований в рамках военно-правовой науки. Реальная предметная область для военно-правовых исследований значительно шире.

ности частных военных компаний // *Право в Вооруженных Силах.* 2019. № 4; *Алексеев А.И.* «Синие» частные военные и охранные компании: современность и будущее // Там же. 2017. № 12; *Старцун В.Н.* Частные военные компании: международный опыт правового регулирования и перспективы легализации в Российской Федерации. М., 2016 и др.

К НОВОЙ РЕФОРМЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР? (комментарий к проекту закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти»)

А.Г. Асеев,

доцент, профессор кафедры конституционного и административного права
ФГКВООУ ВО «Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К.
Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации»;

В.М. Большакова,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и
административного права Нижегородского института управления Российской
академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации;

П.Ю. Наумов,

кандидат педагогических наук, старший офицер отделения правового обеспечения
ФГКУЗ «Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии
Российской Федерации»;

А.Н. Кононов,

кандидат педагогических наук, начальник кафедры теории и истории государства и
права ФГКВООУ ВО «Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К.
Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации»;

О.В. Бабарыкин,

полковник юстиции, заместитель начальника отдела руководства правовыми
подразделениями организационно-правового управления Договорно-правового
департамента Росгвардии

В статье на основании системного метода научно-правового исследования рассматриваются вопросы назначения руководителей федеральных органов исполнительной

власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, на материале проекта закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти». Установлено, что в предлагаемом проекте изменений Конституции Российской Федерации имеются предпосылки как к созданию ранее не существовавшего федерального органа исполнительной власти в области общественной безопасности, так и к структурным изменениям среди существующих федеральных органов исполнительной власти.

В соответствии с п. «г» ст. 84 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации 20 января 2020 г. внес на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации проект закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти»¹.

Помимо прочих весьма значительных изменений, которые предлагается внести в Основной Закон, Президентом Российской Федерации предложено ст. 83 Конституции Российской Федерации дополнить п. «д¹» следующего содержания:

«д¹) назначает на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождает от должности руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности». Также предложено Конституцию Российской Федерации дополнить ст. 129, посвященной Прокуратуре Российской Федерации.

Исходя из пояснительной записки к проекту названного закона предлагаемые изме-

нения вносятся для обеспечения большей прозрачности работы силовых ведомств, правоохранительных органов, независимо от органов прокуратуры в субъектах Российской Федерации.

На основании предложенного проекта изменений, которые предлагается внести в Конституцию Российской Федерации, необходимо выяснить, планируется ли организационно-штатное изменение федеральных органов исполнительной власти «президентского» или «силового» блока. Данному вопросу и посвящена настоящая статья.

Итак, нормативно-правовой анализ предлагаемых изменений позволяет отметить, что исходя из редакции нового пункта – п. «д¹» ст. 83 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации после консультаций с Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации назначает на должность и освобождает от должности руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами *обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности*. Попробуем выяснить, какие федеральные органы исполнительной

¹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7>

власти перечислены в названном проекте изменений.

В соответствии с разд. I Структуры федеральных органов исполнительной власти² к федеральным министерствам, федеральным службам и федеральным агентствам, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, относятся: Министерство внутренних дел Российской Федерации; Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий; Министерство иностранных дел Российской Федерации (а также подведомственное ему Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству); Министерство обороны Российской Федерации (а также подведомственные ему Федеральная служба по военно-техническому сотрудничеству и Федеральная служба по техническому и экспортному контролю); Министерство юстиции Российской Федерации (и подведомственные ему Федеральная служба исполнения наказаний и Федеральная служба судебных приставов); Государственная фельдъегерская служба Российской Федерации (федеральная служба); Служба внешней разведки Российской Федерации (федеральная служба); Федеральная служба безопасности Российской Федерации (федеральная служба); Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (федеральная служба); Федеральная служба охраны Российской Федерации (федеральная служба);

Федеральная служба по финансовому мониторингу (федеральная служба); Федеральное архивное агентство (федеральное агентство); Главное управление специальных программ Президента Российской Федерации (федеральное агентство); Управление делами Президента Российской Федерации (федеральное агентство).

Первым в проекте закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации в п. «д¹» ст. 83 в списке назначаемых руководителей федеральных органов исполнительной власти указан руководитель органа, ведающего вопросами в области обороны. Согласно п. 1 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации (Минобороны России)³ установлено, что оно является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию в области обороны, иные установленные федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации функции в этой области, а также уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в сфере управления и распоряжения имуществом Вооруженных Сил Российской Федерации и подведомственных Министерству обороны Российской Федерации организаций. Исходя из определения Минобороны России, мы приходим к выводу, что Президент Российской Федерации в первую очередь как Верховный Главнокомандующий опирается на силовую компонент – Вооруженные Силы Российской Федерации, а также на другие

² Утверждена Указом Президента Российской Федерации «О структуре федеральных органов исполнительной власти» от 21 января 2020 г. № 21.

³ Указ Президента Российской Федерации «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации» от 16 августа 2004 г. № 1082.

воинские формирования и органы с целью исключить для государства угрозы военной безопасности.

Аналогичным образом приходим к выводу, что далее в предлагаемом пункте речь идет о следующих руководителях федеральных органов исполнительной власти:

– Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ФСБ России)⁴, поскольку ФСБ России является федеральным органом исполнительной власти, в пределах своих полномочий осуществляющим государственное управление в области обеспечения безопасности Российской Федерации, борьбы с терроризмом, защиты и охраны государственной границы Российской Федерации, охраны внутренних морских вод, территориального моря, исключительной экономической зоны, континентального шельфа Российской Федерации и их природных ресурсов, обеспечивающим информационную безопасность Российской Федерации и непосредственно реализующим основные направления деятельности органов федеральной службы безопасности, определенные законодательством Российской Федерации, а также координирующим контрразведывательную деятельность федеральных органов исполнительной власти, имеющих право на ее осуществление;

– Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России)⁵, поскольку МВД России является феде-

⁴ Пункт 1 Положения о Федеральной службе безопасности Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации» от 11 августа 2003 г. № 960.

⁵ Пункт 1 Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутрен-

ральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в сфере миграции, а также правоприменительные функции по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере внутренних дел;

– Министерства юстиции Российской Федерации (далее – Минюст России)⁶, поскольку Минюст России является федеральным органом исполнительной власти, руководство деятельностью которого осуществляет Президент Российской Федерации;

– Министерства иностранных дел Российской Федерации (далее – МИД России)⁷, поскольку МИД России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере международных отношений Российской Федерации;

– Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных

бедствий (далее – МЧС России)⁸, поскольку МЧС России является федераль-

ных дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» от 21 декабря 2016 г. № 699.

⁶ Пункт 1 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» от 13 октября 2004 г. № 1313.

⁷ Пункт 1 Положения о Министерстве иностранных дел Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации «Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации» от 11 июля 2004 г. № 865.

⁸ Пункт 1 Положения о Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, утверж-

ным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию, а также по надзору и контролю в области гражданской обороны, *защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах.*

В предлагаемом п. «д¹» ст. 83 Основного Закона при перечислении федеральных органов исполнительной власти указан орган, занимающийся вопросами «общественной безопасности», но федерального органа Российской Федерации, напрямую осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области общественной безопасности, в настоящее время в структуре федеральных органов исполнительной власти нет.

Последовательное изучение предлагаемой редакции п. «д¹» ст. 83 Конституции Российской Федерации позволяет говорить о том, что в нем отсутствуют также некоторые руководители силовых федеральных органов исполнительной власти, деятельностью которых руководит Президент Российской Федерации. Речь здесь идет, прежде всего, о таких службах, как Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, Федеральная служба охраны Российской Федерации и Служба внешней разведки Российской Федерации⁹,

которые созданы в целях исключения для Российского государства внешних угроз и обеспечения государственной безопасности, в частности:

– Федеральная служба охраны Российской Федерации (далее – ФСО России)¹⁰. ФСО России является федеральным органом исполнительной власти в области государственной охраны, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в сфере государственной охраны, связи для нужд органов государственной власти, а также функции по информационно-технологическому и информационно-аналитическому обеспечению деятельности Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, иных государственных органов;

– Служба внешней разведки Российской Федерации (далее – СВР России). СВР России как федеральный орган исполнительной власти предназначена для *защиты безопасности личности, общества и Российского государства* от внешних угроз.

На основании п. 1 Положения о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – Росгвардия)¹¹ Росгвардия является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, в сфере

денного Указом Президента Российской Федерации «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» от 11 июля 2004 г. № 868.

⁹ Указ Президента Российской Федерации «Вопросы Службы внешней разведки Российской Федерации» от 7 октября 1992 г. № 1185.

¹⁰ Пункт 1 Положения о Федеральной службе охраны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации «Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации» от 7 августа 2004 г. № 1013.

¹¹ Указ Президента Российской Федерации «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации» от 30 сентября 2016 г. № 510.

оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности, в сфере частной детективной деятельности и в сфере вневедомственной охраны.

Задачи охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности возложены на различные силовые ведомства: МВД России, Росгвардию и др. Однако самостоятельного органа, для которого общественная безопасность была бы основным предметом деятельности, не существует.

Анализ понятия войск национальной гвардии Российской Федерации, приведенного в Федеральном законе «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ (ст. 1), позволяет установить, что поскольку они (войска) являются государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина, то эти задачи перед ними стоят. Но в то же время Росгвардия является центральным органом управления войсками национальной гвардии, следовательно, изменения в виде п. «д¹» ст. 83 Конституции Российской Федерации могут коснуться федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в сфере деятельности войск национальной гвардии и в других сферах, а значит, коснуться и самих войск.

Получается, что федеральные органы исполнительной власти, ведающие вопросами в сферах охраны и деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, в предлагаемом п. «д¹» ст. 83 Конституции Российской Федерации не именованы.

Таким образом, в предлагаемой редакции ст. 83 Конституции Российской Фе-

дерации имеется п. «д¹», исходя из анализа которого можно прийти к выводу, что в нем не поименованы федеральные органы исполнительной власти, подчиненные в настоящее время Президенту Российской Федерации (Федеральная служба охраны Российской Федерации, Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации и Служба внешней разведки Российской Федерации), а также имеется указание на создание федерального органа Российской Федерации, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области общественной безопасности. Приведет ли внесение предложенных изменений в Основной Закон страны к структурным изменениям среди федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, покажет только время и результаты их общественного обсуждения и общероссийского голосования. Однако следует отметить, что нормативные правовые предпосылки в изменениях, которые предлагается внести в Конституцию Российской Федерации, к этому имеются, поскольку, например, в п. 33 Перечня актов федерального законодательства, подлежащих признанию утратившими силу, приостановлению, изменению или принятию в связи с принятием закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти», указан Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЫТА НЕКОТОРЫХ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СЕКРЕТНЫХ ИЗОБРЕТЕНИЯХ

М.Д. Эситашвили,

аспирант кафедры гражданского права и процесса, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Статья посвящена исследованию имеющихся особенностей правового регулирования секретных изобретений в России на современном этапе. Рассматриваются модели правового регулирования секретных изобретений некоторых иностранных государств (Республика Белоруссия, Украина, Республика Казахстан). Сформированы предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации о секретных изобретениях.

Введение. Отнесение тех или иных сведений к государственной тайне обосновывается необходимостью обеспечения национальной безопасности государства, которая включает в себя не только оборону страны, но и все виды безопасности, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность и безопасность личности¹.

Значимость института «государственной тайны» повышается как раз в период усиления интеграционных процессов, когда информация становится одним из наиболее ценных объектов в обществе. В этой связи важное правовое значение имеют изобретения, которые содержат сведения, относящиеся к государственной тайне, в связи с чем им предоставляется особая правовая охрана².

Для совершенствования норм российского законодательства, регулирующих данные общественные отношения, целесообразно обратиться к опыту ряда иностранных государств.

Основные проблемы правовой охраны секретных изобретений на современном этапе. Общественные отношения, связанные как с охраной объектов интеллектуальной собственности, так и с защитой прав авторов на результаты интеллектуальной деятельности в Российской Федерации, регулируются частью четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). В вопросах защиты прав авторов и патентообладателей на секретные изобретения законодатель использовал правовую конструкцию защиты исключительного права, применяемую к несекретным (обычным) изобретениям, исключения из которой предусмотрены пп. 2, 4, 7 ст. 1401 ГК РФ³.

¹ Указ Президента Российской Федерации «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 г. № 683.

² Эситашвили М.Д. Некоторые аспекты правового регулирования секретных изобретений в Российской Федерации

на современном этапе // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: материалы Всерос. студенч. конф. (24 марта 2017 г., Иркутск). Иркутск, 2017. С. 185.

³ Право интеллектуальной собственности: актуальные проблемы: моногр. / С.М. Михайлов [и др.]; под общ. ред. Е.А.

Так, согласно п. 1 ст. 1402 ГК РФ «государственная регистрация секретного изобретения в Государственном реестре изобретений Российской Федерации и выдача патента на секретное изобретение осуществляются федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности или, если решение о выдаче патента на секретное изобретение принято уполномоченным органом, – этим органом. Уполномоченный орган, зарегистрировавший секретное изобретение и выдавший патент на секретное изобретение, уведомляет об этом федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности».

Вместе с тем, по мнению автора, вопросы правовой охраны секретных изобретений не могут регулироваться в рамках патентной системы, поскольку на период засекречивания изобретения попадают под столкновение двух противоположных правовых систем⁴. Так, с одной стороны, это патентная система, которая направлена на стимулирование творческой деятельности и информирование о новых технических решениях. С другой – система правовой охраны государственной тайны, которая, в свою очередь, ограничивает доступ к сведениям, которые могут нанести вред национальной безопасности Российской Федерации, если будут находиться в свободном доступе.

Основные проблемы правовой охраны секретных изобретений можно разделить на две группы. К первой группе относятся проблемы, связанные с приобретением прав на секретные изобретения. Ко второй группе относятся проблемы, связанные с

распределением полученных прав на секретные изобретения. Именно эти проблемные вопросы остаются актуальными на современном этапе, поскольку отсутствует четкий механизм правового регулирования в отношении данных изобретений.

Анализ опыта Украины, Республики Белоруссия и Республики Казахстан. Национальные патентные законодательства указанных стран имеют как общие подходы к решению ряда вопросов в области правовой охраны секретных изобретений, так и различия при решении частных проблем. В этой связи, с учетом общих исторических и экономических условий, можно выделить некоторые предпосылки их развития:

1) законодательство СССР является предшественником для нынешних национальных патентных законодательств (России, Украины, Республики Белоруссия, Республики Казахстан);

2) одинаковый отрезок времени, в течение которого формировались национальные законодательства указанных государств.

Следует отметить, что 4 июня 1999 г. в г. Минске на заседании Совета глав правительств Содружества Независимых Государств было принято Соглашение «О взаимном обеспечении сохранности межгосударственных секретов в области правовой охраны изобретений», которое подписали Российская Федерация, Республика Белоруссия, Украина, Республика Казахстан.

В Законе Украины «Об охране прав на изобретения и полезные модели» (в редакции 2009 г.) содержится понятие «секретное изобретение» – изобретение, содержащее информацию, отнесенную к государственной тайне⁵. Патентным законода-

Моргуновой. М., 2014. С. 88.

⁴ Азовцев В.С. Правовая охрана секретных изобретений в России: Есть вопросы // Патенты и лицензии. 2011. № 5. С. 43.

⁵ Об охране прав на изобретения и полезные модели: закон Украины от 15 дек. 1993 г. № 3687-XII. URL: <http://www.wipo>.

тельством Украины предусмотрена выдача действующих в режиме секретности следующих охранных документов: патента и декларационного патента на секретное изобретение и декларационного патента на секретную полезную модель. Реализация исключительного права, вытекающего из патентов на секретные объекты промышленной собственности, ограничена законодательством о государственной тайне и решениями Государственного эксперта по вопросам тайн⁶.

Владелец патента на секретное изобретение имеет право на получение от государственного органа денежной компенсации на покрытие расходов за уплату пошлин, которая определяется Кабинетом министров Украины⁷.

Статьей 1 Закона Республики Беларусь «О патентах на изобретения и полезные модели» предусмотрено, что «изобретения, содержащие сведения, разглашение которых может нанести ущерб безопасности, должны быть засекречены в порядке, установленном Правительством Республики Белоруссия»⁸.

Регулирование вопросов, связанных с составлением, оформлением и подачей заявок на секретное изобретение, регулируется ст.ст. 9 и 10 Закона «О патентах на изобретения и полезные модели» и правилами, установленными Белгоспатентом.

В соответствии с патентным законодательством Республики Белоруссия возмож-

ны два пути поступления заявок на регистрацию секретных изобретений. Первый – через республиканский орган государственного управления, уполномоченный на отнесение сведений, содержащихся в изобретениях, к государственным секретам; второй – непосредственно через Белгоспатент⁹.

Согласно Инструкции о порядке обращения с заявками на секретные изобретения от 4 апреля 2004 г. № 4 все поступившие в управление предварительной экспертизы заявки на изобретения оцениваются Белгоспатентом на предмет возможного содержания в них информации, которая может быть отнесена к государственным секретам¹⁰.

Белгоспатент осуществляет экспертизу заявки на секретное изобретение, включающую предварительную экспертизу и патентную экспертизу (экспертиза по существу), результатом которой является решение о выдаче патента по данной заявке или об отказе в его выдаче¹¹.

Если по результатам патентной экспертизы будет установлено, что изобретение содержит сведения, разглашение которых может нанести ущерб безопасности Белоруссии, а следовательно, они должны быть засекречены, то выдача патента приостанавливается на срок засекречивания, а автору секретного изобретения выдается удостоверение автора, которое предоставляет ему как право на компенсацию за убытки, возникшие в связи с засекречиванием, так и право на вознаграждение за использование секретного изобретения¹².

<http://wipolex.ru/details.jsp?id=6500> (дата обращения: 13.01.2020).

⁶ *Инишкова А.О.* Охрана трансграничного оборота результатов интеллектуальной деятельности в контексте экономико-правовой интеграции Российской Федерации // Журн. рос. права. 2015. № 2. С. 197.

⁷ *Залесов А.В., Фомичева Т.С.* Об изменениях в патентном законодательстве Украины // Изобретательство. 2014. № 8. С. 17.

⁸ О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы: закон Республики Беларусь от 16 дек. 2002 г. № 160-З. URL: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=10075> (дата обращения: 13.01.2020).

⁹ *Шилин А.* Вопросы охраны государственных секретов в действующем законодательстве Республики Белоруссия // Юрист. 2009. № 10. С. 16.

¹⁰ URL: <http://pravo.kulichki.com/zak2007/bz41/dcm41990.htm> (дата обращения: 13.01.2020).

¹¹ *Гатагонова Р.М.* Правовая охрана секретных изобретений в промышленно развитых странах // Бюл. Владикавказ. ин-та управления. Владикавказ. 2012. № 38. С. 74.

¹² *Благополучная К.В.* О введении в действие системы единого патента на территории стран Европейского Союза // Изо-

Законодательством Республики Белоруссия предусматривается возможность выдачи патента только в случае снятия ограничений на распространение сведений, содержащихся в заявке на секретное изобретение, с регистрацией в Государственном реестре изобретений.

Совсем иную модель правового регулирования можно увидеть в законодательстве Республики Казахстан. Заявка на выдачу охранного документа на объект промышленной собственности подается в экспертную организацию уполномоченного органа Министерства юстиции Республики Казахстан в сфере охраны изобретений, полезных моделей, промышленных образцов и рассматривается в соответствии с Патентным законом и Правилами¹³. Если в ходе проверки на предмет наличия сведений, составляющих государственную тайну, будут найдены такие сведения, то они подлежат засекречиванию в соответствии с ведомственными перечнями¹⁴.

Под секретными объектами промышленной собственности в Республике Казахстан понимаются «объекты промышленной собственности, содержащие сведения военного, экономического, политического и иного характера, разглашение или утрата которых наносит или может нанести ущерб национальной безопасности Республики Казахстан».

В случае установления таких сведений в заявке экспертная организация образует межведомственную комиссию по секретным объектам промышленной собствен-

сти с обязательным привлечением специалистов соответствующих государственных органов, к компетенции которых относится засекречивание соответствующего объекта промышленной собственности¹⁵.

Если было принято решение о засекречивании объекта, то об этом уведомляется заявитель. При этом государственный орган, засекретивший объект, обязан уведомить об этом Министерство юстиции Республики Казахстан. Если же было принято решение об отказе засекречивания, то заявка рассматривается в соответствии с законодательством в сфере охраны промышленной собственности.

Особенностью данной модели правового регулирования является то, что объектам промышленной собственности не предоставляется правовая охрана в соответствии с Патентным законом Республики Казахстан, так как в них содержатся сведения, которые относятся к государственной тайне, и данные объекты промышленной собственности являются собственностью государства и охраняются в соответствии с Законом «О государственной тайне» Республики Казахстан¹⁶.

Основные результаты. Таким образом, можно сделать вывод, что в Республике Казахстан выбран совершенно иной путь, чем в других странах бывшего СССР (Российская Федерация, Республика Белоруссия, Украина), поскольку избрана иная модель правового регулирования секретных объектов промышленной собственности, а именно: отсутствует патентная система в рамках государственной тайны, что позволяет устра-

братательство. 2013. № 3. С. 17.

¹³ Булгакова Р.Х. Некоторые вопросы правовой охраны изобретений в Казахстане: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 14.

¹⁴ Об утверждении Правил обращения с секретными объектами промышленной собственности: приказ Министра юстиции Республики Казахстан от 18 марта 2015 г. № 165. URL: <https://tengrinews.kz/zakon/> (дата обращения: 13.01.2020).

¹⁵ Копылкова Н.М. Способы распоряжения исключительным правом // Культура: управление, экономика, право. 2014. № 2. С. 7.

¹⁶ URL: https://tengrinews.kz/zakon/parlament_respubliki_kazakhstan/gpajdanskoe_pravo/id-Z990000427_/#z65 (дата обращения: 13.01.2020).

нить конфликт между двумя моделями правового регулирования. Выбранная модель правового регулирования, т. е. закрепление права собственности государства на секретный объект промышленной собственности, в полной мере удовлетворяет государственные интересы, направленные на обеспечение национальной безопасности.

Однако при этом не учтены интересы автора секретного промышленного объекта, не сказано о материальном вознаграждении и иных имущественных интересах автора.

Опыт Республики Казахстан может быть полезен для Российской Федерации в части признания за государством права собственности на секретные объекты промышленной собственности, в частности на секретные изобретения, в случаях реальной угрозы национальной безопасности Российской Федерации.

Для совершенствования норм законодательства Российской Федерации может быть применен опыт выдачи патента, имеющийся в Республике Беларусь, где выдача патента приостанавливается до рассекречивания изобретения. Главным достоинством данного способа является отсутствие правового конфликта двух правовых систем и обеспечение национальной безопасности.

Представляется в достаточной степени обоснованным введение в российское законодательство отказа от выдачи патента на секретное изобретение до момента его рассекречивания.

В связи с изложенным выше потребуется внесение изменений в уже существующие нормы ГК РФ или, что, по мнению автора, выглядит более предпочтительным, подготовка и издание отдельного закона.

Автор полагает, что основой предлагаемого законопроекта должны стать следующие базовые положения:

1) сохранение в нем основополагающих принципов Закона Российской Федерации «О государственной тайне» и закрепление временного характера режима секретности изобретения. При этом режим патентной охраны изобретению должен предоставляться после его рассекречивания;

2) закрепление за государством исключительных прав на период засекречивания изобретения. Фактически уполномоченным органом будет осуществляться либо закрепление сферы применения секретного изобретения, либо запрет на его дальнейшее использование;

3) выдача автору изобретения авторского свидетельства как специального охранного документа, удостоверяющего приоритетность, требуемый объем правовой охраны, авторские права, получаемое вознаграждение. При этом недопустимо превышение срока действия данного свидетельства над сроком засекречивания изобретения;

4) закрепление имущественных прав за автором, что, без преувеличения, должно стать одним из ключевых положений законопроекта. При этом реализация данного права может быть осуществлена в два этапа. Представляется обоснованным осуществление выплаты первой части вознаграждения сразу после оформления охранного документа. Что касается второй части, то логично, если это вознаграждение будет выплачено уже пользователем, которому было передано право на использование конкретного секретного изобретения. Во главу угла здесь должны быть поставлены интересы национальной безопасности государства;

5) формирование системы правовых и экономических механизмов, направленных на развитие инноваций в исследуемой сфере.

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА В РОССИИ. ЧАСТЬ 2

О.А. Овчаров,

кандидат юридических наук

В статье кратко рассмотрены и проанализированы основные этапы совершенствования правового института военного духовенства в России с древнейших времен, а также основные нормативные правовые документы по этим специфическим вопросам в области государственно-церковных отношений, приводится систематизация и периодизация генезиса и последовательного совершенствования правового регулирования деятельности военного духовенства в войсках, рассматриваются особенности его взаимоотношений с командованием и личным составом.

4. Период систематизации (1800 – 1890). Характеризуется появлением множества нормативных правовых актов, их систематизацией, а посредством этого усовершенствованием постоянно действующих специфических органов управления штатными военными священниками, качественными изменениями в организационном устройстве и деятельности военного духовенства.

4.1. Эпохальное значение в создании постоянно действующего института военного духовенства сыграл Указ Павла I «О состоянии армейским Священникам в военное время под ведением Обер Священника» от 4 апреля 1800 г.¹ Если до этого Воинский устав (1716) предусматривал должность Обер-полевого Священника при Фельдмаршале или командующем Генерале, т. е. в действующей армии, создаваемой на военный период для ведения боевых действий, то с появлением данного Указа Павла I правовая ситуация существенно изменилась.

Теперь должность полевого Обер Священника из временной (на период ведения военной компании) превращалась в посто-

янную (на мирное и военное время). Более того, полномочия его в отношении подчиненных ему военных священников существенно возрастали за счет ограничения полномочий правящих архиереев: «по всей части белаго священства принадлежит ему главное начальство, в разсуждении всего того, что идет и до Юридических надобностей; воля Его Императорского Величества и в том состоит, чтобы без ведения и одобрения онаго полеваго Обер Священника никаких перемен по части армейских Священников не чинить и не переменять Иереев». Теперь правящие архиереи без одобрения Обер Священника не могли перемещать военных священников. Получается, что архиереи должны были в отношении военного духовенства выполнять волю Обер Священника, учитывать его усмотрение, причем не только в военное время (когда идут боевые действия – что было бы хоть как-то объяснимо), но и во время мирное. Примечательно, что объявлен был вышеназванный Указ Синодальным Членом Амвросием Архиепископом С.Петербургским. Это дает основание полагать, что указанное решение государства состоялось

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 26. № 19.369. С. 114.

с ведения и согласия Церкви в лице представителей Синода.

Вместе с тем, 39 Правило Святых Апостолов гласит: «Пресвитеры и диаконы без воли епископа ничего да не совершают». В этой связи возникает закономерный вопрос, насколько согласуется рассматриваемый Указ Павла I с этим церковным установлением, допуская возможность пресвитеру (Обер Священнику) ограничивать волю епископа (получением одобрения у пресвитера) или вовсе действовать против воли правящего епископа (не одобряя, например, планируемые им перемещения военных священников).

Таким образом, на рубеже XVIII – XIX вв. армейское духовенство получило постоянно действующего (в мирное и военное время) начальника с достаточно широкими полномочиями, а сам институт военного духовенства был еще больше обособлен – сформирован как самостоятельная структура. Этот институт претерпел качественные организационные преобразования, в основе которых был в определенной мере реализован принцип единоначалия в достаточно разросшейся уже к тому времени штатной структуре военного духовенства.

4.2. Следует отметить, что в Российской империи в XVIII – начале XX вв., несмотря на много общего, имелись существенные различия в правовом статусе и круге обязанностей военного священника и невоенного, приходского. Как справедливо указывает В. Рогоза, главное отличие – военный священник находился на государственной службе: он назначался на должность государственным органом, получал постоянное жалованье, казенную квартиру, существенные льготы как во время службы, так и при увольнении на пенсию. Он материально не зависел от прихожан и имел высокую сте-

пень самостоятельности при решении как богослужебных, так и внебогослужебных задач. Такое положение духовенства силовых структур позволяло предъявлять к нему высокие требования, постоянно расширять круг его обязанностей, которые существенно отличались от обязанностей приходских иереев².

Сложность и противоречивость ситуации состояла в том, что источником средств к существованию невоенных – обычных приходских – священников являлись доходы от прихода и от совершаемых треб. У военного духовенства не было приходов, а брать деньги за совершение треб для военнослужащих запрещалось законодательством³. А ведь у военного духовенства также имелись семьи и порой немаленькие, которые необходимо было содержать, да еще и перемещать к месту передислокации воинской части, к новому месту службы военного священника. Такое положение ставило вопрос о социальной защите военных священнослужителей и их семей, претерпевающих тяготы и лишения военной службы и не имеющих стабильного источника средств к существованию. Выход здесь виделся всеми один: поскольку государство для пользы военного дела инициировало присутствие священника в войсках, оно же и брало на себя его социальную защиту (в связи с исполнением им в войсках своих религиозных задач), оно же устанавливало его социально-правовое положение и стремилось создать ему благоприятные условия службы в интересах обороны страны.

² Рогоза В. Правовое регулирование взаимоотношений Православной Церкви и силовых ведомств в Российской Империи. URL: <http://www.kapellan.biz/content/view/1319/323/> (дата обращения: 20.11.2019).

³ См., например, ст. 40 отделения третьего (Общие обязанности военных священников) гл. II (Об обязанностях военнослужащих) кн. VII (Прохождение службы по военному ведомству) Свода Военных Постановлений 1869 г. (Пг., 1916).

Появление в войсках постоянной штатной должности Обер Священника было логическим продолжением этой политики государства в отношении укреплении института военного духовенства, с одной стороны, а с другой стороны, было обусловлено столкновением интересов государства и Церкви в части комплектования штатов военного духовенства наилучшими священниками. Суть этой проблемы состояла в том, что не всегда полностью совпадали государственные интересы (по организации духовных основ обороны страны) и интересы церкви (по организации богослужebной и пастырской деятельности на приходах). Опытных (отвечающих высоким требованиям государства) священников в стране не хватало, в то время как росла численность армии, а с ней и численность (потребного для обслуживания ее духовных нужд) военного духовенства. Командование было заинтересовано в укреплении кадров военного духовенства, а архиереи были заинтересованы в укреплении приходов, в обеспечении их опытными и энергичными священниками. Государство вводило должность Обер Священника и наделяло его такими высокими полномочиями для того, чтобы в этом столкновении интересов военное духовенство не обезлюдело или не наполнилось худшими кадрами священников, которые не смогли бы понести на должной высоте бремя духовного служения в войсках и не дискредитировали бы сам институт военного духовенства, не подорвали бы тем самым духовные основы военного строительства, обороноспособность государства. Командование на личном опыте убедились, что боевой дух войск во многом зависел от боевого духа военного духовенства, от его личных, морально-деловых, профессиональных качеств.

В связи с изложенным выше сложность правового положения Обер Священника состояла в том, что, являясь представителем Церкви, выйдя из ее недр, он призван был отстаивать интересы государства в укреплении кадров военного духовенства, в отборе лучших священников, их расстановке и перемещении на штатных должностях военного духовенства в интересах военного дела и обороны страны – нередко в ущерб кадровой политике Церкви, снижая, таким образом, численность опытных священников на приходах.

4.3. В январе 1812 г. императором Александром I было утверждено Учреждение для управления большой действующей армии (далее – Учреждение)⁴, где в ст.ст. 240 – 248 указывались цели, задачи и содержание деятельности Полевого Обер Священника, в том числе устанавливалось, что он есть «Начальник всех полковых священников Армии, что при нем находится Диакон и нужное число церковных служителей, для отправления службы Божией при Главной Квартире, что Полевой Обер Священник наблюдает за благочинием и добрым поведением полковых Священников, чтобы служба Божия отправляема была по церковному Положению в Церкви Главной Квартире и во всех полковых Церквях, чтобы Священники пеклись особенно о доставлении больным и раненым утешений Веры и Святаго причащения, а также, чтобы перед выступлением против неприятеля и по одержании побед при Армии отправлено было надлежащее Молебствие».

Кроме того, Учреждение определяло место священника во время боя и его обязанности. В частности, в ст.ст. 429, 431 устанавливалось, что на местах перевязки

⁴ Учреждение для управления большой действующей армии. СПб., 1812.

должны находиться полковые священники, а при предании убитых земле они должны были совершать обряд отпевания. Предусматривалось также Уложением (ст.ст. 455, 461) обеспечение военного духовенства и церковного хозяйства повозками и фурами, а также определялся порядок их транспортировки.

Внимательное рассмотрение перечисленных (и утвержденных императором в Учреждении) обязанностей военного духовенства показывает, какую огромную роль играл духовный фактор в военном деле, на поле боя, в обеспечении обороны страны. Военное духовенство для выполнения в воюющих войсках своей высокой миссии обеспечивалось всем необходимым, все более и более встраивалось в военную организацию обороны страны. Оно было призвано обеспечить духовную связь личного состава с Богом религиозными средствами, возбудить крепкую веру в Бога, в помощь Божию, в победу, а также оказывать помощь раненым, совершать молитвы за погибших. Все это способствовало повышению боевого духа войск, внутренней твердой уверенности в победе, формировало бесстрашие, непреклонность, мужество, терпение, твердую волю к победе, давало силы стойко переносить все тяготы и лишения военной службы в суровых боевых условиях, любой ценой (в том числе и ценой самой жизни) идти к победе. Чтобы возбудить, зажечь, привести в действие боевой дух войск, вызвать к жизни высокие моральные и боевые качества, на военное духовенство возлагалась большая ответственность, от него требовалось исполнять свои обязанности на самом высоком уровне, показывать личный пример жертвенного служения, мужества и героизма.

4.4. Следует отметить, что на протяжении десятилетий уточнялись и допол-

нялись обязанности и полномочия военного духовенства. Так, например, общие обязанности военных священников были систематизированы в 1869 г. в Своде военных постановлений и состояли из 19 статей (ст.ст. 37 – 55)⁵. Примечательно, что помещены были эти статьи с общими обязанностями в отделении третьем, входившим в гл. II, которая называлась «Обязанности военнослужащих». А эта глава, в свою очередь, входила в книгу VII «Прохождение службы по военному ведомству». Такое помещение обязанностей показывает, какое место военное духовенство занимало в системе органов военного управления, а также свидетельствует об отношении государства (в лице командования) к службе военного духовенства. Приравнение этой службы к военной, а обязанностей военного духовенства – к обязанностям военнослужащих указывает на значимость военного духовенства, на чрезвычайную важность надлежащего исполнения военными священниками своих обязанностей в войсках.

Ряд ученых в соответствии с дореволюционным законодательством относили штатных военных священников к военнослужащим – по их отношению к государству и военным организациям, по происходящему из этого правовому статусу. Так, А.М. Добровольский считал, что военнослужащими должны признаваться все те лица, которые, находясь в государственно-служебных отношениях к государству, непосредственно или косвенно своей обязательной деятельностью в армии и в военном управлении содействуют осуществлению задач вооруженной борьбы государства⁶.

⁵ Прохождение службы по военному ведомству. Кн. VII Свода военных постановлений 1869 года. СПб., 1907. С. 9.

⁶ Добровольский А.М. Военно-административные законы. Военная служба. Конспект лекций. СПб., 1905. С. 8.

По дореволюционному законодательству к военнослужащим относились:

1) воинские чины, состоящие на действительной военной службе;

2) гражданские чиновники военного ведомства, состоящие на действительной военной службе в военном ведомстве и имеющие классный чин;

3) военное духовенство, которое, кроме лиц, имеющих военные и гражданские чины, состояло на службе в военном ведомстве. Степени духовной иерархии определялись в канонических постановлениях церкви и в Своде Законов Российской Империи⁷.

Следовательно, анализируя данные обстоятельства, приходит к заключению А.В. Кудашкин в параграфе 4.1 своего исследования «Военная служба Российской Федерации: теория и практика правового регулирования»⁸, понятие военнослужащего характеризовалось следующими признаками:

– во-первых, наличием у лица военного или гражданского чина или военного духовного сана;

– во-вторых, занятием должности в военном ведомстве.

Однако каждая из указанных групп характеризовалась своим правовым положением. Если лица, входящие в первую группу (военные чины), непосредственно осуществляли задачи вооруженной борьбы государства, то входящие во вторую (гражданские чины) и третью (военные священники) группы – косвенно. Гражданские чины принимали участие в выработке тех или иных управленческих решений, тем самым в военном ведомстве им была отведе-

на вспомогательная роль. Военные священники должны были исполнять религиозные обряды и нести другие обязанности лиц духовного сана в войсках⁹.

Таким образом, заключает А.В. Кудашкин, военнослужащими в дореволюционной России являлись лица, находящиеся в публично-правовых и духовно-правовых отношениях и занимающие должности в военном ведомстве, т. е. исполнение службы в военном ведомстве было главным критерием, определяющим лицо, являющееся военнослужащим. В дальнейшем содержание понятия «военнослужащий» в советской и российской правовой науке и, как следствие, в законодательстве изменилось.

Сама детализация обязанностей военного духовенства указывает на важность тех вопросов, которые требуют детального упорядочения, приведения к единообразию и соответствующего правового закрепления. Анализ этих обязанностей показывает, что было устранено недоразумение, связанное с подчинением военного духовенства. Если ранее этот вопрос четко не регламентировался и было не вполне ясно, в чьем непосредственном подчинении находится военный священнослужитель, то теперь ст. 37 книги VII Свода военных постановлений прямо указывала всем, в том числе и командирам, что военные священники состоят в безусловном подчинении протопресвитера военного и морского духовенства. Вместе с тем, на них налагалась этой же статьей и обязанность исполнять все законные распоряжения непосредственного военного начальства.

Это очень важное положение, к которому институт военного духовенства шел путем проб и ошибок более двух столетий (с 1647 г. по 1869 г.) с момента своего первого

⁷ СЗ РИ. Кн. 9. Разд. 2. СПб., 1896.

⁸ Кудашкин А.В. Военная служба Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. 2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁹ Статьи 37 – 55 СВП. Кн. 7. СПб., 1907. С. 16 – 18.

правового закрепления в государственных нормативных правовых актах. Обнаруживается, как видно из анализа этой правовой нормы, двойное подчинение военного священника. Прямое (в современном понимании или безусловное в терминах середины XIX в.) подчинение протопресвитеру (т. е. своему священноначалию – руководителю всего военного духовенства) и специальное подчинение – непосредственному военному начальству по вопросам, отнесенным к компетенции соответствующих командиров, т. е. к организации военной службы, решению военных задач. При этом предписывалось исполнять только законные распоряжения военного начальства. Такой акцент на законность был неслучаен, так как командиры нередко выходили за пределы своей компетенции и вмешивались в компетенцию священников, в их богослужебную или пастырскую деятельность, пытались установить в этой сфере свои порядки, свое понимание, нередко вразрез с внутренними установлениями Церкви.

На это указывали некоторые исследователи. В частности, Н. Невзоров отмечал, что всего чаще командиры из иноверцев по своему религиозному фанатизму становились во враждебные отношения к полковому духовенству и, не понимая значения православных обрядов, нередко давали священнику приказание служить обедню в неуточное время или назначали вместо панихиды – молебен и пр. Замечания священника относительно благопристойности военных чинов в Церкви, добросовестное и неспешное исполнение богослужения подвергали его упрекам со стороны военного начальства. Иногда протесты священников против незаконных требований полковых командиров были недействительны (т. е. не оказывали нужного действия). Самоу-

правство командиров нередко проявлялось в предписаниях полковым священникам совершать браки без соблюдения формальностей, требуемых законом, в приказании отправлять требы по полкам, расположенным по разным местам, без выдачи на это прогонов¹⁰.

Следует также обратить внимание на то важное обстоятельство, что в указанном двойном подчинении в качестве начальствующего не назван епископ, местный правящий архиерей. Вместе с тем, Правило 39 Святых Апостолов гласит: «Пресвитеры и диаконы без воли епископа ничего да не совершают». Получается, что вопреки указанному правилу Святых Апостолов военные священники, вырванные из своих приходов, ставятся в полное подчинение протопресвитера (священника) и командира, совершают свою деятельность в войсках по воле этих лиц, но не епископа. И только когда возникают недоразумения и разногласия между военным начальством и военными священниками при исполнении церковно-богослужебных обязанностей, как указано в приложении к ст. 37 Свода военных постановлений, тогда они разрешаются или благочинным, или протопресвитером, или местным архиереем. Как видно, местный архиерей, епископ мог привлекаться лишь в качестве одной из примирительных процедур при возникновении разногласий и недоразумений. В остальных случаях воля местного епископа не подлежала учету в деятельности военного духовенства.

Данный вывод также напрашивается при анализе всех остальных (18) статей Свода военных постановлений об обязанностях военных священников, поскольку ни в одной из этих статей об обязанности военно-

¹⁰ Невзоров Н. Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России. СПб., 1875. С. 80.

го священника выполнять волю местного епископа ничего не говорится. Этот вопрос в государственном правовом регулировании обходится молчанием, а церковное правило не имеет соответствующего механизма реализации в отношении военного духовенства и его деятельности в услови-

ях военной службы. Что позволяет сделать вывод о недостаточной согласованности церковного и государственного права в тот период деятельности военного руководства и о недостатках правовой работы по совершенствованию государственно-церковных отношений.

Начало на стр. 36.

3349. Постановление Совета Министров СССР от 21 августа 1989 г. № 674 «О дополнительных льготах военнослужащим, уволенным с действительной военной службы в запас или отставку, и их семьям» (СП СССР, 1989, № 30, ст. 133).

3356. Постановление Совета Министров СССР от 7 сентября 1989 г. № 734 «О мерах по улучшению обеспечения жилой площадью лиц офицерского состава, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы, уволенных в запас или в отставку» (СП СССР, 1989, № 32, ст. 140).

3428. Постановление Совета Министров СССР от 16 февраля 1990 г. № 182 «О повышении минимальных размеров пенсий по случаю потери кормильца членам семей военнослужащих срочной службы» (СП СССР, 1990, № 8, ст. 41).

3470. Постановление Совета Министров СССР от 7 июня 1990 г. № 568 «О прописке членов семей военнослужащих».

3528. Постановление Совета Министров СССР от 11 октября 1990 г. № 1010 «Об особенностях прохождения действительной военной службы военнослужащими - народными депутатами, освобожденными от выполнения служебных обязанностей вследствие избрания их в состав Верховного Совета СССР, Верховных Советов союзных и автономных республик и местных Советов народных депутатов или их органов» (СП СССР, 1990, № 29, ст. 138).

3548. Постановление Совета Министров СССР от 8 декабря 1990 г. № 1242 «О должностных окладах некоторых категорий военнослужащих Советской Армии, Военно-Морского Флота, Комитета государственной безопасности СССР и Министерства внутренних дел СССР, проходящих службу в северных и восточных районах Вологодской области».

3557. Постановление Совета Министров СССР от 15 декабря 1990 г. № 1299 «О порядке присвоения воинских званий офицерского состава и специальных званий начальствующего состава некоторым категориям военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел».

3583. Постановление Совета Министров СССР от 30 декабря 1990 г. № 1390 «Об упорядочении прохождения действительной военной службы военнослужащими, освобожденными от выполнения служебных обязанностей в связи с избранием в состав выборных органов общественных объединений в Вооруженных Силах СССР, войсках (органах) Комитета государственной безопасности СССР, Министерства внутренних дел СССР и железнодорожных войсках».

3584. Постановление Совета Министров СССР от 30 декабря 1990 г. № 1393 «О государственном обязательном личном страховании военнослужащих и военнообязанных, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел» (СП СССР, 1991, № 4, ст. 16).

3598. Постановление Кабинета Министров СССР от 21 марта 1991 г. № 110 «Об изменении порядка воинского учета отдельных категорий личного состава военизированной пожарной охраны».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, АННОТАЦИИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ

Информация об авторах, аннотации, библиографические списки размещены на странице журнала на сайте по адресу <http://www.opklex.com/svedeniya-ob-avtorax-04-2020g.html>